Цѣн...

...мъ,
...Они
...ней
...ого
...ол-
...ота

...дъ
...од-
...нія
...иво,
...ми-

...со-
...мірѣ
...ыхъ
Presse, ...ить:
...ition ...ело-
...аль-
...мн
..., 84- ...
...ихъ
...a Fran- ...лѣ
...ти,
...ид-
...Rodina», ...

Цѣна 10 фр.

Складъ изданія:

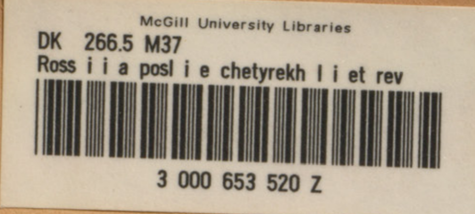
Société Anonyme de Presse, de Publicité et d'Édition
22, Rue d'Anjou, PARIS.

ВЪ ЛОНДОНѢ: П. А. Макушинъ, 84-, Chancery Lane, London, W.C.2.

ВЪ РИМѢ: А. К. Ржепецкій, Via Francesco Crispi, 90.

На страны съ низкой валютой:

ВЪ БЕРЛИНѢ: Buchhandlung «Rodina», Charlottenburg, Kantstrasse, 24.



Соціально-психическіе процессы.

Вторая книга посвящена духовному «лицу» Россіи. Рѣзцомъ, вырѣзавшимъ его, были великія событія послѣднихъ лѣтъ. Они открылись войной и продолжались революціей. Рѣзьба послѣдней была острѣе, смѣлѣй, она по времени ближе къ намъ и оттого въ сложномъ переплетѣ новыхъ чертъ, появившихся на коллективной душѣ населенія, лишь изрѣдка угадывается работа войны, обычно мы видимъ и чувствуемъ руку революціи.

Какъ сказано, новое «лицо» еще не закончено. Работа надъ нимъ продолжается. Рядъ важныхъ новыхъ чертъ выступаетъ, однако, уже рѣзко и онѣ составляютъ главный объектъ вниманія въ этой части книги. Другія черты выступаютъ еще обманчиво, неясно. За исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ, я пройду мимо нихъ.

Но есть ли, дѣйствительно-ли существуетъ новое лицо у современной Россіи? Не обманывается ли зрѣніе въ этомъ мірѣ нематеріальныхъ, сложныхъ и темныхъ явленій, для которыхъ нѣтъ ни счета, ни мѣръ, ни вѣсовъ? Эти вопросы *надо* поставить: столько вѣдь имѣется лицъ и цѣлыхъ группъ, которыя то словомъ, то дѣйствіемъ безпрерывно отрицаютъ происшедшія соціально-психическія перемѣны. Всего лишь полгода съ небольшимъ мы были прямо потрясены «цѣльностью» міровоззрѣнія и напряженнымъ оптимизмомъ лидера одной изъ русскихъ политическихъ партій, прочитавъ въ Москвѣ его заявленіе, что революція послѣ паденія большевиковъ и появленія демократической власти, еще не кончена и ее необходимо «углублять». Человѣкъ, очевид-

но, еще весь во власти чаръ 1917 г.! А вотъ цѣлыя партіи, одна изъ которыхъ не колеблясь и съ надеждой на успѣхъ лозунга пишетъ на своихъ знаменахъ «соціализація земли», а другая столь же увѣренно выдвигаетъ лозунгъ легитимной Романовской монархіи. Обѣ онѣ живутъ еще прошлымъ. Далекія другъ другу по своимъ програмнымъ требованіямъ, онѣ — близнецы по своему воспріятію современной Россіи. Для обѣихъ партій Россія не измѣнилась. Она та-же, что и была, имъ хорошо извѣстная — одной изъ эмиграціи и подполья, другой — изъ петербургскихъ канцелярій. Одинъ извѣстный общественный дѣятель Россіи, годы уже находящійся въ эмиграціи, при двухкратномъ свиданіи со мной, оба раза увѣренно заявилъ, что онъ «хорошо знаетъ Россію». «Знали», поправилъ я въ первый разъ. «И знаю», убѣжденно подтвердилъ собесѣдникъ.

Въ основѣ этихъ словъ и дѣлъ лежитъ отождествленіе современной Россіи съ прошлой. Тутъ глубокое заблужденіе: нынѣшняя Россія въ своемъ духовномъ обликѣ въ извѣстной мѣрѣ, конечно, *отражаетъ* прошлую, но она не *повторяетъ* ее. Между ними лежитъ пропасть, вырытая всѣмъ великимъ пережитымъ за послѣдніе годы. Передъ нами *двѣ* Россіи и для опредѣленія послѣдней по первой у насъ столько-же основаній и правъ, сколько для сужденія о свойствахъ взрослаго и духовно сложившагося человѣка по чертамъ его дѣтскаго возраста.

Можетъ ли русское населеніе въ его цѣломъ и отдѣльныхъ слояхъ *послѣ* революціи остаться тѣмъ-же, какимъ оно было *до* нея? Развѣ бури послѣдней, изъ шумныхъ городовъ давно докатившіяся до самыхъ глухихъ починковъ и одинокихъ заимокъ въ нашихъ безкрайныхъ лѣсахъ и степяхъ, могли пронестись безъ глубокихъ слѣдовъ, безъ великихъ послѣдствій. Если для народной души безслѣдно не проходятъ даже длительныя войны, то неужели беслѣдно могла пройти глубокая затяжная и раскинувшая свои крылья на всѣ стороны жизни революція? Если сильныя личныя потрясенія оставляютъ глубокія и долго незакрывающіяся борозды въ психикѣ отдѣльныхъ людей, если они порою ломаютъ даже сильныя души, то неужели-же могла незамѣтно скользнуть по народной душѣ русская революція? Или народъ состоитъ не изъ отдѣльныхъ лицъ? Или революція была неглубока и не потрясла жизнь, мысль и сердце *всѣхъ* живыхъ?

Вспомните, что произошло въ Россіи: съ привычно-насиженныхъ мѣстъ сдвинуты милліоны людей, разрушены народное хозяйство, государство, семья, бытъ; съ вершины соціальной пирамиды люди покатились внизъ, а десятки тысячъ «низовыхъ» людей поднялись наверхъ, милліоны людей попали въ совершенно новыя условія жизни, и въ первый разъ должны были задуматься надъ вопросами, никогда раньше не приходившими имъ въ голову; сколько выбито, вымерло, сколько умучено властью и жизнью.... А тѣмъ временемъ новое поколѣніе подрастало и вступало въ жизнь, новыя силы слагались.

Въ Россіи все сдвинуто со своихъ прежнихъ прочныхъ мѣстъ. Сдвинуты и души: однѣ обѣднѣли, сжались, надломились, другія вобрали въ себя новые элементы, развернулись, получили закалку ,но всѣ онѣ не прежнія, иныя. Всѣ онѣ прошли черезъ періодъ громадныхъ соціальныхъ потрясеній и ломку личной жизни... У всѣхъ новый опытъ, новыя думы и новыя настроенія, связанныя съ ними. Я знаю большевика, который сталъ католикомъ. Знакомый с. р., котораго въ 1918 г. я потерялъ изъ виду, въ 1921 г. бы найденъ мною въ архіерейскихъ покояхъ на посту личнаго секретаря архіерея; я знаю соціалъ-демократовъ, которые перенесли свои прежнія надежды съ пролетаріата на крестьянство; правые полѣвѣли, лѣвые поправѣли; соціалисты превратились въ «соціалъѣдовъ»; былые горячіе поклонники Маркса въ отчаяніи хватаются за голову отъ потери годовъ, отданныхъ на изученіе его работъ; стойкіе сторонники общины превратились въ убѣжденныхъ хуторянъ; крестьяне, закоснѣлые прежде въ хозяйственномъ консерватизмѣ, сдѣлались теперь новаторами; стыдившіеся говорить на родномъ языкѣ стали горячими націоналистами; всюду юдофобство... Начавъ пересчитывать тутъ трудно остановиться: примѣровъ такъ много, такъ безконечно разнообразны они.

Современная Россія не прежняя: иными путями, въ иномъ составѣ, съ новыми настроеніями и взглядами идетъ она. Глухою травой поростаютъ ея прежнія торныя дороги, а тамъ, гдѣ раньше были пугающія дебри и болота, теперь увѣренно прокладываются битыя тропинки. Современная Россія — Россія новая. Смѣшно поэтому и какъ то неловко слушать, когда «ссѣвшіеся» люди (такъ отъ времени ссѣдается гипсъ) подходятъ къ совре-

менной Россіи съ прежней мѣркой и надѣются собрать и вести ее подъ своими старыми, пусть почтенными, но очень ужъ чужими для новой жизни знаменами.

Указанію и характеристикѣ соціально-психическихъ перемѣнъ и сдвиговъ,происшедшихъ въ Россіи на протяженіи послѣднихъ лѣтъ,посвящены послѣдующія главы. Я начну съ перемѣнъ, общихъ для всѣхъ слоевъ населенія,и,пройдя затѣмъ черезъ интеллигенцію, крестьянство, рабочихъ, армію и учащихся, окончу сдвигами коммунистической партіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОБЩІЯ СОЦІАЛЬНО-ПСИХИЧЕСКІЯ ПЕРЕМѢНЫ.

Два типа соціально-психическихъ перемѣнъ, охватывающихъ всѣ общественные слои, шли и идутъ въ коллективной душѣ населенія. Грань между ними кладется ихъ общественной цѣнностью: въ одномъ случаѣ она отрицательная, въ другомъ положительная. Въ перемѣнахъ перваго типа проявляется нравственно-общественная деградація населенія, второй типъ свидѣтельствуетъ о здоровомъ психическомъ ростѣ народа. Какъ во всѣхъ нашихъ классификаціяхъ, существуютъ еще явленія переходнаго порядка, цѣликомъ не вмѣщающіяся ни въ одинъ изъ двухъ названныхъ типовъ и упирающіяся сразу въ оба.

Я назову новыя явленія внѣ этихъ трехъ группъ. Читатель самъ, въ зависимости отъ своего міровоззрѣнія, разнесетъ ихъ по соотвѣтствующимъ типамъ.

Воровство. Населеніе Россіи высокой честностью не отличалось и до революціи. Казнокрадство и взяточничество по службѣ были исконнымъ явленіемъ русской общественной жизни. Корни, питающіе его, уходили въ далекое прошлое. Они выростали изъ безправія и темноты населенія, изъ соотвѣтственно высокихъ правъ государственныхъ чиновниковъ и недостаточной обезпеченности ихъ получаемымъ жалованьемъ. Пореформенный періодъ въ жизни Россіи, когда появилась относительно свободная печать, правильно-организованный судъ, мѣстное самоуправленіе, когда быстро развивалось общественное сознаніе и начала права и закона все глубже пускали корни въ общественную жизнь, характеризуется быстрой убылью этой болѣзни. Появленіе Государственной Думы нанесло новый ударъ старинному злу русской жизни. Послѣ своей первой революціи 1905-1907 г. Россія имѣла уже многочисленныя учрежденія, совершенно сво-

бодныя отъ казнокрадства и взяточничества. Сюда принадлежали земства, городскія самоуправленія, кооперативныя организаціи и масса правительственныхъ учрежденій. До самыхъ послѣднихъ годовъ царскаго періода, оставалось только одно вѣдомство, гдѣ взятка царила почти неограниченно — это полиція.

Въ сознаніи населенія «казна» до самыхъ послѣднихъ революціонныхъ годовъ оставалась синонимомъ доступнаго расхищенію, но жесткая практика въ видѣ судебныхъ взысканій съ каждымъ годомъ подмывала это представленіе. Воровство среди самого населенія было болѣе развитымъ, чѣмъ въ культурныхъ странахъ Запада, но характеризовать имъ ни русскую жизнь ни русское населеніе было нельзя. Абсолютно оно было весьма невелико.

Революція отбросила Россію далеко назадъ. Воровство во всѣхъ его видахъ въ настоящее время распространенное явленіе русской жизни. Воруютъ чуть ли не всѣ и безъ преувеличенія вездѣ. Въ Житомірѣ знакомые при встрѣчѣ другъ съ другомъ, желая спросить о мѣстѣ службы, говорили нерѣдко: «Гдѣ Вы теперь *воруете*. Въ другихъ городахъ я о такомъ привѣтствіи не слыхалъ,но оно съ полнымъ основаніемъ могло бы быть употреблено въ любомъ городѣ коммунистическаго государства. Воровство носитъ форму всероссійской повальной эпидеміи. Проявляется оно во всѣхъ видахъ: взяточничество — съ вымогательствомъ и безъ него, казнокрадство, воровство частнаго имущества гражданскимъ населеніемъ другъ у друга.

Начнемъ обзоръ этой печальной области русской жизни съ царства взятки.

Взятка въ коммунистическомъ государствѣ вездѣсуща и всемогуща. Она берется тайно и явно, косвенно и прямо, индивидуально и соборно. Ея царство охватываетъ всѣ ступени іерархической лѣстницы, всѣ учрежденія, всѣ дѣла. Въ современной Россіи взяткой жизнь жива: каждое начинаніе ею открывается, продолжается и заканчивается. Правъ былъ авторъ одного очерка современной русской дѣйствительности, утверждая, что только взятка, которая приводила въ движеніе личную заинтересованность людей, не дала окончательно замереть полезной работѣ государственнаго механизма. Принципъ Бисмарка do ut des незыблемо утвержденъ въ практикѣ всѣхъ правительственныхъ уч-

режденій, при чемъ этотъ принципъ самодержавно царствуетъ не только во взаимоотношеніяхъ учрежденій съ лицами и казенныхъ вѣдомствъ съ частно-общественными организаціями, но и во взаимныхъ отношеніяхъ государственныхъ органовъ. Даже въ далекое старое время власть взятки не была такъ велика: взаимоотношенія между правительственными учрежденіями происходили безъ нея, тогда казнокрадство и взяточничество можно было различить. Теперь грань исчезла. Современный имперіализмъ взятки стеръ ее и оба явленія слились въ одно.

Чтобы читатель хоть слегка почувствовалъ это вольное и развратное царство безудержной и всеобщей взятки, приведу нѣсколько иллюстрирующихъ примѣровъ.

Въ Москвѣ «по пьяному дѣлу» «чрезвычайкой» былъ арестованъ N.N. участникъ извѣстной торгово-промышленной фирмы. N. N. далъ взятку слѣдователю «чрезвычайки» и черезъ день былъ выпущенъ. Въ моментъ выхода изъ подвала онъ на радости разсказалъ о причинѣ и цѣнѣ своего освобожденія сокамернику. Тотъ поднялъ шумъ, надѣясь этимъ облегчить и собственное положеніе. Возникло новое дѣло и N. N. былъ арестованъ опять. Далъ новую, но уже утроенную взятку и его выпустили во второй разъ...

Вы сидите по уголовному дѣлу въ Бутырской тюрьмѣ. Ни допроса, ни обвиненія. Или наоборотъ, только что былъ допросъ. Вы хотите знать, въ какомъ-же положеніи Ваше дѣло и что собираются дѣлать съ Вами дальше. Изловчаетесь, добываете денегъ, вручаете ихъ надзирателю изъ коммунистовъ и на слѣдующій день получаете безошибочно-точную справку. Въ январѣ 1921 г. справка стоила 5.000 совѣтскими.

Съ конца 1920 г. въ Москвѣ особенную популярность пріобрѣлъ «Комвнѣшторгъ» (комиссаріатъ внѣшней торговли), въ рукахъ котораго были сосредоточены всѣ операціи по импорту и экспорту. Для ловкихъ людей тамъ была открыта широкая возможность для вѣрнаго, легкаго и солиднаго «заработка». Передъ славой «Комвнѣшторга» померкла даже заслуженная и прочная слава Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства. *)

---

*) Чтобы не загромождать книги, приведу только одинъ примѣръ изъ дѣятельности «Комвнѣшторга» неопубликованный въ печати.

Въ апрѣлѣ 1921 г. въ Москву прибыла первая партія за-

Популярность «Комвнѣшторга» въ концѣ концовъ сдѣлалась скандальной. Рабоче-крестьянская инспекція произвела ревизію. Въ ея результатѣ послѣдовали аресты служащихъ и особый докладъ «Совнаркому». Послѣдній поручилъ Дзержинскому силами всероссійской «чрезвычайки» произвести вторую ревизію. Новые аресты и новый докладъ — на этотъ разъ уже самому Центральному Комитету коммунистической партіи. Докладъ рисовалъ такую невообразимую панаму, что «Ценкомпартъ» постановилъ произвести третью ревизію и назначилъ для нея комиссію изъ особо довѣренныхъ коммунистовъ. Была произведена и третья ревизія. И снова аресты. А черезъ недѣлю всѣ отвѣтственные работники, арестованные въ результатѣ всѣхъ трехъ ревизій, были уже на волѣ. «Заплатили чрезвычайкѣ отъ двухъ до четырехъ «лимоновъ» *) каждый, «передавали въ коммунистическихъ кругахъ» и за это получили свободу и энергичный совѣтъ немедленно уѣзжать заграницу». «Отвѣтственные» не преминули, конечно, послѣдовать дружескому указанію.

Безнадежно забронированный для всякаго дѣла и непроходимый, какъ самый дремучій лѣсъ, Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства всегда оказывался легко проходимымъ и доступнымъ для любой операціи, если въ проводники по немъ взять взятку. Съ нею можно было быстро получить не только ордеръ на фабрикаты, сырье, орудія, машины и части къ нимъ, но даже и выписанные предметы; можно было получить заказъ, причитающіяся деньги, провести полезную инструкцію для мѣстныхъ органовъ «Высовнархоза» и т. д.

купленныхъ заграницей стальныхъ перьевъ. Шесть тысячъ гроссъ изъ нея достались Комиссаріату Просвѣщенія «на благое просвѣщеніе русскаго народа». Когда закупленный товаръ въ комиссаріатѣ былъ вскрытъ и осмотрѣнъ, то спеціалисты опредѣлили его такъ: «25% фабричнаго брака, 75%—негодныхъ». Подъ «фабричнымъ бракомъ» разумѣлись перья, лишенные прорѣза по длинѣ, «негодными» были перья съ неестественно загнутыми или перекрученными концами. Къ употребленію были негодны *всѣ* перья. Перья были закуплены въ Швеціи, но вырабатывались онѣ на фабрикахъ Швеціи, Германіи и, кажется, Финляндіи. Примѣръ пріобрѣтаетъ особенную пикантность, если читатель вспомнитъ цифры, приведенныя мной въ главѣ о культурѣ: вмѣсто 12 перьевъ на ученика, испрашиваемыхъ на 1920 г., выдано было 1 перо на 22 ученика.

*) Такъ упрощенно и любовно въ Россіи называется милліонъ рублей.

Остроумная Москва отмѣтила и оцѣнила свойство Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства, когда нѣсколько перемѣнила оффиціальную расшифровку иниціаловъ этого учрежденія (В. С. Н. Х.) и расшифровала ихъ по своему: «Воруй скорѣй, нѣтъ хозяина».

При помощи взятки въ совѣтской Россіи можно получить спеціальный вагонъ для поѣздки — въ «Наркомпути»; мягкій или оправдательный приговоръ по вѣдомству юстиціи; право отпечатать необходимые уставы, протоколы, книгу — въ государственномъ издательствѣ; право на использованіе для этой цѣли той или иной типографіи — въ полиграфическомъ отдѣлѣ «Совдепа»; право на полученіе спирта для «техническихъ надобностей» — въ главспиртѣ или его мѣстныхъ органахъ; ордеръ на костюмъ или обувь — въ «единомъ рабоче-крестьянскомъ потребительномъ обществѣ» и т. д. и т. д.

Взятка вовсе не обязательна въ денежной формѣ: она пріемлется и въ видѣ муки, масла, мяса, яицъ, сахара, меда, папиросъ. Въ натуральной формѣ она даже предпочитается. Нерѣдко взятка принимаетъ форму «услугъ». Въ Вологодской губерніи деревенская женщина вдова «выплясала» бойкой пляской, смазливымъ лицомъ, да надеждами на «дальнѣйшее», зажженными у агента «губпродкома», семь пудовъ картофеля, пришедшагося по разверсткѣ на ея долю. Примѣръ не единиченъ: онъ не по одному разу въ день повторяется въ Москвѣ на Мясницкой въ помѣщеніи Московской потребительской коммуны. За ордера на обувь, на платье, да на предметы продовольствія члены правленія и завѣдующіе отдѣлами ежедневно покупаютъ здѣсь женское тѣло и продажную женскую ласку. По характеристикѣ москвича старожила и человѣка въ сихъ дѣлахъ, повидимому, опытнаго, «Цвѣтной бульваръ нынѣ переселился на Мясницкую — подъ крылышко Москкоммуны».

Помощь взятки требуется даже при дѣловыхъ сношеніяхъ учрежденій между собою. Въ началѣ февраля 1921 г. по ордеру, подписанному «безсмертнымъ», давшимъ свое имя одному виду фауны, живущей на человѣческомъ тѣлѣ, *) «Главмѣхъ» получилъ

---

*) Рѣчь идетъ о Народномъ Комиссарѣ Здравоохраненія Семашко: за его плодотворную дѣятельность по охранѣ народнаго здоровья вся Россія зоветъ теперь вошь «семашкой».

около сотни бутылокъ виноградныхъ винъ изъ складовъ «Наркомздрава». И въ тотъ же вечеръ автомобиль «Главмѣха» привезъ три-четыре десятка бутылокъ въ квартиру Сѣмашко. Услуга за услугу: Сѣмашко далъ ордеръ «Главмѣху», а «Главмѣхъ» подѣлился съ нимъ добытымъ.

Нѣсколько раньше такая-же сдѣлка была совершена между «Коминдѣломъ» и «Главтекстилемъ». Послѣдній по требованію комиссаріата иностранныхъ дѣлъ отпустилъ со своихъ складовъ для меблировки какой-то квартиры большое количество тяжелыхъ драпри и портьеръ, оконныхъ занавѣсей, ковровъ и т. д. . Въ тотъ же день часть изъ отпущеннаго была подѣлена между членами коллегіи «Главтекстиля» и нѣсколькими отвѣтственными «совработниками».

Знаетъ объ этихъ фактахъ и Московская «чрезвычайка», но ничего не предпринимаетъ. Ничего она и не можетъ предпринять: коммунистическіе верхи иммунизированы отъ ея воздѣйствія. И понятно, почему: «въ обители Юпитера не можетъ быть ничего нечистаго».

Въ февралѣ же 1921 г. еще болѣе красочное происшествіе разыгралось въ комиссаріатѣ просвѣщенія.

Отъ безкормицы въ комиссаріатѣ совершенно прекратилась работа транспортныхъ лошадей. Обезсиленныя животныя шатались и падали въ упряжкѣ. Послѣ долгихъ настояній завѣдующихъ хозяйственной частью и обозомъ «замнаркомъ» Литкинсъ *) подписалъ ассигновку въ 20.000.000 рублей на покупку сѣна по вольной цѣнѣ. Свою визу Литкинсъ обусловилъ сообщеніемъ ему о мѣстѣ закупки фуража. До привоза сѣна въ склады комиссаріата покупавшіе подъ различными предлогами уклонялись отъ сообщенія о мѣстѣ и условіяхъ закупки.

Наконецъ сѣно куплено, перевезено въ склады. Представлены и утверждены счета. Тогда у закупавшихъ языки развязались. Было установлено, что сѣно получено ими со складовъ «Москтрамота» (транспотный отдѣлъ Московскаго «совдепа»),

---

*) Литкинсъ какая-то темная фигура. Неизвѣстны его заслуги въ области просвѣщенія, неясны и пути, которыми онъ пришелъ къ занимаемому высокому посту. Извѣстно лишь, что его путь лежалъ между прочимъ черезъ одинъ изъ тѣхъ салоновъ «полусвѣта», которые въ небольшомъ числѣ существуютъ въ Москвѣ и въ которыхъ «дамы» даютъ гарантированно-вѣрныя назначенія на высокіе посты.

т. е. изъ того учрежденія, которое должно обслуживать весь гужетранспортъ Москвы лошадьми,овсомъ,сѣномъ и средствами передвиженія. «Москтрамотъ» долженъ былъ доставить сѣно и для Комиссаріата Просвѣщенія, но послѣдній сѣна получить не могъ, его не было. Послѣ ассигнованія 20 милліоновъ рублей сѣно нашлось. А нашлось оно потому, что 10 милліоновъ было вручено 5 членамъ коллегіи «Москтрамота», нѣсколько милліоновъ завѣдующему складами «Москтрамота» и т. д.

Взятка въ этомъ случаѣ дѣйствовала исключительно среди коммунистовъ: коммунистами были бравшіе взятку и дававшіе ее. Послѣдніе при этой сдѣлкѣ тоже, конечно, охулокъ на руку не положили... Обычная исторія! Но она на этомъ не окончилась. Въ одинъ день къ группѣ бесѣдовавшихъ въ «Наркомпросѣ» «отвѣтственныхъ» — коммунистовъ и не коммунистовъ — подбѣжалъ взволновенный служащій коммунистъ, только что выскочившій изъ кабинета Литкинса, и возмущенно сообщилъ: «Литкинсъ, товарищи, собирается сдѣлать большую подлость: онъ пишетъ доносъ въ «эмчека» (московская чрезвычайка)». — «Какой доносъ? На кого? За что?» — взволновались бесѣдовавшіе. — «На коллегію «Москтрамота» за продажу намъ сѣна. Вѣдь это-же подлость, товарищи!» — «Подлость», согласились «отвѣтственные». — «Вѣдь, сѣно то мы получили — не успокаивался вѣстникъ печальнаго извѣстія, — а иначе его у насъ не было-бы. Вѣдь коллегія «Москтрамота» рисковала, чтобы обслужить насъ!» —«да... нехорошо... неблагородно» гудѣли собесѣдники.....

Подъ давленіемъ коммунистическаго «общественнаго мнѣнія» и «Наркомпроса», которое сложилось рѣшительно не въ пользу Литкинса, послѣдній отказался отъ своего намѣренія. Доносъ отправленъ не былъ.

Въ описанномъ случаѣ обмѣнъ цѣнностями происходилъ между двумя, хотя и казенными, но все-же различными учрежденіями. Акты обмѣна становятся необходимыми, однако, и при отношеніяхъ отдѣловъ одного и того-же учрежденія. «Благодарность» отдѣламъ снабжающимъ со стороны отдѣловъ потребляющихъ всеобща. Во время суда въ Московскомъ трибуналѣ надъ служащими «Главтопа» выяснилось, что «Главчай» (оба «главка» входятъ въ составъ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства), чтобы не остановилось снабженіе топливомъ его промышленныхъ пред-

пріятій, долженъ былъ снабжать чаемъ и кофе сотрудниковъ «Главтопа». Въ національзованномъ Вологодскомъ губернскомъ союзѣ потребительныхъ обществъ, сельско-хозяйственный отдѣлъ, чтобы получить для арендованнаго у государства имѣнія необходимыя с. х. машины, находившіяся въ распоряженіи отдѣла распредѣленія, долженъ былъ преподнести завѣдующему послѣднимъ теленка. Безъ теленка с. х. машины были недоступны.

Лѣсной отдѣлъ «Центросоюза», нуждавшійся въ полотнѣ для палатокъ на своихъ торфяныхъ разработкахъ, долженъ былъ совершить незаконный отпускъ торфа и дровъ для служащихъ, отъ которыхъ зависѣлъ отпускъ полотна, и только тогда нужное полотно досталось ему.

Для борьбы съ этой всеобщей страстью къ «коммерческимъ сдѣлкамъ», въ началѣ 1920 г. властью былъ учрежденъ новый комиссаріатъ — «Рабоче-крестьянская инспекція». Безъ визы инспекціи не могло совершиться ни одно хозяйственное дѣйствіе, связанное съ пріобрѣтеніемъ или отчужденіемъ имущества, уплатой денегъ, закупкой товаровъ и т. д.... Результатъ получился неожиданный: процессы обмѣна развернулись еще шире, ибо дѣятельное участіе въ нихъ приняли и «рабоче-крестьянскіе инспектора». Не участвовавшіе активно, участвовали пассивно. Мнѣ извѣстенъ рядъ учрежденій (Центросоюзъ, Комвнѣшторгъ, Наркомпросъ и др.), которые платили инспекторамъ отъ 150 до 500 тысячъ въ мѣсяцъ за «нейтралитетъ».

Эпидемія воровства особенно свирѣпствуетъ на безчисленныхъ складахъ республики. Воруютъ завѣдующіе отдѣлами складовъ, воруютъ контролеры, завѣдующіе отдѣльными складами, ихъ помощники. Воруютъ и, чтобы на случай поимки имѣть сильную руку, которая можетъ защитить и покрыть, дѣлятся съ шефами соотвѣтствующихъ учрежденій, съ рабоче-крестьянской инспекціей, съ «чрезвычайкой». Заметая слѣды воровства, наливаютъ въ керосинъ, соль, а порою и въ сахаръ, воду, мѣняютъ мѣшки, замѣняя тонкіе и легкіе толстыми и тяжелыми, перекладываютъ масло изъ тонкихъ ящиковъ и бочекъ въ толстыя и тяжелыя, часто изъ подъ мыла и сельдей. А когда недостаточны и эти мѣры — склады затопляютъ водой, поджигаютъ, симулируютъ ограбленіе, скрываются сами.

Отъ взятки переходятъ къ вымоганію. Вымогаютъ оружіемъ,

угрозой «чрезвычайки», вымогаютъ и безъ угрозъ, спекулируя только на мандатѣ, на кожанной тужуркѣ и портфелѣ, да на безправіи и запуганности населенія. Вымогаютъ отъ низовъ до верховъ...

Въ Новосильскомъ уѣздѣ, Тульской губ., послѣ блестяще проведенной продовольственной кампаніи 1920 года, агенты и уполномоченные «губпродкома», начальники продотрядовъ и «продинструктора», ограбивъ населеніе на пользу государства, рѣшили ограбить и на собственное благо. Населеніе было обложено спеціальными поборами въ видѣ яицъ, куръ, гусей, утокъ, молока, масла и даже «самогонки». Изъ полученныхъ продуктовъ устроили «красный обѣдъ». Въ Маховской волости онъ длился два дня съ небольшими перерывами на отрезвленіе, сонъ и отдыхъ желудка... Когда, наконецъ, кончился и обѣдъ, и вся свора пріѣзжихъ продовольственниковъ схлынула изъ ограбленныхъ деревень остались еще мѣстные осѣдлые продовольственные агенты.

О дѣятельности одного изъ нихъ я знаю. Это коммунистъ Шаровъ. Въ порядкѣ совмѣстительства, онъ являлся одновременно и агентомъ Тульской губернской «чрезвычайки». Тупой, всегда сумрачный, почти всегда хмѣльной, съ низкимъ лбомъ и сильно выдающимися скулами, онъ живо вызывалъ въ памяти типы сахалинскихъ каторжанъ Дорошевича. Никогда не разстается съ револьверомъ. И когда кто-нибудь изъ простыхъ смертныхъ требовалъ отъ него мандатъ, онъ неизмѣнно вытаскивалъ изъ за пояса наганъ и, наведя его на лицо или грудь спрашивающаго, говорилъ—«вотъ мой мандатъ. Хочешь ознакомиться»... Крестьяне его ненавидѣли, но одновременно и боялись... Когда у Шарова изсякали продукты, онъ писалъ очередному предсѣдателю сельскаго совѣта классическія и врядъ ли когда либо превзойденные по своей краткости требованія. Вотъ для примѣра содержаніе одного изъ нихъ: «Сухарукову Баранъ Шарову». И все. Ни глагола, ни знака препинанія. Для Сухорукова содержаніе, однако, было совершенно ясно. Онъ «сгонялъ» сходъ и міромъ удумывали, какъ совершить раскладку, чтобы доставить Шарову очередное приношеніе. Барана Шаровъ получалъ.

Это — «внизу». То-же и «наверху». Вотъ коммунистъ Зоринъ, членъ Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ (ВЦИК) и даже членъ президіума послѣдняго. Со спе-

ціальнымъ мандатомъ отъ «ВЦИК-а» на право закупки творога для членовъ «ВЦИК-а» и съ трбованіемъ содѣйствія этой операціи со стороны мѣстныхъ властей, съ портфелемъ, нагруднымъ коммунистическимъ знакомъ и въ «кожѣ» явился онъ въ одну изъ маслодѣльныхъ артелей Вологодской губ. Предъявивъ мандатъ, Зоринъ потребовалъ, чтобы артель написала съ нимъ договоръ на поставку ему творога по «твердой» цѣнѣ.

Невыгодно это было, цѣна на «вольномъ» рынкѣ была вчетверо выше, и незаконно: артель выполняла свою молочную повинность, сдавая масло. Но какъ отказать: страшно. И артельный староста подписалъ написанный Зоринымъ договоръ. Одинъ разъ творогъ былъ поставленъ въ количествѣ нѣсколькихъ пудовъ. Потомъ прошумѣли февральскія событія въ Москвѣ и Петроградѣ, прогремѣла Кронштадтская буря, появились широковѣщательныя статьи и плакаты о новомъ курсѣ экономической политикѣ и въ описываемой волости,по крестьянскому выраженію, стало «громче». Крестьяне выгнали изъ волисполкома всѣхъ коммунистовъ,оставивъ только одного («чтобы въ городъ ѣздилъ»), смѣнили артельнаго старосту и на общемъ собраніи постановили «Зорину творогу не отпускать». Новый староста поступилъ, какъ рѣшило собраніе. Зоринъ писалъ, требовалъ выполненія договора, грозилъ. Ничего не помогало: староста не отвѣчалъ и не давалъ творога. Зоринъ явился изъ Москвы лично. Староста показалъ протоколъ общаго собранія и сказалъ, что отпустить творогъ по твердой цѣнѣ не можетъ. Крики, угрозы, топанье ногами. Ничто не помогло. Зоринъ уѣхалъ ни съ чѣмъ и члены ВЦИК-а остались безъ дешеваго творога.

... Совершенно неожиданно въ одно утро начала 1921 г. въ помѣщеніи Союза Писателей (въ Москвѣ)раздался телефонный звонокъ предсѣдателя Московскаго «Совдепа» Каменева. Еще неожиданнѣе для дежурнаго члена правленія и для всѣхъ писателей была просьба Каменева. Онъ сообщилъ, что Московскому «Совдепу» необходимо перевести въ другія помѣщенія два склада съ цѣннымъ бѣльемъ и бѣльевой матеріей. Такъ какъ онъ не знаетъ кому можно поручить надзоръ за перевозкой безъ риска воровства, то онъ, Каменевъ, обращается къ Союзу Писателей съ просьбой взять надзоръ на себя, при чемъ надзоръ будетъ хорошо оплаченъ. Какъ ни голодны были русскіе писатели,

но они отказались воспользоваться такимъ лестнымъ довѣріемъ и предложеніемъ. Это былъ единственный случай, когда коммунистическому государству за три съ половиною года его существованія понадобилась услуга независимаго русскаго художника-писателя. Единственный, но зато какой характерный!

Всѣ приведенные примѣры относятся къ воровству въ правительственныхъ учрежденіяхъ и правительственныхъ агентовъ. Кругъ лицъ, принимающихъ участіе въ расхищеніи «общенароднаго достоянія», однако, гораздо шире, чѣмъ кругъ государственныхъ служащихъ: къ послѣднимъ надо прибавить рабочихъ всѣхъ націонализованныхъ предпріятій. По русской поговоркѣ—«Какъ аукнется, такъ и откликнется», на ауканье большевистской власти, звавшей грабить награбленное, рабочіе откликнулись безпощаднымъ разграбленіемъ фабричнаго имущества: сырья, топлива, предметовъ оборудованія и вырабатываемыхъ фабрикатовъ. Воровство началось съ первыхъ дней большевистскаго царства и продолжалось «безъ передышки» во всѣ годы совѣтской власти. Изъ мѣдныхъ частей вырабатывались зажигалки, которыя теперь можно встрѣтить во всѣхъ углахъ Россіи, изъ желѣза лампочки, кухонные листы, кастрюли, ведра; изъ чугуна сковороды; изъ приводныхъ ремней подошвы; изъ кожи и плюща спальныхъ вагоновъ — штаны, тужурки и т. д.

Во время стихійной демобилизаціи фронта, въ концѣ 1917 и началѣ 1918 годовъ одновременно съ рабочими дѣйствовали солдаты: послѣдніе тащили изъ «общенароднаго достоянія» оружіе, оборудованіе военныхъ мастерскихъ, котлы, чайники, упряжь и прочее.

Изъ учрежденій и отъ «общенароднаго достоянія» воровство перешло въ среду самого населенія. Больше всего воруютъ, конечно, пищевые припасы, за ними идетъ топливо, дальше бѣлье и одежда. Жалобы на сильно возросшія кражи въ современной Россіи можно услышать вездѣ. Въ городахъ жалобы, однако, чаще и настойчивѣй, чѣмъ въ деревняхъ, ибо городъ обнищалъ больше деревни и сильнѣе ея голодаетъ.

Изъ прожитыхъ въ коммунистическомъ государствѣ годовъ въ моей памяти встаютъ многочисленныя и тяжелыя воспминанія, связанныя съ этимъ воровствомъ населенія. Безконечно стыдно и больно дѣлалось часто отъ русской дѣйствительности и отъ то-

го постыднаго состоянія, въ которое жизнь властно вгоняла даже самыхъ чистыхъ и достойныхъ людей. Воровали не только рядовые по умственному и моральному развитію люди, но и выдающіеся среди нихъ, порой обладающіе всероссійскимъ именемъ и крупными заслугами въ общественной жизни прошлой Россіи.

Вотъ знакомая высоко интеллигентная семья. Глава семьи отъ истощенія и какой то желудочной болѣзни умеръ. Вскорѣ послѣ его смерти былъ арестованъ сынъ офицеръ. Ему грозилъ разстрѣлъ. Были запрещены передачи и арестованный ужасно голодалъ. Мать выбивалась изъ силъ, отыскивая связи и пытаясь спасти сына. А въ это время другой сынъ — юноша 18-19 лѣтъ, тихій и прежде безукоризненно честный, воровалъ вещи брата и продавалъ ихъ на базарѣ, покупая себѣ хлѣбъ и табакъ. Когда юноша былъ пойманъ матерью, онъ истерически разрыдался. Внѣ себя, онъ кричалъ и требовалъ, чтобы мать донесла на него въ «чрезвычайку». Потомъ онъ нервно заболѣлъ.

Вотъ старый, идейный съ общероссійскимъ именемъ литераторъ, авторъ многихъ книгъ и брошюръ литературно-критическаго содержанія. Обремененный семьей, онъ ужасно голодалъ въ зиму 1919-1920 года. Конечно, служилъ въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ и въ одномъ изъ нихъ, гдѣ служилъ и я, онъ воровалъ кусочки хлѣба, нарѣзанные по числу служащихъ и выдававшіеся послѣднимъ. Ежедневно два-три служащихъ оставались безъ своей порціи хлѣба. Воровство производилось ужасно неловко и черезъ недѣлю всѣ служащіе знали виновника исчезавшихъ кусочковъ, но всѣмъ имъ (составъ служащихъ подобрался интеллигентный на рѣдкость) было такъ стыдно и тяжело, что ни у кого не повернулся языкъ сказать что либо заслуженному литератору. Ввели только «реформу», послѣ которой возможность воровать исчезла.

Вотъ публицистъ, ученый, общественный дѣятель. Участвуя на югѣ Россіи въ интеллигентской земледѣльческой артели, онъ самымъ настоящимъ образомъ воровалъ изъ общихъ скудныхъ запасовъ артели хлѣбъ, уменьшая своимъ воровствомъ и безъ того ничтожную хлѣбную порцію артельщиковъ. Другимъ предметомъ его операціи былъ табакъ, тоже находившійся въ артели въ недостаточномъ количествѣ.

Изъ двухъ пріятелей, жившихъ въ одной квартирѣ, одинъ —

педагогъ, земскій и политическій дѣятель, систематически таскалъ у другого, болѣе обезпеченнаго пищевые продукты и топливо... Курсистка, пригрѣтая въ знакомой семьѣ профессора, послѣ скудныхъ обѣдовъ тянула хлѣбъ, который въ семьѣ профессора былъ въ *minimum*'ѣи ежедневно выдавался каждому изъ членовъ опредѣленными порціями. Крупный чиновникъ прежняго государственнаго контроля — старый и почтенный человѣкъ — вмѣстѣ со своей женой воровали у сожителей по квартирѣ дрова.

Вотъ крупный городской дѣятель одной изъ столицъ,отправлявшійся по ночамъ въ экспедиціи на сосѣдній дворъ за кирпичами и глиной на печку «самокладку»... Вотъ жена бывшаго помѣщика, крупнаго политическаго дѣятеля, писателя, ходившая, во время ареста мужа, по ночамъ то на ломку забора у сосѣдей, то на хищеніе дровъ изъ запертаго дровяника другихъ сосѣдей... И сколько такихъ обидныхъ, тяжело волнующихъ примѣровъ!

Если на воровство шли люди указанныхъ группъ, люди, которые сгорѣли бы отъ стыда и обиды, если бы имъ нѣсколько лѣтъ назадъ кто нибудь показалъ ихъ воровское будущее, то читатель можетъ представить себѣ, что дѣлалось среди рядовой массы городского населенія. Какъ было развито воровство среди нихъ! Здѣсь взрослые на помощь въ своихъ воровскихъ операціяхъ нерѣдко привлекали собственныхъ дѣтей и понятно, какіе глубокіе и страшные слѣды оставляли эти операціи въ воспріимчивой дѣтской душѣ.

Стономъ стонала отъ воровства и деревня Россіи — здѣсь тянули зерно, муку, хлѣбъ, холсты, хомуты, птицу, овецъ, коровъ, иногда и лошадей. Коровъ и лошадей выводили въ поле, убивали, сдирали и тутъ же бросали кожу, чтобы не попасться, а мясо увозили.

Тяжело признаться, трудно выговорить, но скрыть нельзя: несчастная Родина превратилась въ страну повальнаго воровства. Прежнее, нормальное чувство зазорности и непристойности воровства, конечно, осталось и еще живетъ въ душѣ населенія, но ослабѣло оно въ сильнѣйшей мѣрѣ. Не могло не ослабѣть: русская жизнь, честность въ отношеніи къ чужому имуществу дѣлаетъ часто невозможной, а кражу его — необходимой.

Преступно воровство и безъ того обезпеченныхъ коммунистовъ, стоящихъ во главѣ учрежденій, позорно воровство ихъ бли-

жайшихъ, почти обезпеченныхъ, сотрудниковъ, но ни у кого не можетъ, не должно найтись словъ осужденія, чтобы бросить ихъ въ ворующее другъ у друга несчастное населеніе Россіи: измученное голодомъ, холодомъ, плачемъ мерзнущихъ, раздѣтыхъ и всегда голодныхъ дѣтей, оно *должно* воровать. Въ условіяхъ, въ которыхъ живетъ и ворует русскій народъ, воровскимъ сдѣлался бы народъ любой страны.

Огрубѣніе и порча нравовъ. Населеніе не только воруетъ другъ у друга, оно и помогаетъ взаимно. Тяжелое время сблизило людей. Взаимопомощь среди знакомыхъ чрезвычайно усилилась. Безкорыстныя услуги и займы среди знакомыхъ другъ другу людей, если они хотя сколько-нибудь обезпечены и не успѣли окостенѣть подъ гнетомъ ежедневной нищеты и страха умереть голодной смертью достигли небывалыхъ размѣровъ. Но это только среди *знакомыхъ;* къ «чужимъ» сердце огрубѣло. Усилившись въ напряженности и въ частотѣ проявленія, симпатія въ то-же время сузилась въ смыслѣ охватываемаго ею круга лицъ. Населеніе Россіи переживаетъ тотъ-же процессъ видоизмѣненія сочувствія, который происходитъ на войнѣ: къ *своимъ* оно становится напряженнѣй и дѣятельнѣй, по отношенію къ *врагу* оно почти перестаетъ дѣйствовать.

Кругъ знакомыхъ и *своихъ* у людей всегда узокъ, соприкосновеніе съ *чужими* больше и потому мы законно судимъ о грубости или мягкости нравовъ людей по ихъ отношенію къ постороннимъ. Съ этой точки зрѣнія сердце современнаго русскаго человѣка представляется безконечно болѣе грубымъ, чѣмъ оно было раньше. Годы войны національной, затѣмъ гражданской, годы страшныхъ кровавыхъ расправъ власти, собственная тяжелая нужда и неизвѣстность въ завтрашнемъ днѣ — все это для населенія даромъ не прошло. Тѣмъ болѣе событія не могли безслѣдно пройти для молодого поколѣнія, выростающаго въ пору войны и революціи. Сердце у всѣхъ сдѣлалось обмозоленнымъ. Возможными стали отношенія людей, невозможныя въ Россіи раньше.

Въ большихъ сибирскихъ селахъ зимой 1919-1920 г. г. по утрамъ послѣ страшныхъ бурановъ у самыхъ дверей натопленныхъ избъ находили трупы замерзшихъ солдатъ: ихъ ночью хозяева не хотѣли пустить на ночлегъ. Очевидцы разсказывали мнѣ, что по отдѣльнымъ селамъ эти трупы замерзшихъ у дверей считались

десятками. А прежде эти же самыя села охотно и радушно снабжали пищевыми припасами арестантовъ, шедшихъ по этапу; раньше въ нихъ на ночь около дома выставляли хлѣбъ для бѣжавшихъ съ каторги или поселенія.

По разсказу стараго московскаго слѣдователя по уголовнымъ дѣламъ, многочисленные грабежи 1921 г. въ Москвѣ отмѣчены были двумя характерными чертами: почти всѣ они совершены были подростками въ возрастѣ отъ 16 до 20 лѣтъ (поколѣніе, выросшее во время войны и революціи), затѣмъ многіе изъ нихъ безъ нужды въ этомъ были грабежами «на мокрую», т. е. сопровождались убійствами. Прежде, констатировалъ слѣдователь, этого не было: преступники были гораздо старше, процентъ убійствъ — въ 2-3 раза меньше, а мотивы убійствъ — вѣсомѣй. Теперь жизнь человѣка —«копейка» и тягчайшія изъ преступленій поражаютъ недостаточностью мотивовъ для нихъ и моральнымъ спокойствіемъ преступника во время ихъ выполненія.

Изъ длинной серіи уголовныхъ случаевъ, разсказанныхъ старымъ слѣдователемъ въ качествѣ характерныхъ для московскихъ грабежей 1921 года, приведу только два.

Два деревенскихъ мальчика 12 и 14 лѣтъ поѣздомъ пріѣхали въ Москву изъ Серпуховскаго уѣзда. Пріѣхали они рано утромъ и цѣлый день проходили по улицамъ и рынкамъ. Когда стемнѣло, они отправились къ знакомой старухѣ односельчанкѣ, жившей съ внучкой 7-8 лѣтъ въ Москвѣ. Пришли, постучались. Старуха уже спала. Мальчики жалостливо просились на ночлегъ. Когда старуха узнала въ стучавшихъ своихъ земляковъ, она пустила ихъ къ себѣ, чѣмъ могла накормила и уложила мальчиковъ въ своей комнатѣ спать. Когда старуха заснула снова, старшій изъ мальчиковъ всталъ, взялъ еще при свѣтѣ примѣченный топоръ и раскроилъ старухѣ голову. Отъ шума проснулась дѣвочка и, почуявъ что-то страшное, закричала. Убійца отъ неожиданнаго крика сначала испугался и выпустилъ топоръ. Потомъ пришелъ въ себя, бросился къ дѣвочкѣ и сталъ ее душить. Дѣвочка сопротивлялась и кричала. Взбѣшенный мальчикъ, схватилъ подвернувшійся подъ руку кусокъ дерева, отъ котораго кололи лучину, и конецъ котораго сдѣлался острымъ, съ размаху вогналъ его острымъ концомъ въ шею жертвы, а потомъ, чтобы дѣвочка скорѣй замолчала, началъ быстро вертѣть его въ ранѣ... Когда было покончено и съ дѣвоч-

кой, всталъ младшій мальчикъ. Оба они произвели осмотръ вещей убитыхъ и отобравъ наиболѣе цѣнное изъ нихъ, рано утромъ ушли съ вещами изъ квартиры. На Смоленскомъ рынкѣ они продали вещи, сытно поѣли и истративъ весь остатокъ вырученной суммы на 2 пуда 10 фунтовъ ржаной муки, уѣхали съ ней назадъ домой въ деревню и тамъ отдали муку своимъ семьямъ...

Второй примѣръ: двадцатилѣтняго юношу-москвича его пріятель пригласилъ на свою свадьбу. У юноши не было приличнаго костюма. Онъ обратился къ родной теткѣ съ просьбой уступить ему на вечеръ новый костюмъ ея мужа (послѣдній былъ въ отъѣздѣ). Тетка отказала. Юноша просилъ, молилъ, грозилъ. Ничто не помогало. Юноша, однако, добился своего: онъ убилъ тетку, забралъ костюмъ и одинъ мужской перстень и въ нихъ въ день преступленія былъ шаферомъ при вѣнчаніи пріятеля. Послѣ вѣнчанія онъ танцовалъ и пьянствовалъ на свадебномъ пиру....

Усиленіе преступности «Извѣстія ВЦИК-а» отмѣчаютъ и для самаго конца 1921 г. и самаго начала 1922 г., когда автора этой книги въ Россіи уже не было: «участились случаи убійствъ, вооруженныхъ ограбленій и домовыхъ кражъ». Преимущественное участіе въ этихъ преступленіяхъ *молодежи* отмѣчаетъ и совѣтскій оффиціозъ. Онъ же указываетъ, что «замѣтной группой среди преступниковъ являются дѣти».

Усиленные грабежи, сопровождаемые убійствами, шли не только въ Москвѣ: газеты и наблюдатели отмѣчаютъ большое количество ихъ и въ провинціи. «Во многихъ городахъ, писали «Извѣстія», населеніе живетъ подъ вѣчнымъ гнетущимъ страхомъ вооруженнаго нападенія разбойниковъ, отнимающихъ послѣднее добро.» Мнѣ извѣстенъ рядъ городовъ юга Россіи, гдѣ послѣ 8-9 часовъ вечера въ домъ, запертый на всѣ запоры и всѣми ставнями, незнакомаго человѣка изъ за боязни грабежа и убійствъ не пустятъ ни за что...

То-же самое происходитъ и въ деревнѣ. Въ мѣстныхъ совѣтскихъ газетахъ и въ показаніяхъ наблюдателей деревенской Россіи можно было нерѣдко встрѣтиться съ вѣстями, сходными со слѣдующей корреспонденціей изъ Смоленской губерніи: «молодое поколѣніе, начиная съ 12-15 лѣтнихъ мальчишекъ, является сплошь развращенной, дико гульливой толпой. Парни-это ужасъ деревни. Пьянство, развратъ, постоянное шатаніе по деревнямъ

на гастроли. Въ воздухѣ виситъ непозволительная ругань. Посягательства на честь дѣвушки теперь обыкновенное явленіе и остаются безнаказанными». Отвратительная матерная брань, упоминаемая въ этой корреспонденціи, сильно, развилась уже во время войны. Теперь она сдѣлала новые успѣхи: въ качествѣ присловія, походя и спокойно она произносится даже деревенскими *дѣвушками*. Ни до войны, ни во время ея этого не было; передъ нами безспорное «завоеваніе» революціонныхъ годовъ.

Новое огрубѣвшее сердце деревни особенно страшно сказывается во время крестьянскихъ возстаній и еврейскихъ погромовъ. Въ широкихъ крестьянскихъ волненіяхъ 1902 года, помнится, Пѣшехоновъ, отмѣчалъ совершенно ничтожное количество насилій надъ личностью помѣщиковъ и членовъ ихъ семей. Отсутствовали насилія и во время крестьянскихъ волненій періода 1904-1906 г. г. Въ послѣднее аграрное движеніе 1917 г. насилій надъ личностью владѣльцевъ было больше, чѣмъ прежде: сказалось вліяніе войны. Однако, и въ 1917 г. было столько случаевъ разгрома имѣній безъ убійствъ ихъ владѣльцевъ, что и въ этотъ періодъ случаи насилія надъ личностью нельзя возвести въ общее правило. Теперь не то. Захваченные крестьянами во время возстаній коммунисты и агенты (всѣхъ ранговъ) продовольственныхъ органовъ уничтожаются почти поголовно. И они не только убиваются: убійства сопровождаются жестокими пытками. Рѣжутъ носы, уши, губы, живыми закапываютъ въ землю, распарываютъ животы и туда насыпаютъ зерно, отрубаютъ руки, жгутъ на кострахъ, вырѣзаютъ полосы кожи и т. д.

Во время еврейскихъ погромовъ, производимыхъ крестьянскими повстанческими отрядами, послѣдніе въ захваченныхъ мѣстечкахъ порой вырѣзаютъ *поголовно все* еврейское населеніе. Пощады нѣтъ ни дѣтямъ, ни женщинамъ, ни старикамъ. Моя знакомая еврейка, поѣхавшая отъ какого-то еврейскаго благотворительнаго общества для помощи въ мѣста, пострадавшія отъ погромовъ, писала изъ Мозырьскаго уѣзда, Минской губерніи, что она была въ мѣстечкахъ, гдѣ отъ сотенъ еврейскихъ семействъ осталось только нѣсколько человѣкъ, которымъ удалось убѣжать въ поле или спрятаться въ погребахъ и подъ крышей. Всѣ остальные были убиты.

Лишь немногимъ лучше отношеніе къ евреямъ красной арміи.

Путь конной арміи Буденнаго, когда съ польскаго фронта она перебрасывалась на крымскій (противъ Врангеля), былъ отмѣченъ тысячами убитыхъ евреевъ, тысячами изнасилованныхъ женщинъ и десятками до тла разграбленныхъ еврейскихъ поселеній. А погромы въ городахъ... Въ Житомірѣ съ погрома начинала каждая власть и почти при каждомъ своемъ вступленіи. Особенностью всѣхъ этихъ погромовъ — Петлюровскихъ, польскихъ, совѣтскихъ — было значительное количество убитыхъ. Убивали евреевъ и при погромахъ въ царское время, но никогда не убивали столько и не убивали съ такимъ спокойствіемъ, почти бездушіемъ, какъ это происходитъ теперь.

Да и какъ не огрубѣть, не одѣться плотной броней человѣческому сердцу, какъ не стать бездушнымъ и безумнымъ человѣку современной Россіи: столько трудныхъ барьеровъ должны были взять они, отъ стольких святынь отказаться, со столькимъ дорогимъ порвать!..

Вспоминаю разсказы одного близкаго мнѣ человѣка, офицеромъ сражавшагося съ большевиками въ рядахъ сибирской арміи. Въ одномъ сраженіи на Уралѣ въ атаку на первый Бугурусланскій полкъ «красныхъ» шелъ какой-то Бугурусланскій полкъ «бѣлыхъ». Въ обоихъ полкахъ часть солдатъ были односельчанами... Во время одной развѣдки на томъ-же Уралѣ со штыками на перевѣсъ столкнулись отецъ съ сыномъ. Сынъ былъ въ «бѣлой» арміи— отецъ въ «красной». Ужасъ съ такой силой охватилъ душу отца (крестьянина), что онъ сошелъ съ ума... Современные дѣти съ ума сходятъ рѣдко: въ этой безумной междуусобной войнѣ они— крѣпче отцовъ, ибо святынь у нихъ меньше, да и самыя святыни не такъ святы.

Убивающе дѣйствующая на сердце гражданская война, въ Россіи осложнилась еще настойчивой и страстной пропагандой классовой борьбы съ врагами трудящихся—съ буржуазіей. Подъ послѣднее понятіе подводились и владѣльцы средствъ производства, и просто состоятельные люди и конституціонно демократическая партія и офицеры, и зажиточный слой крестьянства. Самая классовая борьба, къ которой безъ устали и сомнѣній изо дня въ день власть звала населеніе, мыслилась въ формахъ неприкрытаго грабежа имущества и прямого физическаго уничтоженія лицъ. И какъ туманилось сознаніе и черствели сердца мало развитыхъ людей подъ дѣйствіемъ разожженной классовой нена-

висти! Мы, участники и свидѣтели великаго соціальнаго опыта, по достоинству можемъ оцѣнить «положительную» роль классовой борьбы, которую съ такимъ прилежаніемъ культивировало большинство соціалистовъ.

Въ моихъ запискахъ есть большой силы разсказъ женщины—врача, служившей въ военномъ госпиталѣ для нервно больныхъ и натолкнувшейся въ своей врачебной практикѣ на крайнее проявленіе классовой ненависти и борьбы. Вотъ этотъ разсказъ, какъ онъ былъ записанъ мною подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ него.

«Я совершала обычный утренній обходъ больныхъ. Былъ новый — красноармеецъ особаго батальона В. Ч. К. Осмотрѣла, немного поговорила и пошла дальше. Только что отошла отъ его постели, слышу зоветъ: «товарищъ докторъ!» — Я обернулась. Новичекъ подходилъ ко мнѣ. «Товарищъ докторъ, позвольте просить поскорѣй отпустить меня. Мнѣ безпремѣнно въ отпускъ надо». У больного лицо тупое, грубое, но въ глазахъ ясно залегла какая то тревожная боль. «А чѣмъ ты боленъ, милый? — «Катаръ дыхательныхъ путей у меня». — «Въ чемъ же проявляется эта болѣзнь у тебя?»—«Дыхать,товарищъ докторъ,не могу: схватитъ за горло и прямо хоть помирай». — «Такъ...»

Оглядѣла опять больного: — невысокій, чуть-чуть сутуловатый; низкій лобъ, развитыя рѣзкія скулы, сильная шея, молодой —лѣтъ 23-25. Здоровый, сильный, а глаза опредѣленно больные. Вѣроятно, globus histeria.

«Отчего заболѣлъ?» Мнется, опустилъ глаза и рукой сжалъ бортъ холата. «Ну, говори, милый, отъ врача скрывать нельзя.» Молчитъ и глядитъ въ землю. «Раньше вѣрилъ въ Бога?» Удивленно поднялъ глаза. «Вѣрилъ»—«Помнишь,что на исповѣди отъ священника ничего скрывать нельзя?» — «Помню»—«Ну, такъ и отъ врача. Надо разсказать!» Помолчалъ, а потомъ — глухо такъ и тихо — «я отца убилъ». И снова замолчалъ. Опять глядитъ въ землю. «Какъ же это вышло?» И онъ разсказалъ, точно выдавливая изъ себя слова.

«Былъ я въ восемнадцатомъ году на селѣ. Я — партійный. И тогда былъ и теперь. На селѣ еще нѣсколько парней было партійныхъ. Собрались мы одинъ разъ и стали думать. Въ газетахъ тогда былъ приказъ бороться съ кулаками, потому, какъ они противъ совѣтской власти. Были и у насъ на селѣ кулаки. Тогда наша партія постановила — убивать ихъ. Составили кулацкій спи-

сокъ. И отца помѣтили: правду сказать, хозяйство у насъ было справное, почти первое на селѣ. Потомъ, чтобы никому обиды не было, стали тянуть жеребій, кому кого убивать. Мнѣ вышелъ жеребій на отца. Конечно, тяжело было, но какъ я партейный, а партія постановила... Подстерегъ его разъ на гумнѣ и положилъ изъ нагана...» Остановился, замолчалъ: видно тяжело. Потомъ заговорилъ еще глуше. «Мать узнала и очень сильно въ сурьезъ вошла. Жизни мнѣ не стало: то плачетъ она, то проклинаетъ, то ляжетъ и лежитъ, какъ мертвая. Сосѣди волками глядятъ, никто не хочетъ разговаривать. Уѣхалъ въ Москву. Попалъ на партейный распредѣлитель, а оттуда направили въ В. Ч. К. Пришелъ. Стали спрашивать, гдѣ былъ, что дѣлалъ, да почему въ Москву попалъ. Когда сказалъ про отца, *товарищи засмѣялись*. А потомъ говорятъ, — «ну, если ты отца убилъ, то другихъ убивать тебѣ будетъ просто». И приставили къ разстрѣламъ. Годъ былъ на этомъ дѣлѣ, а потомъ стало отчего-то за горло схватывать. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Освободили отъ дѣла. А мнѣ и того хуже. Сны дурные пошли. Потомъ по матери сталъ тосковать». — «А жива она?» перебила я. «Неизвѣстно, никакихъ слуховъ нѣту. Надо быть жива. Сталъ я проситься въ отпускъ, а замѣсто того меня отправили въ госпиталь... Отпустите, товарищъ докторъ, поскорѣе: безпремѣнно надо мать повидать. Тоской по ней изошелъ весь...»

Когда въ Москвѣ я записывалъ этотъ разсказъ взволнованнаго врача, я думалъ, что этотъ случай — unicum даже для грубой русской жизни. Я думалъ, что въ немъ предѣлъ огрубѣнія человѣческаго сердца. Увы! ознакомившись съ матеріалами о Россіи, имѣющимися заграницей, я теперь знаю, что разсказанное происшествіе и не unicum и не предѣлъ: въ русскихъ газетахъ я наткнулся еще на два случая отцеубійства коммунистами, и въ одномъ изъ нихъ въ Ростовѣ на Дону преступникъ *хвастался* своимъ дѣломъ. Несчастный деревенскій парень, о которомъ разсказалъ врачъ, не хвастался: ему было тяжело отъ своего дѣла, ибо разсказывалъ онъ съ трудомъ и лишь послѣ настойчивыхъ домогательствъ врача. *)

*) Въ моемъ распоряженіи имѣется еще одинъ «человѣческій документъ», свидѣтельствующій объ огрубеніи нравовъ и по жути производимаго имъ впечатлѣнія, не уступающій разсказу врача. Я передамъ его въ главѣ, посвященной коммунистической партіи.

Обмозоленное и ослабѣвшее въ сочувственной жизни сердце оказывается и въ этихъ безчисленныхъ доносахъ и шпіонствѣ, которые пышно расцвѣли въ Россіи. Они не зазорны теперь, во всякомъ случаѣ, они менѣе зазорны, чѣмъ были прежде. «Естественной» порчѣ нравовъ, обусловленной всѣмъ содержаніемъ современной общественной жизни Россіи, тутъ помогаютъ еще и оффиціальная мораль коммунистовъ, и широкая «работа» «чрезвычаекъ». Коммунистическая мораль, возведя доносъ и шпіонство на степень гражданской добродѣтели, создала, такъ сказать, идеологическій факторъ ихъ роста, а дѣятельность «чрезвычаекъ», пользующихся несмѣтнымъ количествомъ оплачиваемыхъ освѣдомителей, создала новый для паденія общественной морали факторъ экономическій. Одна Московская «чрезвычайка» имѣетъ до 30 тысячъ освѣдомителей. Не ручаюсь за точность этой цыфры, но знаю доподлинно, что въ сыскъ вовлечены элементы, которыми не пользовалась даже царская охранка. Это прежде всего дѣти. Существуетъ корпусъ дѣтей филеровъ и шпіоновъ, которымъ платятъ, между прочимъ, ежемѣсячными «конфектными пайками». Существуетъ корпусъ освѣдомителей изъ проститутокъ, ремесло которыхъ признано государственно-важнымъ и поэтому оплачивается деньгами и продовольственнымъ пайкомъ... Число доносчиковъ увеличивается еще предсѣдателями и секретарями домовыхъ комитетовъ (во многихъ городахъ), сельскими комитетами бѣдноты, комитетами безхозяйственныхъ, не говоря уже о коммунистическихъ ячейкахъ учрежденій и предпріятій — всѣ они *обязаны* доносить «чрезвычайкѣ» о всѣхъ подозрительныхъ лицахъ по своему служебному, общественному и партійному положенію.

Порча нравовъ сказалась и въ области политической жизни. Лица, слѣдившія за политическими процессами въ революціонныхъ трибуналахъ 1919, 1920 и первой половины 1921 годовъ отмѣчаютъ рѣзко усилившіеся взаимные оговоры подсудимыхъ: оговоры происходятъ въ размѣрахъ, неизвѣстныхъ политическимъ процессамъ царскаго времени. Я лично болѣе или менѣе сносно знаю поведеніе подсудимыхъ только въ двухъ крупныхъ процессахъ: въ дѣлѣ взрыва Московскаго комитета партіи коммунистовъ (сентябрь 1919 г.) *) и въ дѣлѣ «тактическаго центра» (1920 г.).

---

*) Этотъ процессъ до суда доведенъ не былъ.

Поведеніе арестованныхъ по обоимъ этимъ дѣламъ вполнѣ подтверждаетъ выводъ наблюдателей объ упавшей стойкости на допросахъ, о многочисленныхъ выдачахъ и оговорахъ. По первому дѣлу изъ всѣхъ арестованныхъ съ полнымъ достоинствомъ на допросахъ держался только одинъ Черепановъ и за это былъ разстрѣлянъ. *) Остальные раскаивались, выдавали, молили о пощадѣ, просили дать имъ возможность доказать свою вѣрность коммунистической власти и т. д.

Поведеніе во время слѣдствія и на судѣ по дѣлу «тактическаго центра» Виноградскаго и профессоровъ Устинова и Котляревскаго было такимъ, что съ ними потомъ избѣгали встрѣчаться ихъ знакомые и даже друзья.

Чрезвычайное пониженіе политической честности и стойкости въ Россіи общеизвѣстно. Пышнымъ цвѣтомъ распустились доносы, предательство, шпіонство и оттого въ Россіи такъ быстро проваливаются политическія организаціи, руководимыя изъ за границы, или возглавляемыя неопытными въ нелегальной политической работѣ людьми. Особенно страшные уроны несли политическія организаціи офицерства. Они проваливались безъ числа. Люди ведущіе революціонную работу теперь и обладающіе въ ней опытомъ, вынуждены усиленно считаться съ пониженіемъ моральнаго уровня современнаго человѣка. Проваливаются, однако, и они. Такъ, партія с. р., несмотря на всѣ усилія «очиститься», въ теченіи второй половины 1920 г. и въ первой четверти 1921 г. была прекрасно «освѣщена» въ Москвѣ и членовъ ея Центральнаго Комитета арестовывали одного за другимъ. Среди открытыхъ потомъ «освѣтителей» былъ рабочій Дыко — старый партійный работникъ, энергичный, развитой, при личныхъ сношеніяхъ производившій наилучшее впечатлѣніе па всѣхъ. Когда я сидѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ тюрьмѣ (конецъ 1919 г.), Дыко единогласно былъ избранъ старостой большой камеры. Обязанности свои онъ несъ съ большимъ достоинствомъ и тактомъ, кто бы могъ допустить тогда, что Дыко станетъ предателемъ!

Современная политическая дѣйствительность Россіи живо напоминаетъ періодъ смутнаго времени, съ его «шатаніемъ умовъ» и «перелетами» изъ Москвы въ лагерь Тушинскаго вора и обрат-

---

*) См. о немъ въ главѣ «Государство».

но. Происходятъ самыя неожиданныя «паденія» людей. Приведу два примѣра.

Одинъ довольно извѣстный соц. революц., публицистъ, бывшій горячимъ защитникомъ идеи народовластія и во время выборовъ въ Учредительное Собраніе, сдѣлавшій своей спеціальностью подсчетъ результатовъ избирательной кампаніи, вдругъ покинулъ партію и перешелъ въ ряды сторонниковъ «трудовластія» («совѣтовластіе» — тожъ). Въ 1920 г. онъ былъ посланъ своей группой съ крупной суммой денегъ (если не ошибаюсь, 1 милліонъ рублей) «разлагать» тылъ одного военнаго противника совѣтской власти. Деньги ему были вручены изъ государственнаго казначейства въ бумажкахъ «романовкахъ». Посланный выполнилъ взятое порученіе, перебравшись черезъ фронтъ, онъ въ тылу совѣтскаго противника вручилъ кому слѣдуетъ порученную ему сумму полностью, но... вручилъ ее не «романовками», а мѣстной валютой, курсъ которой стоялъ въ нѣсколько разъ ниже «романовокъ». Разницу посланный положилъ въ карманъ и отъ пославшихъ его свою валютную операцію скрылъ. Случайно операція вскрылась и «финансистъ» былъ исключенъ изъ политической группы, къ которой принадлежалъ.

Второй примѣръ гораздо тяжелѣй. Въ Москвѣ онъ сильно волновалъ знавшихъ «героя» происшествія. Нѣкій Семеновъ-Васильевъ, членъ партіи соц. рев., участникъ нѣсколькихъ рискованныхъ партійныхъ операцій, въ которыхъ на карту ставилась жизнь, по его выраженію, «взялся за умъ» и началъ ревизію партійной тактики. Ревизія окончилась выходомъ изъ партіи и вступленіемъ въ «меньшинство партіи с. р.» Услужая совѣтской власти, «меньшинство» предложило ей въ 1920 г. во время русско-польской войны послать Семенова-Васильева по другую сторону фронта, чтобы «разлагать» польскія войска.

Предложеніе было охотно принято и Семеновъ уѣхалъ. Успѣха онъ не имѣлъ и скоро былъ пойманъ польскими властями. Грозила казнь. Въ ту тяжелую пору Семеновъ обратился за помощью къ Б. В. Савинкову, подавъ ему какія-то надежды на взаимныя услуги. Савинковъ изъ бѣды выручилъ и благодарный Семеновъ предложилъ своему избавителю организовать въ Россіи террористическіе акты противъ большевиковъ. Савинковъ согласился и Семеновъ-Васильевъ, снабженный документами и деньгами уѣхалъ

въ Россію. Въ Москвѣ онъ явился къ Дзержинскому и выложивъ документы и деньги, разсказалъ о взятыхъ имъ порученіяхъ. Разсказъ Семенова, повидимоу, содержалъ такія свѣдѣнія, и имѣлъ такое освѣщеніе, что черезъ нѣсколько дней совѣтская власть опубликовала декларацію (декабрь 1920 г.), заявлявшую объ освѣдомленности власти о готовящихся на нее террористическихъ актахъ и объявлявшая всѣхъ соціалистовъ революціонеровъ сидящихъ въ тюрьмахъ заложниками, подлежащими разстрѣлу въ случаѣ покушенія.

Поведеніе Семенова-Васильева не могло снести даже услужающее власти меньшинство партіи с. р. и Семеновъ-Васильевъ «за поступки, несовмѣстимые съ достоинствомъ соціалиста и революціонера» (такъ гласило постановленіе Центральнаго Бюро «меньшинства») былъ исключенъ изъ организаціи «навсегда».

«Паденіе» не остановилось и на этой недостойной двойной игрѣ. Протесты европейскихъ соціалистовъ противъ ужасовъ, творящихся надъ соціалистами въ застѣнкахъ коммунистической Россіи, повидимоу, обезпокоили кремлевско-лубянскіе круги и они рѣшили реабилитировать себя. Требовались матеріалы, устанавливающіе преступную дѣятельность соціалистовъ Россіи. По отношенію соціалистовъ революціонеровъ матеріалы далъ Семеновъ--Васильевъ и его брошюра въ концѣ февраля 1922 г. въ Берлинѣ была выпущена въ свѣтъ. Особенностью брошюры,между прочимъ, были разоблаченія преступной дѣятельности Донского и Гоца, сидящихъ въ тюрьмѣ и кашляющихъ кровью. Семеновъ-Васильевъ затягивалъ петлю на шеѣ людей и безъ его услугъ обреченныхъ. Онъ счелъ возможнымъ помочь палачу. А когда-то считался онъ честнымъ человѣкомъ. Склоненъ думать, что онъ и былъ такимъ.

Послѣ появленія брошюры Семенова, телеграфъ принесъ извѣстіе, что въ Москвѣ въ Верховномъ трибуналѣ предстоитъ процессъ — монстръ соціалистовъ-революціонеровъ, причемъ главнымъ обвинительнымъ матеріаломъ является брошюра Семенова. Въ связи съ предстоящимъ процессомъ была допрошена жена Семенова-Васильева — Л. В. Коноплева и она, подтвердила «правдивость показаній мужа». Еще одна жертва времени — подруги Коноплевой по Высшимъ женскимъ курсамъ (Бестужевскимъ) характеризовали ее въ 1917 г., какъ человѣка высокой, прямо

выдающейся порядочности. Четыре послѣдующихъ года русской жизни, изъ чистаго, честнаго человѣка сдѣлали негодяя.

Перечень фактовъ, въ которыхъ проявляются широко идущія въ Россіи огрубѣніе и моральное вырожденіе нравовъ, я могъ-бы сильно удлинить. Въ перечень можно было-бы ввести факты, ухудшившіяся отношенія къ неработоспособнымъ старикамъ со стороны ихъ взрослыхъ дѣтей, распущенность и извращенность въ отношеніи половъ, жестокую грубость (иногда печатно ее даже нельзя передать) нравовъ среди учащихся среднихъ школъ, грубость дѣтскихъ игръ, въ которыхъ фигурируетъ ловля «бандитовъ» и «стѣнка», публичное отправленіе естественныхъ потребностей, исчезнувшую вѣжливость и т. д. Думаю, однако, что достаточно и указанныхъ фактовъ. Грубость и грязь новыхъ общественныхъ нравовъ, складывающихся въ Россіи подъ мудрымъ управленіемъ Кремля и «чекистской» Лубянки, достаточно ясно глядитъ изъ нихъ.

Я вѣрю, — взрослыя поколѣнія Россіи съ измѣненіемъ условій общественной жизни довольно быстро изживутъ грязь, влившуюся въ ихъ нравы за минувшіе революціонные годы. Въ психикѣ взрослыхъ ихъ прошлою жизнью накоплено значительное количество привычекъ и навыковъ, которые при благопріятныхъ условіяхъ явятся достаточнымъ противоядіемъ, чтобы побороть дѣйствіе яда, введеннаго послѣдними годами. Но есть-ли, найдется-ли въ будущемъ такое противоядіе въ душѣ молодыхъ поколѣній? Изживутъ-ли они грязь современной морали и жестокость складывающагося теперь быта? «Жизнь дѣтей, ихъ воспитаніе», говорилъ мнѣ одинъ писатель-художникъ, «это центральный ужасъ современной жизни. Двѣнадцатилѣтнія дѣвочки лишены дѣвственности, въ 13-14 лѣтъ онѣ беременны, четырнадцатилѣтніе мальчишки становятся мужьями... Я часто, подолгу и въ разныхъ мѣстахъ наблюдаю теперь дѣтей. Какъ непохожи они на прежнихъ! Жуликоватые глазенки, развязная рѣчь, все знаютъ, ясное различіе дозволеннаго отъ недозволеннаго и постоянная внутренняя готовность совершить все мерзкое, усилилась жестокость теперь... А въ дѣтяхъ будущая Россія. Предъ дѣтьми еще цѣлая жизнь, *вся* жизнь... Отойдутъ-ли, оправятся-ли *такія* дѣти? Докторъ Гори, рѣчь котораго я цитировалъ въ первой части этой работы, отвѣчалъ твердо: «большевики загубили — морально и физически — цѣлое россійское поколѣніе, загубили *без-*

возвратно и, увы, непоправимо». Я лично такъ увѣренно говорить не могу, но тяжелыя сомнѣнія мутятъ и мою душу...

Развратъ въ работѣ. Хозяйственная жизнь въ Россіи послѣднихъ лѣтъ отмѣчена рѣзкимъ паденіемъ производительности труда. Годовая выработка угля въ Донецкомъ бассейнѣ за 1920 годъ равнялась только 2385 пудамъ на рабочаго, что составляло лишь 26,2 проц. годовой выработки рабочаго въ 1913 году. Современная работа желѣзнодорожника меньше въ семь разъ, чѣмъ она была въ 1915 г. Въ писчебумажной промышленности годовая производительность рабочаго упала съ 1000 пудовъ бумаги въ годъ передъ войной до 100 пудовъ теперь. Рекордъ въ этомъ паденіи напряженности труда побитъ въ основной химической промышленности: въ 1919 году, на лучшихъ заводахъ рабочій въ день вырабатывалъ 0,65 единицъ готоваго продукта, вмѣсто 14,57 единицъ, которыя онъ давалъ въ 1914 г., т. е. современная производительность труда составляла лишь 4,5 проц. отъ производительности довоеннаго времени...

Вмѣстѣ съ напряженностью труда понизилась и его добросовѣстность: продукты современной промышленности Россіи, начиная отъ рельсы, которая разбивается при паденіи съ воза, и кончая какими-нибудь спичками, которыя отказываются горѣть, неизмѣримо ниже прежнихъ по своему качеству. А въ то же время, количество сырья, топлива, энергіи, которая затрачивается при выработкѣ продуктовъ современной промышленности, какъ правило, сильно возросло. Въ основной химической промышленности изъ единицы затраченнаго матеріала рабочій давалъ въ 1914 году 1,30 единицъ готоваго продукта, а въ 1919 году только 0,58 единицъ.

Съ тѣмъ-же вырожденіемъ труда мы встрѣчаемся и въ работѣ служащихъ. Помните цифры, выражающіе работу служащихъ «Главтекстиля»: 5,5 бумагъ въ рабочій день на дѣлопроизводителя, 2 — на машинистку и 1,5 на конторщика. Ничтожное количество работы рука объ руку идетъ съ низкимъ качествомъ ея: нужную справку ищутъ днями, отвѣтъ задерживаютъ недѣлями, въ инвентарную книгу записываютъ обѣды и простоквашу, итоговыя данныя снимаютъ «съ потолка» и т. д.

Отраженіемъ безконечно-низкаго качества труда рабочихъ и служащихъ являются также тѣ многочисленныя мѣры борьбы съ

«нарушенiмъ трудовой дисциплины», которыми переполнена практическая дѣятельность совѣтской власти. Чего только тутъ нѣтъ: безчисленныя совѣщанія по вопросу о формахъ заработной платы, надзоръ коммунистическихъ ячеекъ, внезапные контроли спеціальныхъ комиссій, административная власть начальниковъ, имѣющихъ право по своему усмотрѣнію арестовывать служащихъ до двухъ недѣль, комендантскіе пропуска для постороннихъ, чтобы не мѣшали работѣ служащихъ, запрещеніе разговаривать по телефону, наконецъ, дикіе проекты вродѣ отлученія женщинъ-служащихъ отъ своихъ семей, чтобы выжать изъ нихъ всю «трудовую энергію», и не менѣе дикія распоряженія, по которымъ для каждаго выхода служащаго изъ той комнаты, въ которой онъ занимается, требуется спеціальный пропускъ...

Мало толку получалось отъ этихъ безчисленныхъ мѣръ: работа, въ особенности работа служащихъ, продолжала оставаться безтолковой, лѣнивой, капризной, отношеніе къ ней было лишено самой элементарной честности и люди служили, точно отбывая безконечную, нудную барщину времени крѣпостного права.

Много причинъ обусловливаетъ отрицательныя качества современнаго труда. Тутъ и отсутствіе надлежащей организаціи дѣла, и отвратительныя внѣшнія условія для нея, и низкая оплата, и истощенность работниковъ. Въ промышленныхъ предпріятіяхъ прибавляется еще недостатокъ и низкое качество орудій производства, топлива, сырья и т. д.

Главная причина лежитъ, однако, не въ названныхъ обстоятельствахъ. Она—во всеобщемъ невытравимомъ сознаніи никчемности работы при современныхъ условіяхъ, ея фатальной обреченности въ лучшемъ случаѣ на неуспѣхъ, а въ худшемъ на вредное дѣйствіе.

Я не знаю, въ какой мѣрѣ эта причина является важной для сознанія рабочихъ и для объясненія низкихъ качествъ ихъ труда, для работъ служащихъ — она центральная. Я говорилъ уже въ главѣ «государство» о поразительно рѣзкой разницѣ между работой служащихъ казенныхъ учрежденій и работой въ сохранившихся кооперативныхъ союзахъ. Разница объясняется исключительно этимъ внутреннимъ органическимъ ощущеніемъ служащаго въ кооперативномъ союзѣ необходимости и цѣнности его работы и такимъ же органическимъ, часто несознаваемымъ, ощущеніемъ безплодности и ненужности дѣла, которое дѣлаетъ работ-

никъ правительственнаго учрежденія. Великая сила отмѣчаемаго фактора не должна оспариваться, ибо всѣмъ извѣстно, что безплодное пересыпаніе песку изъ одной кучи въ другую и новое пересыпаніе назадъ было однимъ изъ пріемовъ наказанія на каторжныхъ работахъ: такъ психически тяжело это занятіе; всѣ знаютъ также по собственному ощущенію, какъ тягостна и непроизводительна работа, которая въ сознаніи выполняющаго ее представляется обреченной на безусловный неуспѣхъ. А именно такой работой каторжника, такимъ дѣломъ, осужденнымъ на неудачу или вредъ, и воспринимается служащимъ правительственныхъ канцелярій ихъ служебная дѣятельность.

Чувство полной безотвѣтственности за свое дѣло, отсутствіе элементарной добросовѣстности въ работѣ, когда они тянутся ежедневно, продолжаясь уже годы, не можетъ, конечно, не класть отрицательныхъ чертъ на психику работника. Развратъ въ работѣ изъ временнаго и вынужденнаго, мало по малу начинаетъ пріобрѣтать черты прочной привычки, постепенно онъ дѣлается устойчивымъ свойствомъ работы. Работоспособность понижается. Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ интеллигентныхъ людей, что за годы совѣтской власти они разучились работать. Напряженная работа стала имъ въ тягость.

Трудъ русскаго человѣка издавна характеризовался тѣмъ,что онъ лишенъ упругаго равномѣрнаго напряженія. Методичность и размѣренность не были его отличительной чертой. По словамъ Ключевскаго, мы работаемъ «не тяжемъ, а рывомъ». Теперь и работа «рывомъ» становится трудной. Новая черта, о которой идетъ рѣчь, конечно, не длительна, при нормальныхъ условіяхъ жизни она исчезнетъ, но она существуетъ теперь, не сразу она и исчезнетъ. У молодого поколѣнія, которое къ небрежному труду пріучается съ первыхъ годовъ своей рабочей жизни — въ школѣ, пока оно учится, и на службѣ, когда начинаетъ служить, раврат въ работѣ будетъ болѣе долгимъ, чѣмъ у поколѣній взрослыхъ. На огромную строительную работу будущаго современное молодое поколѣніе выйдетъ не съ увеличенными силами, а съ уменьшенными.

Порочный трудъ вырабатывается, главнымъ образомъ, на службѣ, отчасти въ школѣ. Люди, которые большую часть силъ отдаютъ на работу въ собственномъ хозяйствѣ или за собствен-

нымъ письменнымъ столомъ, избѣгаютъ развращающаго вліянія жизни, о которомъ идетъ рѣчь. Въ частности трудъ основного общественнаго пласта Россіи — крестьянства — отмѣчаемымъ здѣсь явленіемъ почти не пораженъ. Онъ уменьшился по количеству, но когда крестьянинъ на работѣ, его трудъ не ослабъ въ напряженности, не понизился въ добросовѣстности.

Юдофобство. Юдофобство одна изъ самыхъ рѣзкихъ чертъ на лицѣ современной Россіи. Можетъ быть, она даже самая рѣзкая. Юдофобство вездѣ: на сѣверѣ, на югѣ, на востокѣ, на западѣ. Отъ него не гарантируетъ ни уровень умственнаго развитія, ни партійная принадлежность, ни племя, ни возрастъ... Я не знаю, гарантируетъ ли отъ него даже высота общаго моральнаго облика современнаго русскаго человѣка. Даже принадлежность къ еврейству не страхуетъ отъ него. Послѣднее утвержденіе, вѣроятно, покажется читателю страннымъ, быть можетъ, дикимъ. Однако, въ моихъ запискахъ есть строки, позволяющіе сдѣлать его. Тамъ записана фраза, которую при разговорѣ со мной обронилъ извѣстный еврейскій общественный дѣятель, теперь коммунистъ и очень крупный совѣтскій чиновникъ. Я не хочу называть имя этого чрезвычайно порядочнаго и лично чистаго человѣка. «Я не удивляюсь еврейской рѣзнѣ и погромамъ», сказалъ онъ: собственное поведеніе евреевъ дѣлаетъ ихъ необходимыми и законными. Русскому населенію пришлось бы отказать во всякой способности сопротивленія и всякой активности, если бы оно не устраивало ихъ»... Тамъ записанъ другой разговоръ съ близко-знакомой мнѣ еврейкой. «Какъ вы относитесь къ современному юдофобству?» спросилъ я ее какъ то въ разговорѣ. «Юдофобство въ Россіи было всегда. Въ ссылкѣ бывало поскребешь посильнѣй самаго хорошаго человѣка и на тебя глянетъ юдофобъ. Больно было мнѣ отъ этого. Теперь нѣтъ... Если бы я не была сама еврейкой, я, вѣроятно, тоже была бы юдофобкой. Скажу Вамъ откровенно, я даже и сейчасъ не увѣрена, что во мнѣ совершенно нѣтъ злого отношенія къ русскому еврейству».

Оба разговора происходили въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ одного изъ нихъ изъ Саратова вернулся одинъ изъ моихъ друзей. Жилъ онъ тамъ у пожилого соціалъ-демократа меньшевика. Другъ съ удивленіемъ передавалъ мнѣ слова своего квартирохозяина: «въ теченіи двухъ десятковъ лѣтъ я, по долгу партійнаго человѣка и

по внутреннему убѣжденію, горячо отстаивалъ права еврейства. Я не только не уважалъ юдофобовъ, я презиралъ ихъ. Теперь я понимаю, что мое поведеніе вызывалось партійными шорами, на вѣру принятыми догмами. Если можно быть «фобомъ» по отношенію къ Петрову и Иванову, то почему-же нельзя быть имъ по отношенію къ племени? Развѣ нѣтъ специфической національной психологіи? Или она не можетъ включать въ себѣ стойко-повторяющихся и мнѣ противныхъ чертъ?»

По дорогѣ заграницу я былъ вынужденъ долго прожить у одного соціалиста революціонера, выходца изъ рабочаго класса. «Главное темное пятно, которое я вижу въ своей жизни», говорилъ онъ, подводя итоги пройденному имъ пути, «это защита евреевъ. Пока не зналъ ихъ, былъ самымъ усерднымъ адвокатомъ за нихъ. Теперь нѣсколько лѣтъ уже живу съ ними, узналъ и простить себѣ не могу прошлую защиту».

Ученый, который около пятнадцати лѣтъ состоялъ въ одной изъ соціалистическихъ партій и вышелъ изъ нея только въ 1918 г., въ прошломъ году сказалъ мнѣ: «Погромовъ, понятно, не одобряю, но культурный бойкотъ привѣтствовалъ бы. Въ законы будущей Россіи прошлыхъ ограниченій для евреевъ я бы не ввелъ, но общественное движеніе, которое бы помимо законовъ создало эти ограниченія, я бы не только привѣтствовалъ, но и поддержалъ».

Пока интеллигенція проявляетъ свое юдофобство на словахъ. Однако, и слова обвѣяны столь сильными настроеніями, что дѣйствія не могутъ не послѣдовать за ними. Послѣдній приведенный мной разговоръ прямо указываетъ на эти будущія дѣйствія.

Еще ярче проявляется *активность* современнаго юдофобства въ слѣдующемъ, болѣе низкомъ по уровню развитія, слоѣ. Въ 1921 г. мнѣ періодически приходилось исчезать изъ своей квартиры и скрываться отъ ареста у знакомыхъ. Къ одному изъ нихъ частенько ходилъ коротать вечера N. N. бывшій владѣлецъ магазина въ Москвѣ и выдающійся музыкантъ. Рослый, полуинтеллигентный, съ добрыми глазами и трудною рѣчью, онъ пользовался репутаціей на рѣдкость мягкаго и отзывчиваго человѣка. Раньше сильно пилъ. А когда большевики національзовали его магазинъ, онъ далъ клятву не пить и не играть, пока не кончится совѣтская власть. Зарокъ свой не нарушилъ ни разу. Въ одинъ изъ вечеровъ

въ періодъ Кронштадтскаго возстанія говорили о мѣрахъ, которыя должны быть проведены немедленно послѣ паденія большевиковъ. «У меня же», вмѣшался въ разговоръ N. N., «одна программа короткая и ясная: вырѣзать въ Москвѣ всѣхъ коммунистовъ и жидовъ». Мы засмѣялись. «Гдѣ тебѣ, N. N. рѣзать», возразилъ мой квартирохозяинъ, «ты, я думаю, за 45 лѣтъ своей жизни и не ударилъ то никого».—«Вѣрно—не ударилъ, а рѣзать жидовъ буду!» —«Рука не поднимется», поддразнилъ хозяинъ. «Если у трезваго не поднимется, — напьюсь пьянымъ, а рѣзать буду». Во время этого разговора въ обычно добрыхъ глазахъ N. появилось такое твердое и жесткое выраженіе, онъ такъ увѣренно и настойчиво говорилъ, что у меня не было сомнѣній: онъ, никого за 45 лѣтъ не ударившій, евреевъ рѣзать будетъ. А N. волнуясь продолжалъ: «Чтобы не оробѣть, я уже давно бутылку спирта припасъ. Напьюсь и за дѣло».

Я и жена только что перевалили границу и нѣсколько недѣль жили въ верстѣ отъ нея. Въ нашу квартиру каждый вечеръ приходилъ высокій молодой человѣкъ съ тихой улыбкой и застѣнчивой рѣчью. Передъ войной онъ былъ учителемъ, на войнѣ офицеромъ, теперь служилъ приказчикомъ въ польской лавкѣ. По политическимъ убѣжденіямъ — украинецъ «самостійникъ». Говорили какъ то о еврейскомъ вопросѣ. Въ серединѣ разговора молодой человѣкъ весьма неожиданно и просто, со своей обычной тихой улыбкой, вдругъ заявилъ: «въ моемъ городѣ только девять еврейскихъ семействъ. Вырѣзать очень просто. Пара молодцовъ и все кончено, большихъ хлопотъ не будетъ». Жена вспылила и взволнованно начала обвинять его въ безсмысленной жестокости. «Ну, что тамъ, успокаивалъ ее молодой человѣкъ, девять семействъ — велика бѣда. А оставь ихъ...» Собесѣдникъ развелъ руками. «Они изъ девяти превратятся въ двадцать. Зачѣмъ ужъ разводить...» Никакіе наши доводы «муниципальной» программы молодого человѣка поколебать не могли. «Чего ужъ возиться съ ними», отвѣчалъ онъ, «лучше ужъ сразу. По крайней мѣрѣ безъ хлопотъ и ужъ навсегда. А если ихъ выселить... какъ ихъ, во первыхъ, выселить, когда они, какъ хрѣнъ въ огородѣ, а потомъ, если и выселишь, они опять вернутся. Тогда опять съ ними возись».

Я очень сильно подозрѣвалъ, что у молодого человѣка, судя по его спокойному лицу, «практика» въ рѣшеніи еврейскаго во-

проса уже была; во время походовъ въ Петлюровскихъ войскахъ, онъ свои воззрѣнія на еврейскій вопросъ, вѣроятно, уже проводилъ въ жизнь.

Въ самомъ низшемъ (по развитію) слоѣ русскаго населенія, активность юдофобскихъ настроеній принимаетъ боевой характеръ. Тамъ «ясное и короткое» пониманіе еврейскаго вопроса, выражающееся въ одномъ жуткомъ словѣ «рѣзать», руководитъ дѣйствіями и теперь. Выше (въ этой главѣ) я приводилъ уже примѣры расправъ повстанческихъ отрядовъ съ населеніемъ еврейскихъ мѣстечекъ. Такія расправы мнѣ извѣстны въ уѣздахъ Мозырьскомъ, Минскомъ, Уманскомъ и Житомірскомъ. О погромахъ, производимыхъ повстанцами, мнѣ разсказывали пріѣзжіе изъ губ. Харьковской, Полтавской, Екатеринославской. По всей Украйнѣ, когда повстанцы нападаютъ на поѣзда, по вагонамъ нерѣдко раздается команда: «Коммунисты и евреи выходи». Отзывающихся на команду разстрѣливаютъ тутъ же у вагоновъ, иногда даже на площадкѣ вагона. Чаще, впрочемъ, команда не раздается, а напавшіе начинаютъ контроль документовъ, причемъ сразу бываетъ невозможно опредѣлить, кѣмъ производится контроль-повстанцами или совѣтской властью. Когда лицо, документы и рѣчь того или иного пассажира вызываютъ у контролеровъ сомнѣніе въ его племенномъ происхожденіи, установился обычай заставлять подозрѣваемыхъ произносить слово «кукуруза». Если «р» произносится чисто, заподозрѣннаго въ еврействѣ оставляютъ въ покоѣ, въ противномъ же случаѣ, не слушая уже никакихъ возраженій, его уводятъ и пристрѣливаютъ. Когда пишутся эти строки я получилъ газеты. Въ одной изъ нихъ («Руль») нашелъ корреспонденцію изъ Туркестана съ такими строками: «Лѣтомъ 1921 г. помимо отрядовъ «басмачей»,образовалась особая группа, оперировавшая въ районѣ Оренбургской желѣзной дороги. Эта группа, довольно внушительная по количеству членовъ ея (человѣкъ 200), дѣлала набѣги, главнымъ образомъ, на поѣзда, причемъ пассажиры подвергались полному ограбленію. Особенно жестоко эта группа расправлялась съ коммунистами и евреями. Въ ней находились татары,киргизы, бывшіе красноармейцы и другіе.

Въ началѣ лѣта 1921 г. поѣздъ, въ которомъ слѣдовала партія военноплѣнныхъ иностранцевъ, подвергся нападенію этого отряда; пассажиры были совершенно обобраны, оставлены въ одномъ

бѣльѣ; два еврея пассажира были схвачены и увезены; трупъ одного изъ нихъ въ скоромъ времени былъ обнаруженъ недалеко отъ станціи».

Юдофобство въ современной Россіи — вездѣ. Оно захватило районы, въ которыхъ евреевъ раньше почти не видѣли и гдѣ еврейскій вопросъ не приходилъ даже въ голову. Къ числу такихъ мѣстъ принадлежитъ, напримѣръ, хорошо мнѣ извѣстная Вологда. Теперь въ ней можно встрѣтить толпы уличныхъ мальчишекъ, которые гонятся за евреемъ, бросаютъ въ него грязью и кричатъ: «жидъ, жидъ». Та же острая ненависть къ евреямъ въ Архангельскѣ, въ городахъСибири, на Уралѣ.

Юдофобствомъ захвачена и коммунистическая партія. Знакомый, которому около трехъ недѣль пришлось прожить въ гостиницѣ «Метрополь» (въ Москвѣ), обслуживающей почти исключительно коммунистовъ, съ удивленіемъ разсказывалъ мнѣ о рѣзко выраженномъ недружолюбіи, переходящемъ во вражду и полубойкотъ, которое обнаруживали жившіе въ «Метрополѣ» коммунисты различныхъ племенъ къ коммунистамъ евреямъ.

Большевикъ еврей, пріѣхавшій изъ Екатеринослава вскорѣ послѣ занятія Крыма совѣтскими войсками, съ горечью жаловался своему другу, тоже еврею и бывшему коммунисту, на ненависть къ евреямъ членовъ революціоннаго совѣта какой то арміи, находившейся въ Екатеринославѣ. По словамъ разсказчика, концентраціонный лагерь въ Екатеринославѣ на 80-85 проц. заполненъ арестованными евреями.

Правящая партія знаетъ объ описываемой новой чертѣ въ психологіи населенія и по моимъ свѣдѣніямъ (я не знаю въ какой мѣрѣ они достовѣрны) Центральный комитетъ коммунистической партіи издалъ секретный циркуляръ, который рекомендовалъ мѣстнымъ организаціямъ по возможности не назначать евреевъ на отвѣтственные административные посты.

Знаетъ о современномъ отношеніи населенія къ нему и само еврейство. Оно убѣждено, что паденіе большевиковъ будетъ сопровождаться небывалымъ по размѣрамъ и жестокости погромовъ и евреи усиленно бѣгутъ изъ совѣтской Россіи, осѣдая въ Польшѣ, Литвѣ, отчасти въ Эстіи и Латвіи, пробираясь въ Америку и т. д. Въ составѣ обывательской эмиграціи, шедшей изъ Россіи въ 1921 г., евреи составляли подавляющее большин-

ство. Контрабандистъ, переводившій черезъ границу жену, говорилъ ей, что изъ десятковъ, переведенныхъ имъ эмигрантовъ, она *первая* не еврейка.

Погромомъ, дѣйствительно, пахнетъ въ воздухѣ. Напряженная ненависть къ евреямъ не можетъ не окончиться имъ въ переходный періодъ между паденіемъ совѣтской власти и укрѣпленіемъ власти преемницы. Мнѣ извѣстно одно село Дмитровскаго уѣзда (Московской губ.), въ которомъ въ февралѣ-мартѣ 1921 г. крестьяне, ожидая паденія совѣтской власти, придерживали овесъ для поѣздки въ Москву, чтобы принять тамъ участіе въ погромѣ коммунистовъ и евреевъ.

Въ чемъ причины этой всеобщей и острой ненависти къ евреямъ въ современной Россіи? Назову важнѣйшія изъ нихъ, какъ онѣ отразились въ сознаніи юдофобствующихъ и высказывались ими, какъ мотивы и оправданіе ихъ нелюбви или ненависти къ евреямъ.

Главной причиной является отождествленіе въ широкихъ слояхъ населенія совѣтской власти съ еврейской. Распространенное выраженіе «жидовская власть» весьма часто употребляется въ Россіи, особенно на Украйнѣ и въ бывшей чертѣ осѣдлости, не какъ полемически задорное опредѣленіе власти, а какъ совершенно объективное опредѣленіе ея состава и ея политики. Когда украинецъ крестьянинъ называетъ свою гужевую и трудовую повинность «жидовской панщиной», онъ не ругается, онъ выражаетъ только свое искреннее убѣжденіе, что новая панщина введена, дѣйствительно, евреями.

Въ опредѣленіе совѣтской власти, какъ «жидовской», вкладывается двойной смыслъ: совѣтская власть, во первыхъ, отвѣчаетъ желаніямъ и интересамъ евреевъ и послѣдніе, поэтому, являются ея горячими сторонниками и приверженцами, во вторыхъ, власть фактически находится въ рукахъ евреевъ. Характерный бытовой фактъ, отражающій первый смыслъ приведеннаго опредѣленія власти: если къ свободно разговаривающей о совѣтскихъ порядкахъ группѣ лицъ (не евреевъ) подойдетъ еврей, даже лично знакомый собесѣдникамъ, разговоръ почти всегда круто обрывается и переходитъ въ другую плоскость. Этой же убѣжденностью во всеобщемъ и активномъ сочувствіи евреевъ совѣтской власти объясняется и дѣйствіе повстанческихъ

отрядовъ, одинаково безпощадно уничтожающихъ коммунистовъ и евреевъ. Современные погромы, сопровождающіеся массовыми убійствами евреевъ, сознанію погромщиковъ представляются, какъ ослабляющіе совѣтскую власть, ибо они уменьшаютъ число ея сторонниковъ.

Въ главѣ «государство» мною было разсказано о сборѣ въ Полтавѣ въ порядкѣ натуральнаго налога домашней птицы, которая потомъ подохла отъ голода и морозовъ и была выброшена изъ вагоновъ. Крестьянская мысль въ своихъ попыткахъ объяснить нелѣпое рѣшеніе власти перевозить птицу живой, а не битой, когда перевозка битой птицы была и возможна (стояли морозы) и выгоднѣе (потребовалось-бы меньше вагоновъ), и безопаснѣе (не было-бы риска привезти птицу негодной для ѣды), уперлась прежде всего въ свое убѣжденіе, что совѣтская власть — власть «жидовская». Поиски причинъ шли въ границахъ этого убѣжденія и поэтому найденное объясненіе цѣликомъ построено на козняхъ евреевъ. «Евреямъ по ихъ закону нельзя ѣсть птицу, убитую обычнымъ способомъ» — такъ, примѣрно, гласило объясненіе, принятое населеніемъ — имъ надо убить ее по своему. А такъ какъ птицу везли, разумѣется, для евреевъ, то они и желали получить ее живой, чтобы убить ее самимъ». Нахожденіемъ-же власти въ рукахъ евреевъ широкая масса объяснила и тѣ безобразно-грубые пріемы въ антирелигіозной пропагандѣ власти, которые свое наиболѣе яркое выраженіе нашли во вскрытіи чтимыхъ населеніемъ мощей. «Развѣ-бы русскіе, православные, на такое дѣло пошли?» говорятъ по Россіи. «Это все жиды подстроили. Жидамъ что: они самого Христа распяли». Указаніе на то, что вскрытіе дѣлалось русскими руками, парировалось соображеніями о зависимости рукъ отъ «головы»: мѣстныя власти выполняютъ приказанія центра, а въ центрѣ — евреи.

Интеллигенція, конечно, не считаетъ совѣтскую власть еврейской, но и она отмѣчаетъ сильное участіе въ ней еврейства — участіе, которое безконечно далеко не соотвѣтствуетъ пропорціи, которой выражается численность евреевъ по отношенію къ числу *всего* населенія Россіи. Мнѣ не разъ приходилось слышать въ Россіи подсчеты видныхъ коммунистовъ съ распредѣленіемъ ихъ по національности. Во всѣхъ подсчетахъ, охватывавшихъ отъ 60 до 80 человѣкъ, количество евреевъ оказывалось дѣйствитель-

но высокимъ, колеблясь между 33 и 40 проц. *) Изъ портретовъ «вождей міровой революціи», въ изобиліи развѣшанныхъ по вокзаламъ жел. дорогъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, наиболѣе часто встрѣчаются портреты Ленина, Троцкаго и Зиновьева, изъ которыхъ двое — евреи... Отмѣчаетъ юдофобствующая интеллигенція также и фактъ сочувствія широкихъ круговъ безпартійныхъ евреевъ совѣтской власти. Это дѣйствительно фактъ, что въ городахъ южной Россіи, особенно въ городахъ правобережной Украины, по многу разъ переходившихъ изъ рукъ въ руки, появленіе совѣтской власти наибольшую радость и наиболѣе показное сочувствіе вызывало въ еврейскихъ кварталахъ, нерѣдко только въ нихъ однихъ.

Такимъ образомъ весь odium совѣтской власти масса населенія переноситъ на евреевъ цѣликомъ, а широкіе круги юдофобствующей интеллигенціи — въ значительной мѣрѣ.

Второй среди воспринимаемыхъ мной причинъ юдофобства, являются свойства національной психологіи евреевъ. Среди этихъ свойствъ я назову выкованную тяжелой тысячелѣтней исторіей евреевъ ихъ прочную національную спайку. Единоплеменникъ среди евреевъ чувствуется гораздо болѣе близкимъ, чѣмъ среди другихъ племенъ. Взаимопомощь среди евреевъ поэтому была и продолжаетъ быть гораздо сильнѣе развита, чѣмъ среди всѣхъ остальныхъ племенъ, населяющихъ Россію. Отъ евреевъ тутъ отставали и отстаютъ даже нѣмцы колонисты, даже такія культурныя племена, какъ эстонцы и латыши. Въ современной русской жизни эта черта проявляется постоянно и разнообразно. Особенно сказывается она при подборѣ служащихъ въ учрежденіяхъ, въ которыхъ или установлена повышенная оплата труда, или имѣется обезпеченная возможность крупныхъ и многочисленныхъ взятокъ. Если пріемъ служащихъ въ такомъ учрежденіи находится въ рукахъ евреевъ, то можно держать безпроигрышныя пари, что весь составъ сколько-нибудь отвѣтственныхъ служащихъ будетъ состоять изъ евреевъ. Если глава еврей попадетъ въ такое учрежденіе въ періодъ, когда штаты заполнены, то опять-таки можно безошибочно утверждать, что вслѣдъ за нимъ густой и дружной

*) Одинъ изъ такихъ списковъ былъ переписанъ мной. Онъ включаетъ 78 коммунистовъ. Послѣдніе разбиты на три группы: русскіе, евреи, остальные не русскіе. Въ первой группѣ стоитъ 31 человѣкъ (40%), во второй 27 человѣкъ (35%), въ третей — 20 человѣкъ (25%).

толпой въ учрежденіи появятся евреи служащіе, хотя-бы это появленіе было-бы связано съ раскассированіемъ сложившагося штата... То-же предпочтеніе *своимъ*, въ рѣзкой, нерѣдко въ грубо-обидной для другихъ формѣ, проявляется со стороны евреевъ при стояніи въ очередяхъ во всевозможныхъ учрежденіяхъ: на биржѣ труда, въ продовольственной лавкѣ, при посадкѣ на поѣздъ, въ отдѣлахъ распредѣленія различныхъ «совдеповъ» и т. д.: еврея еврей внѣ очереди запишетъ, приметъ, выпуститъ на перронъ, выдастъ ордеръ, когда не еврею будетъ отказано и т. д.

Совѣтская власть, когда она находится въ рукахъ евреевъ, проявляется болѣе выпяченно своими отрицательными чертами: евреи грубѣе, наглѣе, вороватѣй, у нихъ больше заносчивости, сильнѣе третированіе населенія. Хмѣлящее вино власти для евреевъ оказывается крѣпче и оно сильнѣе ударяетъ имъ въ голову. Можетъ быть, въ этихъ отрицательныхъ свойствахъ сказывается невысокій уровень развитія того еврейскаго слоя, который энергично впрягся въ совѣтскую телѣгу — уровень прежняго фармацевта и приказчика; можетъ быть, сказывается прежнее безправное положеніе евреевъ въ дореволюціонной Россіи — не знаю, откуда бьетъ источникъ отмѣченнаго явленія, но самое явленіе отмѣчаютъ и мои впечатлѣнія наблюдателя. Изъ различныхъ группъ представителей совѣтской власти, самой непріятной и тяжелой при общеніи съ ней обычно оказывалась еврейская.

Указанные мотивы юдофобства обостряются еще и тѣмъ, что населеніе Россіи въ годы революціи переживало періодъ роста своего національнаго чувства и періодъ усиленія религіозности.

Ростъ религіозности. Одинъ умный, очень развитой, хорошо знающій свою губернію и самъ хорошо ей извѣстный крестьянинъ (невѣрующій), который въ теченіи трехъ лѣтъ послѣ большевистскаго переворота зимами много ѣздилъ по своей губерніи, такъ характеризовалъ мнѣ религіозное состояніе населенія за годы революціи. «Въ 1917 году въ деревняхъ былъ упадокъ вѣры. Стояла пора безразличія и апатіи, даже старушки перестали ходить въ церковь. Въ 1918 и 1919 г. г. началось издѣвательство надъ религіей и ея служителями, деревня жила въ періодѣ религіознаго хулиганства. Съ двадцатаго года религіозность быстро пошла въ гору: теперь (разговоръ происходилъ въ апрѣлѣ 1921 г.) церкви полны, люди молятся жарко, попъ въ почетѣ. То-же и во всѣхъ городахъ нашей губерніи, не исключая и

губернскаго. Религіозный ледъ растаялъ даже среди рабочихъ... Къ антирелигіозной пропагандѣ раньше прислушивались и религіозное хулиганство въ 1918-19 г. г. въ сильной степени подогрѣвалось ею; теперь отъ нея съ сердцемъ отмахиваются рукой, какъ отъ назойливой мухи. «А какъ отразилось вскрытіе мощей?» спросилъ я. «Доходятъ слухи о результатахъ вскрытія до деревни?» — «Слухи доходятъ, но они не производятъ никакого дѣйствія. Въ деревняхъ говорятъ: — «такъ святой и покажется большевикамъ — жди! Большевикамъ нужна была вата — вотъ вамъ вата, искали костей — есть и кости, надо тряпокъ — возьми и тряпки. А вотъ батюшка Макарій, тотъ имъ совсѣмъ не показался. Рыли его могилу, рыли — такъ ничего и не нашли. Скрылся святитель Макарій отъ безстыжихъ глазъ»...

Губернія, о которой идетъ рѣчь, расположена въ центральной земледѣльческой полосѣ Россіи (назвать ее я не хочу). Записаны у меня показанія двухъ другихъ наблюдателей, которые имѣли возможность разъѣзжать по уѣздамъ Московской губерніи. Обоими ими религіозность населенія мѣрялась количествомъ браковъ, совершаемыхъ безъ вѣнчанія въ церкви. Показаніе обоихъ наблюдателей одинаково: «первый и половина второго года послѣ большевистскаго переворота, населеніе, какъ правило въ церкви не вѣнчалось: ограничивалось одной регистраціей брака въ волостномъ правленіи; съ осени 1919 года число вѣнчаній начало расти; въ 1921 г. вѣнчались *всѣ*, исключенія не составляли даже деревенскіе коммунисты».

Есть у меня свѣдѣнія еще изъ Вологодской и Полтавской губерній. Характеристика перемѣнъ въ религіозномъ состояніи населенія та-же, что и для двухъ приведенныхъ губерній, хотя способъ измѣренія религіозности новый: тутъ судили по отношенію населенія къ священнослужителямъ. Въ 1918 и 19 годахъ отъ послѣднихъ отбирали землю, требовали безплатнаго отправленія требъ, устанавливали сходами низкую таксу оплатъ, у богатыхъ священниковъ реквизировали скотъ и т. д. Въ 1921 г. священникъ былъ первымъ человѣкомъ въ деревнѣ, первымъ и по уваженію къ нему и по зажиточности. Землю уже не отбираютъ — бери ее сколько хочешь, обработка нерѣдко производится безплатно по наряду отъ сельскихъ обществъ прихода. Не только нѣтъ рѣчи о реквизиціяхъ населеніемъ скота, но, наоборотъ, — новому священнику приходъ даетъ корову, лошадь, иногда при-

бавляетъ и нѣсколько головъ овецъ... Въ Вологдѣ и мнѣ разсказывали о трехъ лицахъ свободныхъ профессій, которые, изголодавшись въ городѣ, соблазнились матеріальной обезпеченностью сельскаго священно-служителя и были рукоположены архіереемъ въ священники.

Въ теченіи лѣта 1920 года я завѣдывалъ одними курсами въ непосредственной близости Ярославля. При посѣщеніи деревень крестьяне всюду единогласно отмѣчали предупредительное отношеніе прихожанъ къ священнику. Въ 1918 году, вспоминали они, было не то, но «извѣстно, тогда на народъ нашло затменіе». Въ корреспонденціи изъ Смоленской губ. (частично я приводилъ ее выше, говоря объ огрубѣніи и порчѣ нравовъ) также указывается, что въ деревняхъ «основательно измѣнилось отношеніе къ духовенству. Въ настоящее время батюшки пользуются въ деревняхъ почетомъ, уваженіемъ и помощью отъ крестьянъ».

Въ современныхъ голодныхъ городахъ священнику живется, вѣроятно, хуже, чѣмъ въ деревнѣ, но не жалуются и городскіе священники. «Живемъ хорошо», отвѣтилъ мнѣ одинъ московскій священникъ, «прихожане сильно поддерживаютъ». Другой священникъ въ той-же Москвѣ также отмѣчалъ мнѣ «большое усердіе прихожанъ къ священнослужителямъ», но жаловался на увеличившуюся трудность священнослужительства. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что главная трудность заключается въ повысившейся требовательности вѣрующихъ къ умственному багажу священника. Вѣрующіе уже не довольствуются однимъ отправленіемъ богослуженій и требъ, появился настойчивый запросъ на проповѣди и собесѣдованія. Новыя требованія предъявляются и къ самому содержанію проповѣдей и бесѣдъ: ихъ прежній, бѣдный содержаніемъ, нравоучительный характеръ уже не удовлетворяетъ вѣрующихъ. Вѣрующіе желаютъ, чтобы священникъ былъ въ силахъ доказать и утвердить общеобязательными, логическими доводами принципъ религіозной вѣры, его совмѣстимость съ наукой, его непротиворѣчивость требованіямъ и урокамъ жизни.

Я почти не былъ связанъ съ міромъ священнослужителей и потому мало знаю его, но до меня доходили слухи о существованіи въ нѣсколькихъ губернскихъ городахъ Россіи тѣсныхъ и серьезныхъ религіозно-философскихъ кружковъ изъ священниковъ и образованныхъ вѣрующихъ, въ которыхъ ставились не

только общія и отвлеченныя проблемы, но и практическіе вопросы о реорганизаціи православной русской церкви, о ея обновленіи и приближеніи къ запросамъ жизни. Впечатлѣніе отъ этихъ извѣстій создавалось опредѣленное — косный міръ русскаго духовенства шевелится, какія-то новыя струи свѣжаго воздуха носятся въ немъ. Подъ вліяніемъ новыхъ повышенныхъ запросовъ прихожанъ, духовенство подтягивается.

Фактъ оживленія религіозныхъ интересовъ опредѣленно чувствовался въ Москвѣ во время докладовъ и преній по религіозно-философскимъ вопросамъ зимой 1920-21 года. Очереди на эти доклады, когда въ нихъ участвовали образованные священнослужители, были огромныя. Истощенные люди, чтобы попасть въ залъ собранія, «хвостились» на морозѣ за пять-шесть часовъ до начала докладовъ.

Современное богослуженіе въ церквахъ производитъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ раньше. Толпа молящихся всегда велика, она стоитъ совершенно тихо и благоговѣйно, дѣйствительно жарко, молится. Особенно усиливаетъ впечатлѣніе общее пѣніе молящихся, а оно введено теперь во многихъ церквахъ Москвы и губернскихъ городовъ Россіи.

Усиленіе религіозности въ современной Россіи было ярко демонстрировано торжественнымъ крестнымъ ходомъ въ Петроградѣ въ субботу пасхальной недѣли въ 1921 г. На петербуржанъ онъ, повидимому, произвелъ сильное впечатлѣніе: мнѣ, по крайней мѣрѣ, разсказывали о немъ всѣ петербуржане, съ которыми я встрѣчался въ маѣ-іюнѣ минувшаго года. По отзывамъ наблюдателей, торжественный ходъ превратился въ религіозную демонстрацію. Участники чувствовали свою силу и они вели себя агрессивно: съ прохожихъ, которые не хотѣли снимать головныхъ уборовъ, послѣдніе снимались насильно, нѣсколькихъ сопротивляющихся избили. Меня увѣряли, что послѣ похоронъ жертвъ февральской революціи 1917 года, Петроградъ такой большой (по количеству участниковъ) демонстраціи не видѣлъ. Процессія сплошнымъ человѣческимъ потокомъ, занявъ не только середину улицы, но и тротуары, растянулась отъ Александро-Невской лавры до Казанскаго собора. Участвовало до 200.000 человѣкъ, т. е., треть способнаго двигаться Петрограда. Обращало вниманіе значительное количество среди участниковъ матросовъ и солдатъ.

Ростъ религіозности сказался и среди интеллигенціи. Здѣсь

онъ, правда, менѣе замѣтенъ, чѣмъ въ крестьянствѣ и широкихъ кругахъ обывателя, но онъ есть и здѣсь. Моя память и записки отмѣчаютъ, во-первыхъ, рядъ знакомыхъ интеллигентовъ, участниковъ прежнихъ соціалистическихъ партій, которые не только усиленно интересуются религіозно-философскими вопросами, но изъ атеистовъ перешли въ категорію вѣрующихъ, во-вторыхъ, гораздо болѣе терпимое отношеніе къ религіи, чѣмъ это было раньше. Прежняго огульно-отрицательнаго отношенія къ религіи, какъ къ явленію общественно-вредному, отрывающему мысль отъ земныхъ дѣлъ и общественныхъ неустройствъ, во всякомъ случаѣ уже нѣтъ. Прежнее отношеніе вполнѣ, пожалуй, не исчезло, но оно утратило свою былую цѣльность, рѣшительность, категоричность, оно сдѣлалось только однимъ изъ *элементовъ* въ новомъ отношеніи къ религіи. Усиленная религіозность, конечно, ослабляетъ напряженность интереса къ общественнымъ проблемамъ, она уменьшаетъ силы, затрачиваемыя на разрѣшенія ихъ, но она усиливаетъ моральные устои въ психологіи массъ, она увеличиваетъ святыни человѣческой души и укрѣпляетъ въ ней безкорыстныя чувствованія — примѣрно такъ можно сформулировать позицію современнаго интеллигента, даже продолжающаго оставаться при радикальныхъ взглядахъ въ другихъ общественныхъ вопросахъ.

Врядъ-ли нужно говорить о причинахъ, вызвавшихъ перемѣны въ напряженности религіознаго сознанія массъ: онѣ должны быть очевидны для читателя. Тяжелыя бѣдствія, которыя переживаетъ народъ, всегда вызываютъ ростъ религіозности. Богъ становится усиленно необходимымъ народу, когда онъ усиленно чувствуетъ свою слабость и несетъ увеличенныя страданія, Богъ дѣлается необходимѣй, какъ опора и помощь, какъ способъ немного отойти и забыться отъ тяжелыхъ испытаній жизни, какъ мѣсто, гдѣ сохраняются правда и святость, когда они исчезаютъ изъ окружающей жизни.

Причина, по которой измѣнилась оцѣнка религіи интеллигенціей, можно думать, кроется въ томъ ликѣ, который явилъ массовый русскій человѣкъ, освобожденный отъ внѣшне-общественныхъ и внутренне-нравственныхъ сдержекъ въ минувшіе годы революціи. Ликъ былъ страшенъ: разгромъ Тарнополя и Калуща, жестокіе самосуды въ 1917 и 1918 годахъ, избіеніе офицеровъ на сушѣ и сбрасываніе ихъ съ судовъ въ море, разстрѣлы, грабе-

жи, насилія, человѣкъ доходилъ до убійства отца по мотивамъ классовой борьбы, до страшной оцѣнки своей и чужой жизни въ «копѣйку». Явленія революціонныхъ лѣтъ показали, что въ своемъ развитіи массовый человѣкъ не доросъ до достаточныхъ «каръ и наградъ», раздаваемыхъ за «преступленія и подвиги» одною свободною совѣстью: выяснилось, что нужны дополнительныя *воздѣйствія*.. А карающій и награждающій Богъ религіи даетъ ихъ массовому человѣку.

Исканія мысли и потребность творчества. На всеобщій и безудержный распадъ общественной жизни, на тяжелый гнетъ, безправіе и безпощадныя повсемѣстныя расправы власти съ населеніемъ, послѣднее теоретически могло реагировать двояко: или упадкомъ энергіи, примиреніемъ съ ужасной дѣйствительностью и превращеніемъ въ покорнаго раба, или — наоборотъ — подъемомъ психической энергіи, борьбой, исканіями мысли, выростающей потребностью созидающе дѣйствовать. Въ зависимости отъ качества своей психики, народъ могъ впасть въ прострацію, или отвѣтить усиленнымъ напряженіемъ мысли и воли. События послѣднихъ лѣтъ были страшнымъ по пріемамъ и силѣ испытаніемъ на упругость и стойкость народной души. Радостно и увѣренно можно теперь сказать, что испытаніе выдержано съ честью. Населеніе сохранило «духъ живъ». Основанія для такого діагноза даетъ, во-первыхъ, упорная и мужественная борьба населенія съ властью, шедшая всѣ минувшіе годы, идущая и теперь, во-вторыхъ, широкія исканія мысли, въ попыткахъ осмыслить происходящее и найти выходъ изъ него, въ третьихъ, напряженная потребность въ живомъ, созидательномъ дѣлѣ.

Упорную борьбу населенія я уже отмѣчалъ (въ первой части) и еще буду писать о ней дальше. На разбуженной дѣятельности мысли и на потребности созиданія остановлюсь теперь — на первой меньше, ибо о проявленіяхъ ея рѣчь будетъ еще впереди, на второй больше.

Революціи въ общественной жизни почти всегда сопровождаются революціей въ сознаніи массъ. Онѣ освобождаютъ психику отъ усыпляющей власти преданій и привычекъ. Разбивая старое и привычное, хотя-бы въ одной области жизни, онѣ выводятъ мысль изъ оцѣпенѣнія, свойственнаго періодамъ устоявшейся жизни. Мысль отказывается отъ бездумнаго признанія традиціон-

ныхъ и новыхъ цѣнностей. Она дѣлается свободнѣй и дѣятельнѣй. «Душа не яблоко, ее не разрѣжешь», говорилъ Берсеневъ въ Тургеневскомъ «Наканунѣ». Душа человѣка обладаетъ цѣльностью, связностью и проводимостью. Возбужденіе, начавшееся въ одномъ углу души и связанное съ однимъ комплексомъ явленій жизни, не можетъ не передаться на всю душу и тогда въ очищающій огонь критики попадаютъ всѣ стороны жизни. Конечно, тутъ будетъ не та упорная, глубокая и послѣдовательная критика, на которую способенъ научно-дисциплинированный умъ, — критика будетъ производиться лишь отъ случая къ случаю, отъ времени до времени, она можетъ касаться частностей и не затрагивать основного, она чаще будетъ не самостоятельной, а только усвоеніемъ и повтореніемъ критики другихъ, но все-таки это будетъ работа мысли, будетъ *самостоятельная* проработка старыхъ представленій и понятій. Такая работа мысли идетъ широко въ Россіи. Большей силой и четкостью выраженія она обладаетъ, конечно, въ «мозгу націи» — среди интеллигенціи. Въ Россіи работа мысли гораздо сильнѣе, смѣлѣй, она идетъ глубоко и захватываетъ шире, чѣмъ въ эмиграціи, оторванной отъ русской жизни. Въ Россіи жить труднѣе, но нравственный воздухъ тамъ свѣжѣе. Тамъ жизнь доставляетъ больше возбуждающихъ стимуловъ и оттого тамъ больше думаютъ, глубже ищутъ, смѣлѣе критикуютъ, чѣмъ по эту сторону роковой черты, которой обведена великая страна. Кичливость русской интеллигентской эмиграціи смѣшна и неумна. Законсервированныя души есть, конечно, и въ Россіи, но не онѣ опредѣляютъ русскую дѣйствительность. Ее характеризуютъ *ищущія* души. Проявленія и результаты поисковъ мы еще увидимъ. Въ какомъ-же направленіи идутъ эти исканія? Что стимулируетъ ихъ? Чѣмъ опредѣляется ихъ направленіе?

Среди новыхъ чертъ, легшихъ на «лицо» Россіи, потребность въ положительной дѣятельности является одной изъ самыхъ рѣзкихъ. Она бросается въ глаза всѣмъ наблюдателямъ современной Россіи и въ нее, какъ растеніе въ почву, уходятъ своими корнями многочисленныя новыя рѣшенія, которыя по старымъ вопросамъ складываются въ душѣ населенія. Эти рѣшенія то временны и ложны, то длительны и мудры, нерѣдко не гуманны и жестки, но всѣ они обвѣяны духомъ потребности создать условія, при которыхъ шедшій и идущій распадъ смѣнился-бы быстрымъ возрожденіемъ и подъемомъ. Потребность растетъ въ напряженіи.

Въ своемъ крайнемъ и наиболѣе четкомъ выраженіи — въ интеллигентской психикѣ — она обычно становится подлиннымъ пафосомъ созиданія и творчества. Въ интеллигентскихъ ревизіяхъ идейнаго наслѣдства этотъ пафосъ является руководящимъ: пріемлются рѣшенія, совпадающія съ нимъ, отметаются ему противорѣчащія. Въ этомъ пафосѣ — отраженіе упругой души населенія, въ немъ — проявленіе здоровой реакціи на царящіе вокругъ разруху и распадъ. Съ такой потребностью страна не погибнетъ. Вѣру своего недавно умершаго и крупнаго поэта Россія оправдаетъ:

«Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойную красу.
Пускай заманитъ и обманетъ —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманитъ
Твои прекрасныя черты».

Если указываемая напряженная потребность въ странѣ есть, то значитъ въ ней есть силы возрожденія и роста, если потребность охватываетъ широкіе круги, то значитъ силы возстановленія въ ней бродятъ широко. Но есть-ли эта потребность, распространена-ли она, напряжена-ли?

Лучше другихъ я знаю два соціальныхъ пласта въ современной Россіи — интеллигенцію и крестьянство. Въ нихъ обоихъ потребность, о которой идетъ рѣчь, почти всеобща. У крестьянъ она выражается въ жадномъ стремленіи возстанавливать и улучшать свое хозяйство, и въ глубокой тоскѣ, съ которой они говорятъ о современномъ тяжеломъ состояніи ихъ хозяйства. Мои самые разнообразные собесѣдники, сохранившіе въ годы революціи связь съ крестьянствомъ, отмѣчали рвущееся изъ деревенской души стремленіе къ свободному и результативному хозяйственному труду. Характернѣйшій разговоръ съ однимъ крестьяниномъ общественникомъ, произошелъ у меня весной 1921 года. Привожу изъ него отрывокъ, непосредственно относящійся къ обсуждаемому вопросу.

«Земля у насъ прежде была какъ сливочное масло: жирная-жирная. И черная, какъ вороново крыло. По полтораста пудовъ брали съ нея въ хорошій годъ, а по сто да по сто двадцать въ средній. Вспашешь ее бывало сакковскимъ плугомъ въ пару ло-

шадокъ и она лежитъ, какъ подушка: мягкая да упругая. Ступишь ногой и она подается, какъ пружина, снимешь ногу и она поднимется. Возьмешь ее въ руку и она разсыпается горохомъ. Засуха стоитъ давно, а ее тронешь пальцемъ — влажная; легкій дождикъ прошелъ и она уже мокрая. Пахать ее бывало одно наслажденіе. А теперь развѣ пахота; *мучаемъ* землю, а не обрабатываемъ. Бывало ей всѣ силы отдашь, но она и тебя ублаготворитъ своими соками. А нынѣ четвертый годъ навоза не возимъ: каждый годъ передѣлы, да передвижки — кому охота удобрять ее! Земля сдѣлалась сѣрая и такая тощая, какъ баба отъ каждогоднихъ родовъ. Пойдешь пахать, не зерномъ она разсыпается, а прямо глыбами. Прежде было три да четыре лошади, а теперь осталась одна, да и ту уморили «гужповинностью», да безкормицей. Идетъ по пашнѣ — шатается, останавливается. Глянешь ей въ глаза, ну, чисто больной человѣкъ — одна мука въ глазахъ. Того и гляди, заплачетъ и ты вмѣстѣ съ ней... Отъ плуговъ опять стали переходить къ сохамъ — старые изработались, а новыхъ... гдѣ ихъ взять. Соху-же и самъ изладишь. А примите во вниманіе, въ 1913 году на все село не осталось ни единственной сохи: всѣ на полѣ плугами пахали. Сохой только картошку другой разъ ковыряли... Проживи тихо-мирно еще десятокъ лѣтъ и на селѣ-бы не осталось ни одной соломенной крыши — ходко пошло желѣзо. Теперь строенія вовсе безъ крышъ: стравили солому скоту. А тутъ поборы, разверстка, трудповинность, гужповинность, измывательства всякія... Руки отъ дѣла отваливаются. Народъ на хозяйствѣ теперь, какъ муха осенью: ни задора, ни силы. Прямо Божій свѣтъ не милъ». Собесѣдникъ поникъ головой и замолчалъ.

— «Убитъ народъ?» спросилъ я.

— «Сверху убитъ, а въ серединѣ живой. Охота осталась. Ея теперь больше прежняго. Скажу вамъ такъ — хозяева *изголодались* по хорошей работѣ. Всѣ ждутъ недождутся лучшей поры. Въ разговорахъ прямо *жадность* на работу. Дай только волю, освободи только землю и мужика отъ цѣпей, которыми опутали «товарищи» и зерномъ *завалимъ* Россію. Надо только, чтобы землю не каждому пихали въ руки, а давали-бы только старательнымъ хозяевамъ. Въ землѣ зарытъ всеобщій интересъ, всему населенію нужно, чтобы отъ нея брали *все возможное*. По моему мнѣнію, надо-бы установить норму работы, а разъ работаешь ниже нормы— долой съ земли. Тутъ тебѣ не баловство, а работа, не забава, а

дѣло, отъ котораго вся Россія живетъ. Разъ ты на землѣ, то долженъ ей всѣ силы отдавать и изъ нея всѣ соки выжать».

Обращаю вниманіе читателя на послѣднюю часть разговора, на эту мысль о необходимости создать такія условія землевладѣнія и землепользованія, при которыхъ производительныя силы земли были-бы использованы въ максимальной степени. Эта дума объ интересахъ производства встрѣчается часто въ крестьянскихъ разговорахъ современной Россіи и она сближаетъ и даже роднитъ крестьянскую психологію съ психологіей интеллигенціи. Мой собесѣдникъ, часть разговора съ которымъ я передалъ, былъ типичнымъ крестьяниномъ *хозяиномъ*. Хозяйственные успѣхи чаровали его непосредственно и сильно. Они заставляли звенѣть въ его душѣ самыя глубокія и интимныя струны и оттого о землѣ, свиньяхъ, полѣ, скотномъ дворѣ онъ разсказывалъ, какъ художникъ о картинѣ. Собесѣдникъ былъ одновременно и общественникомъ, ибо онъ долго и преданно, душу свою отдавая, работалъ сначала надъ созданіемъ, а потомъ надъ веденіемъ замѣчательнаго сельско-хозяйственнаго товарищества. Но и общественникомъ онъ сдѣлался изъ хозяйственной страсти:. ему надо было двинуть, поднять крестьянское хозяйство въ своемъ районѣ, а такъ какъ кооперація давала для этого могучій рычагъ, то онъ и воспользовался имъ. По своимъ политическимъ воззрѣніямъ собесѣдникъ подходилъ къ типу кадета. А недѣли за три до переданнаго разговора у меня бывалъ другой человѣкъ — тоже крестьянинъ, тоже кооперативный работникъ, но съ совершенно другимъ психическимъ складомъ. Этотъ съ 1904 года былъ дѣятельнымъ партійнымъ человѣкомъ (соц. револ.), побывалъ въ ссылкѣ, въ тюрьмахъ, не разъ судился. Вдумчивый, мягкій, развитой, онъ пошелъ въ общественную работу отъ любви къ «низовому» человѣку, отъ состраданія къ его темной и тяжелой долѣ. Оба они были изъ разныхъ губерній, другъ съ другомъ не только ничѣмъ не были связаны, но даже и не слыхали другъ о другѣ. И,однако, второй въ разговорахъ со мной по земельному вопросу упорно и старательно выдвигалъ ту-же идею опредѣленныхъ производственныхъ требованій, предъявляемыхъ государствомъ къ каждому земледѣльцу: продукція десятины земли не должна спускаться ниже опредѣленной нормы, а если спустилась — долой съ пашни! Первый думалъ, что это требованіе можетъ быть осуществлено посредствомъ неограниченной земельной собственности,

второй былъ сторонникомъ общественнаго владѣнія землей и искалъ рѣшенія своего вопроса внѣ частной собственности, но оба они, насмотрѣвшись на обращеніе съ землей людей, которые хлынули на нее изъ городовъ и со службъ, считали совершенно недопустимымъ введеніе всеобщаго права на землю, какъ это требовалось прежде популярной программой партіи соціалистовъ революціонеровъ. Рѣшеніе земельнаго вопроса прежде всего должно удовлетворять интересамъ производства, росту продукціи — вотъ исходная точка зрѣнія обоихъ моихъ собесѣдниковъ, столь разныхъ между собой по политическому міросозерцанію, по общему психическому складу, по мотивамъ ихъ общественной дѣятельности.

Читателю ясна связь заботы о подъемѣ продукціи сельскаго хозяйства съ той потребностью въ живомъ дѣлѣ созиданія, о которой идетъ рѣчь въ этой части главы: забота объ интересахъ производства обезпечиваетъ большую успѣшность и скорѣйшіе результаты въ возстановленіи народо-хозяйственной жизни страны. Распространенная потребность населенія въ *личной* творческой работѣ, у общественниковъ дополняется требованіемъ общихъ условій, при которыхъ творчество населенія было-бы продуктивнѣй.

Потребность, о которой идетъ рѣчь, рѣзко выражена и среди интеллигенціи. Я былъ связанъ съ агрономами, кооператорами, политическими дѣятелями, прежними земцами, работниками въ области промышленности и книгоиздательства — у всѣхъ одно и то-же: «сверху убиты, въ серединѣ живы», острая потребность настоящаго дѣла и рядомъ мучительное сознаніе его невозможности, пока существуетъ совѣтская власть. Двѣ души жили въ одной груди — одна рвалась къ работѣ, другая указывала барьеры для нея. Онѣ то уравновѣшивали другъ друга, порождая тяжелое бездѣйствіе, то первая побѣждала вторую и воля къ дѣйствію вырывалась на свободу. Во второмъ случаѣ возникали попытки начать книготорговлю, создать издательство, возрождать разгромленные кооперативы и закладывать новые, образовывать общественные комитеты помощи голодающимъ, создавать новыя политическія группировки и т. д. Подъ огромнымъ давленіемъ этой потребности дѣйствовать, честные и вовсе не коммунистически мыслящіе люди вступали въ коммунистическую партію, чтобы

имѣть болѣе свободное и широкое поле для хозяйственной и культурной работы. Немного было такихъ случаевъ, но они были.

Потребность въ работѣ для людей, которые на разныхъ постахъ и въ различныхъ областяхъ привыкли дѣйствовать въ гущѣ жизни, создавала часто самую мучительную сторону въ жизни совѣтской Россіи. Въ значительной мѣрѣ, она породила это опредѣленіе Россіи, какъ огромной тюрьмы, и она внесла въ это опредѣленіе жуткое соотвѣтствіе формулы съ дѣйствительной жизнью.

Въ моемъ распоряженіи есть дневникъ русскаго интеллигента, писанный въ концѣ 1920 года. Одна страница въ немъ посвящена этому томленію отъ бездѣлья, этой страшной тяжести незанятыхъ рукъ. Она по-моему достойна цитированія: изъ нея жутко глядитъ россійскій интеллигентъ, задавленный своими внутренними силами и вынужденной праздностью.

«И еще одинъ камень не переставая мѣсяцами давилъ мою душу въ Москвѣ... Когда душа окрѣпла и починилась настолько, что снова появилась потребность въ дѣйствіи и въ результативной работѣ по сердцу... я началъ задыхаться. Послѣ всѣхъ потерь предшествующихъ лѣтъ, послѣ разбитыхъ вѣрованій и съ кровью оторванныхъ отъ сердца надеждъ, силъ на политческую борьбу еще не было: нужная для нея цѣльность общественныхъ взглядовъ и стойкость настроеній еще не создалась. Возможна была только работа легальная и культурная. Ее я и хотѣлъ. Ее требовали силы, которые бродили въ душѣ и рвались наружу. А дѣла не было. Вокругъ шла канцелярская свистопляска, шли безпрерывные бредовые разговоры о планомѣрности, масштабахъ, ударности; безпрерывно объявлялись все новые и новые трудовые фронты; учрежденія въѣзжали, переѣзжали и выѣзжали; шла хозяйственная перестройка аппаратовъ, а живого, нужнаго дѣла, а прочныхъ результатовъ, а возможности ихъ не было ни на іоту. Иниціатива въ каждомъ дѣлѣ была скована безчисленными ограниченіями и нормами, коммунистическими цѣлями, «плановыми» заданіями, безчисленными контролерами, невѣжествомъ и безграничной тупостью руководителей, затрудненными переѣздами, и невозможностью подобрать нужныхъ работниковъ. А потомъ это всеобщее и неограниченное, тайное и явное, и прямое взяточничество!.. Взяточничество и воровство настолько всеобщи, что въ нихъ надо дѣятельно участвовать или активно съ ними бороться. [illegible] мѣшаютъ «буржуазные предразсудки», а борьба безна-

дежна и опасна. Она ставитъ тебя подъ неизбѣжный и разящій ударъ перваго доносчика изъ ворующихъ коммунистовъ. Побѣды тутъ быть не можетъ, а арестъ и подвалы «чеки» неизбѣжны. Затѣмъ подозрительность, шпіонство коммунистовъ, вмѣшательство комячеекъ...

Работы не было, а силы бродили, росли, рвались. Впервые за мою уже не короткую жизнь я узналъ это страшное, измучивающее и разрушающее состояніе ничего недѣланія, когда жизнь кричитъ о дѣлѣ, а руки рвутся къ нему. Начались темные тяжелые, мучительно-длинные мѣсяцы нравственнаго удушья. Жить было нечѣмъ и незачѣмъ. Я разлагался заживо и съ полнымъ сознаніемъ разложенія. Долгіе зимніе вечера я пластомъ лежалъ на кровати съ открытыми глазами, безъ мысли, желаній и даже безъ способности двигаться. Тоска вошла во всѣ поры души и тамъ все оцѣпенѣло, свернулось, умерло. Осталась только тяжесть тоски, безпредметной, неотступной, безысходной...

Когда-то эту великую тяжесть бездѣйствія пережилъ Герценъ. «Узнаютъ-ли, поймутъ-ли грядущія поколѣнія весь ужасъ нашего положенія, всю тяжесть ничегонедѣланія», писалъ онъ. Наше поколѣніе, въ частности я, узналъ и понялъ. И какъ близокъ, дорогъ и милъ сдѣлался мнѣ въ эти мѣсяцы Герценъ съ его святой и мятежной тоской по живому дѣлу, съ его властной тягой вонъ изъ душной Николаевской Россіи на свѣжій воздухъ и свободный просторъ европейской жизни... Мы узнали и поняли, но лучше-бы намъ не знать и не понимать: такъ было тяжело. Не дай, Господи, пережить это въ другой разъ».

...Доказательствомъ этой потребности интеллигенціи дѣйствовать служитъ, напримѣръ, фактъ, недавно сообщенный газетами: за январь мѣсяцъ 1922 года въ одной Москвѣ было разрѣшено къ открытію *146* частныхъ книгоиздательствъ. Не радостно будетъ ихъ существованіе, пока живетъ совѣтская власть, но о какомъ напряженномъ порывѣ къ дѣйствію въ интеллигентской душѣ говоритъ эта цифра! А какая широкая волна съѣздовъ и совѣщаній — широкихъ и тѣсныхъ, гласныхъ и тайныхъ прошла въ теченіи 1921 года въ средѣ кооперативныхъ работниковъ! Какъ настойчиво вглядывались послѣдніе въ русскую дѣйствительность, жадно ища и ожидая признаковъ, позволяющихъ съ надеждой на успѣхъ снова начать кооперативную работу надъ подъемомъ хозяйства Россіи. Сколько негласныхъ совѣщаній бы-

ло среди оставшихся въ Россіи дѣятелей промышленности! Мало толку получилось изъ всѣхъ этихъ оживившихся надеждъ, но какъ симптомъ, какъ знакъ живой души и неубитыхъ силъ, онѣ показательны.

Духомъ этой потребности въ возрожденіи жизни и въ смѣнѣ распада строительствомъ отмѣчены и другія, общія черты на лицѣ населенія, которыя мнѣ предстоитъ назвать.

Повышенная оцѣнка образованія. О новой и повышенной оцѣнкѣ образованія я уже говорилъ (въ главѣ «культура»). Она одинаково характерна для крестьянства и для интеллигенціи. Первое чувствуетъ въ образованіи, по преимуществу, условіе личныхъ успѣховъ въ жизни, вторая считаетъ его необходимѣйшей предпосылкой развивающейся *общественной* жизни. Вниманіе современной интеллигенціи все полнѣе переносится съ соціальныхъ институтовъ на человѣческую личность. Свойства послѣдней являются главною силой, опредѣляющей свойства общественнаго цѣлаго. Прямое вліяніе личности на реальное содержаніе существующихъ въ обществѣ институтовъ и учрежденій ярче и сильнѣе, чѣмъ обратное дѣйствіе институтовъ и учрежденій на личность. Отсюда усиленное вниманіе интеллигенціи къ повышенію качествъ человѣческой личности, достигаемаго, между прочимъ, и подъемомъ образованія.

Оцѣнка образованія, какъ условія здоровой общественной жизни не является совершенно чуждой и крестьянству. Въ той распространенной крестьянской фразѣ, которую я уже приводилъ — «если-бы мы были грамотны, развѣ большевики-бы опутали насъ» — она чувствуется ясно.

Въ Россіи меня долго занимала мысль о несоотвѣтствіи между выросшей въ крестьянствѣ оцѣнкой образованія и тѣмъ распадомъ первоначальнаго образованія, который идетъ въ странѣ. Если-бы, думалъ я, крестьянство дѣйствительно сознавало высокую цѣнность школы для жизни, развѣ-бы оно не могло самостоятельными усиліями отапливать и ремонтировать школы, кормить голоднаго учителя и содержать его семью. Вѣдь содержитъ-же оно собственными силами священнослужителей, ремонтируетъ-же оно храмы.

Въ одномъ изъ разговоровъ съ крестьянами, мой собесѣдникъ отвѣтилъ на мое неудомѣніе. «Очень напрасно Вы нападаете на

деревню», сказалъ онъ. «Конечно, мужикъ что — тьма; теменъ, какъ осенняя ночь. Своихъ дѣтишекъ мы бы обучали, однако, развѣ намъ трудно съѣздить въ лѣсъ, да набрать дровъ; могли бы и учителю помочь. Но вотъ какое дѣло: поѣдешь въ лѣсъ — приказчика нѣтъ, лѣсъ выдать некому. Поѣдешь въ другой разъ —оказывается лѣсъ на этомъ мѣстѣ отданъ какой нибудь организаціи или подрядчику. Поѣдешь въ третій, а тамъ подхватятъ тебя съ лошадью, да и заставятъ везти дрова, то въ городъ, то на станцію. Ну, и плюнетъ мужикъ... А потомъ нонѣшнія школы — чему тамъ дѣтей учатъ? Богу не молятся,старшихъ не почитаютъ, по жидовски въ комнатѣ въ шапкахъ сидятъ. Нѣту ни карандаша, ни пера, ни бумаги. Сами же мы этихъ предметовъ дѣлать не выучились. Возьмемъ дальше учительницъ — прежде онѣ въ занятіяхъ были строгія, трудолюбицы ,а теперь понаѣхали дѣвчонки и мальчишки. Ихъ самихъ еще учить и учить надо. Простую задачу другой разъ рѣшить не могутъ. Учитель въ школѣ въ шапкѣ. Дѣтишки перенимаютъ: придетъ твой сынишко домой, а шапку снимать не хочетъ. Прямо хулиганъ. Получается не образованіе, а порча. Нѣту толку и порядку въ государствѣ, нѣту ихъ и въ школѣ. Поэтому и плюнули на казенную школу. Другой разъ мужиковъ и принуждаютъ ѣхать въ лѣсъ за дровами для школы, а они ругаются и не ѣдутъ. А вотъ *своихъ* учителей приглашаютъ. По малости, а все же подучиваемъ дѣтишекъ. Порядки перемѣнятся, будемъ учить вдвое больше прежняго, потому что цѣну грамотѣ теперь рѣдкій не знаетъ: бѣда безъ пользы не прошла».

Новое отношеніе къ государству и Россіи. Усилилась оцѣнка и другого условія здоровой общественной жизни — нормально функціонирующаго и правильно построеннаго государства. Анархически отрицательнаго взгляда на государство не было и раньше въ Россіи, не было ни среди интеллигенціи, ни среди массъ. Но было много безоглянднаго отношенія къ нему. Не было антигосударственности, но была агосударственность. Мечтая о революціонномъ переворотѣ, и совершая послѣдній ни интеллигенція въ своемъ большинствѣ, ни, тѣмъ болѣе, широкія массы не ставили передъ собой вопроса о вліяніи революціи на государство. Прежняя крѣпкая государственная власть, прочно сбитый государственный организмъ не предрасполагали ни къ та-

кому вопросу, ни къ дѣйствіямъ, предупреждающимъ ослабленіе власти и распадъ государства. Опытъ революціонныхъ лѣтъ заставилъ по новому взглянуть на государство и оцѣнить его роль. Теперь понято, что нарушенныя функціи государства обозначають разрушеніе *всей* общественной жизни во *всѣхъ* ея проявленіяхъ и формахъ. Теперь сознано, что сколько нибудь нормальная общественная жизнь немыслима внѣ рамокъ нормально дѣйствующаго государства.

Новое отношеніе къ государству въ разныхъ слояхъ населенія выражается, конечно, не съ одинаковой четкостью. Интеллигенція формулируетъ его ясно. Отсюда вытекаетъ ея взглядъ на необходимость устойчивой и сильной государственной власти въ возрождающейся Россіи. Отсюда ея настойчивыя думы о способахъ созданія ея. Крестьянство отвлеченную и весьма общую идею о значеніи государства для хода всей общественной жизни, конечно, ясно не формулируетъ, но и оно понимаетъ великую важность «порядка». Этотъ лозунгъ — «общественный порядокъ» —крестьянскому сознанію представляется теперь съ новымъ значеніемъ. Мало что говорившій раньше, онъ заполнился теперь конкретнымъ и большимъ содержаніемъ... Отчетливость понятія о значеніи государства у интеллигенціи и крестьянства весьма различна, но смыслъ понятія, но общій характеръ, происшедшихъ въ этомъ отношеніи измѣненій — одинъ и тотъ же. Населеніе Россіи изъ революціи выйдетъ больше «государственникомъ», чѣмъ вошло въ нее. «Бѣда безъ пользы не прошла». Всякая государственная власть, которая первой придетъ въ центрѣ на смѣну большевиковъ, будетъ обладать большой притягивающей силой уже по одному тому, что она *власть,* ибо власть въ современномъ массовомъ сознаніи обозначаетъ *порядокъ,* а безъ порядка общественная жизнь не стоитъ.

Новое отношеніе создалось и къ идеѣ государственнаго единства Россіи. Долженъ, впрочемъ, оговориться, что областью моихъ наблюденій по этому вопросу является только та часть современной Россіи, которая заселена великорусскимъ племенемъ. Въ этой-же части и среди этого племени, составлявшаго въ 1897 году 44,3 проц. всего населенія,а нынѣ дающаго врядъ ли меньше 50 проц., жизненная важность единства Россійскаго государства въ результатѣ гражданскихъ войнъ, дробившихъ

страну на отдѣльныя части понята. Интеллигенція формулируетъ отчетливо: Россія не механическое сочетаніе частей, она единый, связанный желѣзными дорогами, портами, выходами на міровые и дешевые пути сообщенія (морскіе), своеобразіемъ и неполнотой экономической жизни отдѣльныхъ частей, народохозяйственный организмъ. Его государственное расчлененіе болѣзненно и вредно. Государственный отрывъ отъ Россіи отдѣльныхъ, наиболѣе важныхъ частей совершенно невозможенъ. Историческое прошлое Россіи, въ которомъ складывался ея государственный организмъ и создавалась ея предреволюціонная территорія, не было ни случайнымъ, ни прихотливымъ порожденіемъ ея власти. Настойчивое и длительное стремленіе государственной власти Россіи къ нѣкоторымъ частямъ и пунктамъ диктовались повелительно насущными интересами населенія и представителя послѣднихъ — государства. Идея предоставленія каждой части Россіи по собственному выбору рѣшить свое вхожденіе въ составъ Россійскаго государства или отрывъ отъ него представляется равнозначной отсутствію самыхъ элементарныхъ представленій объ условіяхъ и требованіяхъ государственной и народохозяйственной жизни. Полная свобода «самоопредѣленія» частей грозитъ выродиться и непремѣнно выродится въ свою противоположность — въ *опредѣленіе* одними частями судьбы другихъ. Безъ выхода къ морю, безъ желѣзной руды, безъ каменнаго угля, великая страна жить не можетъ и это сдѣлаетъ *неизбѣжнымъ* натискъ народа, обдѣленнаго этими богатствами, къ морскимъ выходамъ и источникамъ естественныхъ богатствъ. Интеллигенція Россіи считаетъ, поэтому, *объективно неотвратимымъ* активное устремленіе будущей Россіи къ возстановленію своей прежней государственной цѣлостности (безъ Польши и Финляндіи). Задача рѣшится тѣмъ легче, чѣмъ въ болѣе демократическія формы отольется будущее политическое устройство страны и тѣмъ труднѣе, чѣмъ менѣе демократическимъ будетъ оно. Политическая реакція, если-бы воцарилась она, натолкнется при рѣшеніи этой задачи на чрезвычайныя трудности. Да и самое появленіе и упроченіе режима реакціи будетъ имѣть своего стойкаго врага въ лицѣ правительствъ и населенія обособившихся государствъ. Въ лицѣ послѣднихъ демократическая Россія имѣетъ поэтому своихъ естественныхъ союзниковъ противъ возможной реакціи.

Уроки гражданской войны сдѣлали идею единства Россіи и

взаимной связанности ея частей доступной даже мало развитому сознанію крестьянскихъ массъ: отрѣзанъ сѣверъ — нѣтъ рыбы, шедшей оттуда и составлявшей важный продуктъ питанія нѣсколькихъ губерній; отрѣзанъ Кавказъ — нѣтъ керосина, нечѣмъ свѣтить; отрѣзанъ Донецкій бассейнъ — нѣтъ угля, стоятъ фабрики и заводы. Мнѣ и моимъ знакомымъ при поѣздкахъ по Россіи не разъ приходилось встрѣчаться съ крайне любопытными и чрезвычайно показательными случаями, когда крестьяне въ разговорѣ *высмѣивали* свой прежній уровень въ пониманіи и государственной и хозяйственной жизни. Иронизируя надъ собой, они вспоминали свою широко распространенную во время прекращенія войны и стихійной демобилизаціи фразу: «Мы тамбовскіе (вятскіе, калужскіе, вологодскіе, рязанскіе и т. д.) до насъ германъ (германецъ) не дойдетъ». — «И не дойдетъ, да заберетъ», говорятъ теперь. «Если-же не заберетъ, то все равно ушибетъ. Въ государствѣ всѣ мѣста веревкою связаны. Какъ на фронтѣ: позицію заберутъ рядомъ, тебя ни одна пуля не тронетъ, а ты отступай».

Не слѣдуетъ преувеличивать этой сознательности, «стихійная» неразвитость продолжаетъ оставаться въ крестьянской средѣ въ большихъ дозахъ, но одно безспорно: эта неразвитость меньше теперь, чѣмъ она была раньше. Въ своихъ жизненно необходимыхъ государственныхъ задачахъ по созданію необходимыхъ границъ и «собиранію земли» будущая власть окажется меньше оторванной отъ народа, чѣмъ она была прежде. Не будетъ оторвана она и отъ широкихъ круговъ интеллигенціи.

Новымъ въ воспріятіи интеллигенціи является не только государство, какъ таковое, и государственная цѣлостность Россіи, измѣнилось отношеніе и къ самой Россіи, какъ къ Родинѣ, какъ къ *своей* странѣ, *своему* народу. Патріотизма было мало въ широкихъ кругахъ русской интеллигенціи прежняго времени. Слово «патріотъ» въ нашемъ прошломъ было обвѣяно язвительной насмѣшкой. Выговаривалось оно нарочито безграмотно и въ ироническихъ кавычкахъ — «патреотъ». Міровоззрѣніе и духовные интересы большинства среди общественной активной интеллигенціи Россіи были переполнены заботами о мірѣ и очень скудны думами о Россіи самой по себѣ. Дальніе были важнѣй и дороже ближнихъ. Безпокойство о всемъ человѣчествѣ вытѣсняло заботы о своемъ отечествѣ. Мы были плохими гражданами Россіи, ибо

слишкомъ много были гражданами міра. Гдѣ, въ какой изъ воевавшихъ въ послѣдней міровой войнѣ странъ была въ такой мѣрѣ сильна національная болѣзнь «пораженчества», какъ въ Россіи. Такого народа не было, печальное первенство принадлежало намъ, русской интеллигенціи. Крупнѣйшая въ прошломъ изъ соціалистическихъ партій страны, которой принадлежала руководящая роль въ семимѣсячный періодъ февральской революціи, своимъ лидеромъ имѣла одного изъ героевъ Кіенталя и Циммервальда, его-же она сдѣлала предсѣдателемъ Учредительнаго Собранія. При иномъ, болѣе высокомъ уровнѣ національно-государственнаго чувства, развѣ была-бы возможной безумная пропаганда большевиками «немедленнаго мира» и «братанья» на фронтѣ въ 1917 году, и то спокойное отношеніе къ ней, которое проявляла въ то время правящая партія... Не интернаціонализмъ былъ силенъ въ русской интеллигенціи, какъ это обычно утверждаютъ, ибо не было основы для него — здороваго націонализма, въ ней жилъ *анаціонализмъ*.

«Многія причины привели Россію къ тому состоянію, въ которомъ она находится сейчасъ, но основной, главной, которая лежала въ корнѣ всѣхъ, которая объясняетъ, почему съ такой легкостью разсыпалась *великая храмина земли Русской* — было отсутствіе, недостатокъ національнаго самосознанія, патріотизма въ глубокомъ, высшемъ смыслѣ и значеніи». Роль болѣзни въ этой цитатѣ изъ статьи Н. Д. Авксентьева, можетъ быть, и преувеличена, но самая болѣзнь указана правильно.

Прежнее отношеніе къ Россіи измѣнилось теперь. Понятіе Родины пріобрѣло новое, волнующее значеніе. Въ заботахъ и думахъ объ общественныхъ проблемахъ первое мѣсто принадлежитъ *ей*. Развалъ государства и народнаго хозяйства, умираніе культуры, политика иностранцевъ, національный позоръ не разъ пережитый, все это сдѣлало Россію интимно близкой *своей, матерью*. Родилась новая любовь. Если-бы мнѣ предложили опредѣлить, чѣмъ жива общественно активная интеллигенція, оставшаяся въ Россіи, что въ наибольшей мѣрѣ волнуетъ ее, въ чемъ ея пафосъ — я бы отвѣтомъ не затруднился. «Россія и созидательная работа въ ней».

Массѣ русскаго населенія патріотизмъ былъ еще болѣе чуждъ, чѣмъ интеллигенціи. Послѣдняя для патріотизма была слишкомъ вселенской, первая-же слишкомъ «тамбовской, калуж-

ской, рязанской». У интеллигенціи былъ «перелетъ», у массъ населенія значительный «недолетъ». «Русскій народъ могъ отстаивать родину, сражался, умиралъ, побѣждалъ — по велѣнію свыше. Порою онъ загорался, можетъ быть, массовымъ чувствомъ, но онъ не былъ проникнутъ, пропитанъ *сознаніемъ* отечества. Мы были чаще — «вятскіе», «пензенскіе». Но мы очень рѣдко бывали «гражданами Россіи». Я не могу увѣренно сказать, что въ крестьянствѣ выросло *чувство* Родины. Въ противоположность автору цитированныхъ строкъ (Н. Д. Авксентьеву) я считаю его важнѣе, чѣмъ *сознаніе* Родины, но сознаніе выросло безспорно.

Повторяю снова, мои наблюденія и утвержденія относятся къ общерусской интеллигенціи и къ великорусскому крестьянству. Я не знаю, что дѣлается среди интеллигенціи и крестьянства большинства племенъ, населяющихъ Россію. Кромѣ великорусской вѣтви русскаго народа, моимъ наблюденіямъ была доступна еще малорусская вѣтвь. Тамъ, какъ будто, растутъ центробѣжныя силы. Увѣренно констатирую, что среди малороссовъ выросло ощущеніе своей племенной особности и сознаніе отличій въ языкѣ. Среди нихъ явное стремленіе развить и закрѣпить свои племенныя отличія при помощи формъ государственнаго устройства. Политика совѣтской власти, отожествленная въ сознаніи части украинскаго населенія съ Москвой и «москалями» дала новую воду на мельницу сторонниковъ «самостійной Украины». Оба фактора вмѣстѣ взрыхлили почву для оживленной не гнушающейся никакими средствами и никакой ложью, пропаганды «незалежности». Среди населенія Украины появились четко выраженныя тенденціи къ государственному отрыву отъ остальной Россіи. Не знаю насколько широко эти тенденціи захватываютъ населеніе, но фактъ ихъ существованія неоспоримъ. Неоспоримо и большее: «самостійнымъ» движеніемъ захвачены и низы населенія — въ частности, крестьянство. Въ верхнихъ по умственному развитію слояхъ интеллигенція, наряду съ стойкимъ теченіемъ ни въ коемъ случаѣ не отрываться отъ Россіи, если политическіе порядки послѣдней обезпечатъ свободу малороссійскаго языка въ школахъ и печати, существуетъ ясно выраженное движеніе въ сторону отрыва отъ Россіи при всякихъ условіяхъ. Для вдумчивой части русской интеллигенціи во всякомъ случаѣ ясно, что малороссійскій вопросъ въ первый періодъ возрожденія Россіи будетъ однимъ изъ наиболѣе острыхъ и сложныхъ въ политиче-

ской жизни страны. *Никогда* не умѣвшая политически встать на собственныя ноги и метавшаяся отъ союза къ союзу съ различными государствами, пока надолго не успокоилась въ нѣдрахъ государства Россійскаго, Украина въ лицѣ своихъ вождей самостійниковъ, очевидно, сдѣлаетъ новую попытку всяческими средствами добиться политически сувереннаго бытія. Однимъ изъ этихъ средствъ былъ союзъ вождя самостійниковъ — Петлюры съ Польшей. Союзъ уже проявилъ свое благотворное дѣйствіе. Подъ впечатлѣніемъ отъ него въ рядахъ малороссійской интеллигенціи съ конца 1920 года началось ослабленіе самостійныхъ тенденцій. Эту убыль въ 1921 г. мнѣ отмѣчалъ цѣлый рядъ наблюдателей, въ томъ числѣ одинъ весьма осторожный и извѣстный Россіи публицистъ, живущій на Украинѣ и тѣсно связанный съ ея общественной жизнью. Въ крестьянствѣ въ 1921 году, наоборотъ, шелъ процессъ усиленія самостійнаго движенія. (Наблюденіе относится къ Слободской Украинѣ, къ Харьковской, Полтавской, отчасти Екатеринославской губерніямъ). Усиленіе этого движенія было вызвано политикой совѣтской власти, которая въ 1921 году проявила себя на Украинѣ во всемъ безобразіи и жестокости.

Отношеніе къ соціализму. Послѣдней изъ общихъ новыхъ чертъ, отмѣчающихъ новую психологію населенія Россіи, является уменьшенное обаяніе соціалистическаго идеала и соціалистической идеологіи. Эта черта выражается цѣлымъ рядомъ фактовъ.

Среди общероссійской и крестьянской интеллигенціи уменьшилось число сторонниковъ соціалистическаго міросозерцанія; уменьшилось его чарующее и притягивающее дѣйствіе въ широкихъ крестьянскихъ и рабочихъ массахъ; появилась ясно выраженная ненависть къ соціалистамъ (въ Россіи назвали ее «соціалѣдствомъ»), которой не было прежде и которая захватила теперь даже кооперативные круги: мнѣ извѣстны совѣщанія руководителей кооперативнаго движенія, въ которыхъ члены правленій предполагавшихся кооперативныхъ организацій намѣчались не только по прежнему признаку дѣловитости и честности, но еще и по признаку свободы отъ соціалистическаго элемента въ міросозерцаніи; среди продолжающихъ считать себя соціалистами къ прежнему міросозерцанію вводятся значительныя поправки: отъ былой прямолинейности и примитивизма въ отношеніи соціали-

5

стовъ къ буржуазному народо-хозяйственному строю, буржуазному государству и буржуазіи не осталось и слѣда. Въ Россіи существуютъ, конечно, и соціалисты прежняго типа, но не они составляютъ большинство. Среди современной соціалистической интеллигенціи Россіи подавляющее число участниковъ принадлежитъ къ соціалистамъ новой формаціи. Характеристика ихъ будетъ дана въ слѣдующей главѣ.

Существующимъ соціалистическимъ партіямъ въ будущей Россіи не суждены ихъ прежніе шумные успѣхи. За ихъ программой и тактикой Россія больше не пойдетъ. Новая психологія населенія, новыя условія общественной жизни, новыя властныя требованія послѣдней предъявляютъ запросъ на новую программу и новыя партіи. Послѣднія, несмотря на весь гнетъ и тяжесть русской жизни, уже складываются.

Потеря соціалистическимъ міросозерцаніемъ прежняго обаянія и усилившееся озлобленіе къ нему не должны представляться читателю ни неожиданными, ни непонятными: жуткіе по своимъ послѣдствіямъ большевистскіе эксперименты, поставленные, какъ на свой фундаментъ, на основное требованіе соціалистической идеологіи, т. е., на обобществленіе средствъ производства и транспорта, торговли и кредита, не могли не подѣйствовать на мысль и сердце населенія въ смыслѣ освобожденія отъ «чарованья красныхъ вымысловъ» въ ихъ прежнемъ содержаніи. Суженіе границъ соціалистическаго вліянія, усиленіе натиска на соціалистовъ и соціалистическое міросозерцаніе ихъ противниками, паденіе воодушевленія и вѣры среди малосознательныхъ сторонниковъ соціализма и ихъ стихійный разбродъ изъ-подъ соціалистическихъ знаменъ, наконецъ, напряженная ревизія прежнихъ цѣнностей и прежнихъ утвержденій со стороны оставшихся на соціалистическихъ позиціяхъ — все это *должно* было явиться, ибо въ жизни, какъ въ морѣ, за приливомъ наступаетъ отливъ. По пятамъ за обманутой вѣрой идетъ безвѣріе, за неоправдавшимися надеждами слѣдуетъ разочарованіе.

Послѣ четырехъ лѣтъ революціи Россія сдѣлалась менѣе «соціалистической» и больше «буржуазной». Прежнія «утопіи» заволоклись туманомъ. Глаза Россіи теперь ихъ видятъ плохо. Зато они пристальнѣй вглядываются въ реальную жизнь и лучше различаютъ ея неторопливо-мѣрный ходъ, ея запросы, ея непонятыя прежде достиженія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.

Выраженіе интеллигенція до сихъ поръ употреблялось не въ томъ узкомъ и спеціальномъ значеніи, какое было принято русской соціологической школой и народнической литературой, а въ широкомъ смыслѣ образованнаго слоя, занятаго умственнымъ трудомъ. Слой обнимаетъ, какъ политически активные, такъ и пассивные круги. Когда говорилось о первыхъ, я къ слову «интеллигенція» всегда прибавлялъ «общественно активная». Въ настоящей главѣ рѣчь будетъ идти только объ общественно активной интеллигенціи, *) такъ какъ то, что я могъ сказать о новыхъ чертахъ въ психикѣ *всей* интеллигенціи, уже сказано въ предыдущей главѣ.

Общественно-активная интеллигенція въ своихъ размѣрахъ сильно сократилась въ современной Россіи. Наиболѣе очевидной причиной убыли является ея физическое уничтоженіе голодомъ, болѣзнями, разстрѣлами. Уменьшила ее и эмиграція. Важнѣе, однако, три новыхъ причины: во-первыхъ, безумно трудныя условія жизни, при которыхъ, обычно, *всѣ* силы уходили на добываніе средствъ существованія, во вторыхъ, свирѣпый правительственный терроръ, требовавшій отъ каждаго участника въ политической жизни и борьбѣ готовности идти на рискъ потери головы, ибо *всякая* форма политической дѣятельности и *всякое* содержаніе послѣдней могло въ любой моментъ окончиться «стѣнкой»; въ третьихъ, духовный кризисъ, который захватилъ широкіе ряды интеллигенціи и, вызвавъ напряженный пересмотръ старыхъ взглядовъ и вѣрованій, сдѣлалъ надолго невозможной активную политическую работу. Число политическихъ «мертвыхъ

---

*) На дальнѣйшихъ страницахъ этой главы слово «интеллигенція» будетъ употребляться въ смыслѣ политически-активнаго слоя интеллигенціи.

душъ» среди оставшейся въ Россіи и еще не умершей интеллигенціи значительно увеличилось, если подъ «живой душой» разумѣть не только интересъ къ явленіямъ общественной жизни и разговоры о ней, но и соотвѣтственныя дѣйствія, которыми по-словамъ поэта «жизнь жива». Цѣлый рядъ губернскихъ городовъ, даже среди тѣхъ, въ которыхъ раньше всегда сильно пульсировала общественная жизнь, теперь представляютъ собой политическую пустыню. Такіе города въ современной Россіи составляютъ едва ли не половину ихъ общаго числа.

Есть,конечно, и притокъ новыхъ силъ, но пополненіе интеллигенціи идетъ слабо. Оно гораздо слабѣе, чѣмъ убыль. Перемѣны въ соотношеніи количества политически «живыхъ» и «мертвыхъ» душъ среди всей интеллигенціи и крестьянства идутъ въ прямо противоположныхъ направленіяхъ: въ крестьянствѣ одновременно съ подъемомъ политической дѣйственности массъ идетъ количественное усиленіе и политически руководящаго верхняго слоя, въ интеллигенціи активно политическій слой слабѣетъ.

Состояніе прежнихъ политическихъ группировокъ. Въ результатѣ широкой «демобилизаціи» политически активной интеллигенціи въ Россіи, совершенно исчезли всѣ буржуазныя политическія группировки — никакихъ «оказательствъ» ихъ жизни и дѣятельности нѣтъ. Лица, конечно, сохранились, возможно, что вслѣдствіе оживленныхъ политическихъ перегруппировокъ, совершающихся теперь, число ихъ даже увеличилось, и, напримѣръ, конституціонно-демократическая партія, при нормальныхъ условіяхъ общественной жизни, вѣроятно, быстро развернется въ крупную политическую силу, но сейчасъ ея нѣтъ.

Исчезла, въ качествѣ дѣйствующей, и народно-соціалистическая партія. Не умѣвшая и прежде связаться съ массой и оставшаяся организаціей узкаго круга интеллигентовъ, она теряетъ теперь и безъ того малочисленные ряды своихъ сторонниковъ.

Усилилась политическая активность монархическихъ организацій и въ этомъ отношеніи они выгодно отличаются отъ бездѣятельности либеральныхъ партій. Однако, и монархическія организаціи единственное пристанище имѣютъ среди части офицерства. Гражданскихъ организацій, сколько нибудь вліятельныхъ и численныхъ, по моимъ свѣдѣніямъ, у нихъ нѣтъ. Да они и не-

возможны, ибо монархическихъ симпатій среди всей интеллигенціи надо искать «днемъ съ огнемъ»: такъ полно выметены онѣ послѣдними годами Романовской династіи. За исключеніемъ бывшихъ сановниковъ, съ которыми мнѣ довелось сидѣть въ тюрьмѣ, я за годы жизни въ совѣтской Россіи почти не встрѣчалъ монархистовъ и не слыхалъ о нихъ.

Существуютъ организаціи соціалъ-демократовъ. Эта партія распалась на два крыла и между ними глухая непроходимая стѣна. Наряду съ оффиціальной партіей, являющейся оппозиціей Кремля, но не Кремлю и потому фрондирующей на запяткахъ совѣтскихъ саней, существуетъ вліятельная среди интеллигентныхъ соціалъ-демократовъ группа «активистовъ». Она стоитъ на тактической позиціи непримиримой борьбы съ совѣтской властью. Ея основная задача — свергнуть послѣднюю. Всяческія политическія соглашенія съ Кремлемъ ею отрицаются начисто. Выраженіе «политическіе негодяи» въ ея устахъ часто съ одинаковой увѣренностью прилагается, какъ къ правящей партіи, такъ и къ оффиціальной россійской соціалъ-демократической партіи (меньшевиковъ). Активности у московской группы, наиболѣе богатой интеллектуальными силами, почти нѣтъ и ея названіе «активисты» по праву можетъ прилагаться къ ней больше въ ироническомъ смыслѣ. Рядъ «активистскихъ» группъ на мѣстахъ были дѣйствительно активными. Ихъ политическая позиція была не только помышленіемъ и предметомъ разговоровъ въ тѣсной компаніи, но и *дѣломъ*, въ которое они пытались втягивать широкіе круги рабочаго и вообще городского населенія.

Нѣкоторая популярность въ рабочихъ кругахъ у оффиціальной партіи соціалъ-демократовъ есть, но не ей съ ея запяточной позиціей вести за собою широкую рабочую массу, не говоря уже о другихъ слояхъ городского населенія. Ея популярность питается возможностью (весьма небольшой, впрочемъ) для ея членовъ нерѣдко публично выступать съ открытой критикой политики совѣтской власти, а въ современной Россіи *всякая* партія и группа, которая получаетъ возможность открыто критиковать совѣтскую власть, становится популярной. Такъ было въ нѣкоторыхъ городахъ съ соціалистами революціонерами группы меньшинства, съ анархистами, лѣвыми соціалистами революціонерами, съ «рабоче крестьянской соціалистической партіей» (Панютинцы въ Мо-

скв̃ѣ). Въ странѣ, скованной молчаніемъ, привлекаетъ вниманіе и вызываетъ симпатію всякій громкій и хоть сколько нибудь свободный голосъ.

Существуютъ небольшія и рѣдкія организаціи партіи соціалистовъ революціонеровъ. Изъ всѣхъ партій Россіи, она изъ революціи выйдетъ съ наибольшимъ урономъ. Партія теперь находится въ полосѣ рѣзкаго спада своего вліянія и былого величаваго разлива 1917 года ей ужъ не видать. Свое прежнее дѣло партія уже сдѣлала, а новую обстановку, создавшуюся въ Россіи, новыя требованія, выдвигаемыя жизнью она не умѣетъ ни понять, ни принять. Партія становится внѣ жизни.

Двѣ основныя задачи еще недавно стояли передъ страной — ликвидація царскаго самодержавія и рѣзкая перемѣна въ аграрномъ укладѣ, путемъ уничтоженія помѣстнаго землевладѣнія. Въ воспріятіи этихъ задачъ партія с.-р. была наиболѣе чуткой среди всѣхъ политическихъ партій Россіи, въ борьбѣ за нихъ она была самой послѣдовательной, рѣшительной и мужественной. Путь ея борьбы былъ въ то же время путемъ великихъ жертвъ и многочисленныхъ подвиговъ. Тяжесть утратъ и красота подвига извѣданы ею въ полной мѣрѣ. Люди незабываемой душевной красоты и праведности вошли въ ея ряды и они сдѣлали славнымъ имя партіи въ пору ея прошлой борьбы. Вошли не они одни: высокія качества діагноста въ опредѣленіи очередныхъ общественныхъ задачъ и борца за нихъ обезпечили ей широкое сочувствіе въ широкихъ кругахъ интеллигенціи, рабочихъ и крестьянъ. Тріумфъ партіи въ 1917 г. былъ заслуженъ ею. Случайнымъ даромъ капризной политической судьбы онъ не былъ, къ нему вела долгая тернистая дорога, на отдѣльныхъ переходахъ превращавшаяся въ Голгофу.

Съ тѣхъ поръ все измѣнилось. Прежнія задачи въ своей отрицательной части рѣшены: нѣтъ ни самодержавія, ни помѣстнаго землевладѣнія. Они и не вернутся уже въ русскую общественную жизнь, не могутъ вернуться. Не выполненной остается положительная часть обѣихъ задачъ: не созданъ устойчивый политическій строй, соотвѣтствующій нуждамъ и степени общественнаго развитія страны, не сложились прочныя формы землевладѣнія и землепользованія. Не партіи соціалистовъ революціонеровъ быть тутъ, однако, вождемъ страны. Можетъ быть, она и не из-

расходовалась на прошлую борьбу, но она въ ней *ссѣлась,* какъ ссѣдается гипсъ,она *застыла* въ рамкахъ прежнихъ задачъ. Партія с. р. не только не обнаружила свойствъ, необходимыхъ для отвѣтственной *положительной* работы по созданію новыхъ формъ общественной жизни въ 1917 г., она не нашла въ себѣ прежняго даже мужества, требовавшагося для борьбы съ новой тираніей, воцарившейся въ Россіи послѣ 1917 года. Наоборотъ, не разъ, а много разъ она тормозила эту борьбу, тормозила не только препятствіемъ террористическимъ актамъ, подготовлявшимся безъ ея участія, но даже такими дѣйствіями, какъ, напримѣръ, выпускъ на Уралѣ въ концѣ 1918 года знаменитой прокламаціи съ рѣзкой критикой политики Директоріи, только что избранной при ближайшемъ участіи партіи, и съ призывомъ къ организаціи среди гражданскаго населенія и въ войскахъ Директоріи конспиративныхъ и вооруженныхъ партійныхъ ячеекъ. Это была замѣчательная прокламація: выпущенная Центральнымъ комитетомъ партіи, она давала такое острое оружіе врагамъ послѣдней, что они усиленно занимались ея размноженіемъ и распространеніемъ. Эта же прокламація была потомъ главнымъ козыремъ (использованнымъ, впрочемъ, шулерски) въ рукахъ сторонниковъ ужаснаго по послѣдствіямъ Омскаго переворота 18 ноября 1918 года.

По старой привычкѣ бороться съ реакціей справа, партія въ 1919 г. вынесла рѣшеніе о вооруженной борьбѣ съ нею въ Сибири и на Югѣ, а для тягчайшей еще не бывалой реакціи слѣва, принесенной совѣтской властью у нея нашлась только *словесность.* Поразительна была эта петиціонная кампанія, которую партія рѣшила начать въ 1920 году. Точно въ конституціонной странѣ, партія звала крестьянскую Россію подписываться на сходахъ подъ мірскимъ приговоромъ, удуманнымъ Черновымъ, и потомъ отсылать приговоръ «по начальству». Кампанія была задумана и проводилась въ то время, когда большевики безпощадной «продразверсткой» обрекали на голодную смерть цѣлыя губерніи когда артиллерійскимъ огнемъ сносились станицы и деревни и крестьянство все шире и смѣлѣе хваталось за оружіе. Настолько великъ былъ отрывъ партіи отъ массъ населенія и настолько было притуплено ея политическое чутье. Изъ кампаніи ничего не вышло, да и не могло выйти. Недоразумѣній она, однако, вызвала не мало. «Съ ума они посходили, что-ли?» возмущенно спра-

шивалъ меня знакомый крестьянинъ въ одномъ губернскомъ городѣ по поводу этого приговора. «Коммунисты насъ живьемъ на огнѣ жгутъ, а мы къ нимъ съ челобитной... Раньше въ партіи были бойцы, а теперь видать, одни Куропаткины: японцы его шимозой, а онъ ихъ иконой. «Кожаны» насъ артиллеріей, а мы ихъ приговоромъ»... Въ мужественной и тяжелой вооруженной борьбѣ народа съ современными насильниками партія послѣ 1918 года умыла руки.

Въ 1921 году состоялся малолюдный совѣтъ партіи и послѣдняя имѣла возможность пересмотрѣть свою тактику и установить въ соотвѣтствіи съ запросами русской жизни свои очередныя программныя требованія. Партія это и сдѣлала. Но какъ?

Партія признала фактъ «многочисленныхъ за время большевистской диктатуры возстаній противъ нее трудовыхъ массъ (города? С. М.) и деревни», но сама она рѣшила заняться довольно мирной работой «по организаціи активныхъ силъ города и деревни и идейной кристаллизаціи широкихъ массъ трудящихся классовъ». Объ отношеніи партіи къ вооруженнымъ возстаніямъ «трудовыхъ массъ и деревни», какъ къ распространенному факту русской жизни, въ рѣшеніи нѣтъ ни слова. Будетъ-ли партія поддерживать ихъ, когда они вспыхиваютъ, будетъ-ли противодѣйствовать имъ, или спокойно останется въ сторонѣ, какъ оставалась до сихъ поръ? Повидимому, послѣднее.

Зато о классовыхъ противорѣчіяхъ партія не забыла: ихъ она будетъ настойчиво вскрывать «въ тѣхъ общественныхъ органахъ, которые подъ давленіемъ жизненной необходимости создали или будутъ создавать большевики», во имя ихъ она будетъ «строго отмежевываться отъ всѣхъ элементовъ справа», будетъ «отказываться отъ какой-либо, хотя-бы временной, хотя-бы тактической коалиціи съ буржуазіей». Такимъ образомъ, задачи возрожденія обезкровленной и до состоянія мусора разоруженной страны уступаютъ дѣлу возбужденія классовой борьбы (въ общественныхъ органахъ задача партіи не въ положительной работѣ, а въ «выявленіи классовыхъ противорѣчій»). На Горлицкомъ партейтагѣ германскіе соціалъ-демократы большинства во имя сохраненія *демократическаго строя* въ своей странѣ, готовы были идти на политическую коалицію съ ультра-буржуазной народной партіей, а въ Россіи соціалисты революціонеры въ борьбѣ съ коммунистической тираніей, требующейся спасеніемъ *населенія,*

милліонами, вымирающаго отъ голода, не желаютъ идти «хотя-бы на тактическую коалицію съ буржуазіей».

Чрезвычайно показательны въ смыслѣ отрыва отъ потребностей жизни и линіи экономической политики партіи. Здѣсь на первый планъ выступаютъ заботы о своей *соціалистической* чистотѣ, о справедливомъ *распредѣленіи,* объ ущемленіи буржуазіи. Безпокойныхъ думъ, отзывающихся на актуальнѣйшую потребность Родины, какъ можно скорѣе возстановить ея народное хозяйство, въ принятыхъ положеніяхъ нѣтъ.

Въ своихъ рѣшеніяхъ по народо-хозяйственнымъ вопросамъ, партія исходитъ изъ положеній: 1) «капиталистическое общество, даже подорванное въ своихъ силахъ войной, еще не является въ настоящее время трупомъ, который трудовымъ массамъ оставалось-бы только убрать съ дороги, чтобы начать творчество новаго соціалистическаго общества», поэтому 2) «замѣна старыхъ буржуазно-капиталистическихъ отношеній новыми соціалистическими является сложнымъ процессомъ, въ которомъ трудовымъ классамъ въ *революціонныхъ схваткахъ* (курсивъ мой. С. М.) съ нынѣ еще господствующими силами предстоитъ послѣдовательно ограничить сферу господства капиталистическихъ отношеній, утвердить преобладаніе коллективныхъ формъ надъ неколлективными и, наконецъ, полностью вытѣснить эти послѣднія». Формулированная въ концѣ второго положенія задача трудовыхъ классовъ распространяется и на современную Россію; въ ней, какъ и во всемъ мірѣ, главная задача заключается въ ограниченіи капиталистическихъ отношеній. Какъ это ограниченіе отразится на возстановленіи нашего народнаго хозяйства, партію не безпокоитъ. Для нея важно, чтобы размѣръ «общенароднаго достоянія» былъ, какъ можно больше.

Партія, поэтому, не случайно перечисляетъ силы, которыя должны принять участіе въ возрожденіи русскаго народнаго хозяйства, въ такой послѣдовательности: государство, мѣстные органы самоуправленія, кооперація, отечественные и иностранные предприниматели. Организаціонно-инициативной энергіи, дѣйствующей въ порядкѣ частнаго предпринимательства, партія великодушно предоставила послѣднее мѣсто *). Если съѣхавшіеся

---

*) Вотъ относящійся сюда пунктъ въ постановленіяхъ 10 совѣта партіи с. р. «процессъ возстановленія производительныхъ силъ въ Россіи *объективно* (курсивъ мой С. М.) опредѣляется, какъ

на 10 совѣтъ партіи хоть въ какой-нибудь мѣрѣ считались съ потребностью страны въ скорѣйшемъ возрожденіи ея народнаго хозяйства, то для нихъ, очевидно, было яснымъ, что творческія способности по возсозданію его размѣщаются именно въ перечисленномъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ стоитъ государство, на второмъ мѣстное самоуправленіе, на послѣднемъ «отечественные и иностранные предприниматели».

Порядокъ, въ которомъ партія с. р. своей экономической политикой собирается допустить разныя силы къ возстановленію и развитію народо-хозяйственной жизни въ странѣ, подчеркивается ею еще разъ: «при организаціи промышленности партія отдаетъ преимущество государственнымъ и общественнымъ формамъ передъ частно предпринимательскими». Въ области обмѣна и распредѣленія этотъ мотивъ звучитъ еще категоричнѣе: тутъ «партія отстаиваетъ максимальное господство общественныхъ формъ надъ частными».

Объединяющимъ пафосомъ производства и *Родины* живетъ въ настоящее время интеллигенція страны, прежнимъ разъединяющимъ пафосомъ распредѣленія и классовой борьбы живетъ партія. Здѣсь, по моимъ наблюденіямъ находится, основной пунктъ психологическаго разрыва между партіей и страной. Здѣсь-же обнаруживаются и размѣры разрыва между ними. Разрывъ вызвалъ широко идущій въ современной Россіи отходъ интеллигенціи отъ партіи.

Изъ двухъ основныхъ слоевъ слагалась партійная интеллигенція въ прошломъ: изъ «политиковъ» и «культурниковъ». Интересы первыхъ почти цѣликомъ уходили въ политическую борьбу, интересы вторыхъ въ сильной мѣрѣ коренились въ культурной работѣ, которую они вели. Для первыхъ служба и непартійное занятіе были только неизбѣжнымъ зломъ для ихъ партійной дѣятельности, для вторыхъ ихъ легальная работа обладала самодовлѣющей цѣнностью. Въ первой были журналисты, профессіоналы партійцы, дѣятели профессіональнаго движенія, эмигранты старой Россіи, во второй — земскіе и городскіе работники, кооператоры, агрономы, врачи, учителя и т. д. Многочисленнѣй была вторая группа, вліятельнѣй первая. Первая-же была лѣвѣй и поли-

---

процессъ, въ которомъ необходимо должны принять творческое участіе государство, мѣстныя самоуправленія, кооперація и отечественные и иностранные предприниматели».

тически активнѣй. Руководящее вліяніе въ партіи принадлежало ей. Вторая группа, сопротивляясь и фрондируя, шла на поводу у первой. Психологическая трещина между ними сильно чувствовалась уже до войны 1914 г. Свое внѣшнее и печатное обнаруженіе она получила въ фактѣ появленія и въ содержаніи журнала «Починъ». Во время революціи 1917 г. края трещины раздвинулись шире, несходство сдѣлалось явственнѣй и въ партіи формально единой, по существу было двѣ партіи: органомъ одной было «Дѣло Народа», органомъ второй — «Воля Народа».

Первая группа имѣла свои лѣвое и правое крылья. Въ теченіи 1917 г. отъ партіи организаціонно оторвался крайне лѣвый флангъ и далъ лѣвыхъ соціалистовъ революціонеровъ. Въ 1919 г. произошелъ новый отрывъ и опять лѣваго крыла — образовалось «меньшинство партіи с.-р.». Съ 1919-же года отъ партіи начался широкій отходъ второй изъ двухъ названныхъ выше группъ — «культурниковъ». Уходъ совершался подъ вліяніемъ усиленной годами большевистской революціи разницы въ идеологіи, программѣ и тактикѣ. Оторвались еще далеко не всѣ, кто долженъ оторваться. Отходъ не законченъ и во время моего отъѣзда изъ Россіи онъ оживленно продолжался. Разрывъ многихъ затрудняется тѣмъ тяжелымъ психологическимъ грузомъ, который привязанъ къ ногамъ всякаго, кто долго и дѣятельно участвовалъ въ какой-либо политической организаціи. Грузъ созданъ цѣпью воспоминаній, радостей, болей, потерь, которыя неразрывно сплелись, а то и слились съ партіей и онъ мѣшаетъ свободно двигаться. Пережитое связываетъ и обязываетъ.

Этой обязывающей властью прошлаго объясняется то, что люди, которымъ давно нечего дѣлать въ партіи, которые стали глубоко чуждыми ей по своимъ взглядамъ, которыхъ чванливые своей психической окаменѣлостью «вѣрные» объявляютъ «невѣрными» и «варварами»; для себя все-таки продолжаютъ оставаться въ партіи, по крайней мѣрѣ, продолжаютъ *считать* себя въ ней.

Долгія политическія узы рвутся такъ-же трудно, какъ долгія и чистыя супружескія узы. Однако, рвутся и послѣднія. Велѣнія и призывы жизни бываютъ сильнѣе привязанностей и въ современной Россіи разрывы интеллигенціи съ партіей с.-р. идутъ широко. Автору книги въ кругу его личныхъ знакомыхъ извѣстны десятки случаевъ, когда изъ партіи люди уходили послѣ 15-18

лѣтняго пребыванія въ ней. Политическія перегруппировки въ современной Россіи совершаются, конечно, не только въ предѣлахъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Уходятъ и отъ коммунистовъ, и отъ народныхъ соціалистовъ, отъ меньшевиковъ, и отъ монархистовъ. Подъ видимой внѣшностью политическаго покоя въ странѣ идетъ оживленная работа политической мысли. Когда результаты этой подземной дѣятельности появятся на солнечную поверхность, политическія силы Россіи окажутся распредѣленными,рѣзко отлично отъ ихъ распредѣленія въ 1917 году.

Попробую дать читателю представленіе о размѣрахъ политическихъ сдвиговъ, идущихъ въ Россіи, по соотвѣтственнымъ явленіямъ въ наиболѣе извѣстной мнѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Я тщательно припомнилъ лично знакомыхъ мнѣ активныхъ *) соціалистовъ-революціонеровъ изъ интеллигенціи, которые удовлетворяли тремъ условіямъ: во-первыхъ, въ 1917 году они принадлежали къ партіи, во-вторыхъ, до августа 1921 года они оставались въ Россіи и, въ третьихъ, ихъ политическіе взгляды къ тому-же сроку были извѣстны мнѣ по личнымъ впечатлѣніямъ или по разсказамъ моихъ друзей. Такихъ набралось 133 человѣка. Огромнѣйшее большинство изъ нихъ были не «мартовскими» (1917 г.) соціалистами: время ихъ вступленія въ партію извѣстно мнѣ по отношенію къ 123 человѣкамъ, изъ нихъ только 11 челов., т. е. меньше 9 проц. стали членами партіи въ 1917 г., остальные 112, т. е., 91 проц. работали въ партіи раньше, обычно, *значительно* раньше... Къ августу 1921 года изъ 133 человѣкъ въ партіи осталось только 50 (въ томъ числѣ 12 членовъ Центральнаго Комитета партіи), остальные 83 человѣка отъ партіи психологически оторвались. Вѣрность прежнимъ партійнымъ знаменамъ сохранило, такимъ образомъ, только 37,6 проц., остальные 62,4 проц., изъ подъ нихъ ушли. Среди ушедшихъ только 10 проц. стали соціалистами-революціонерами въ 1917 г., остальные были ими задолго до тріумфа партіи.

Гдѣ же оторвавшіеся отъ прежняго политическаго тѣла нашли новое приложеніе своимъ политическимъ силамъ? 25 человѣкъ ушли къ коммунистамъ, лѣвымъ соц.-рев. и въ группу меньшин-

---

*) Т. е., не только числившихся членами партіи, но и дѣятельно работавшихъ въ ней.

ства партіи с.-р.; *десять* человѣкъ ко времени моего отъѣзда изъ Россіи политически еще не опредѣлились; остальные 48 примкнули къ складывающимся въ странѣ крестьянскимъ политическимъ группировкамъ.

Значеніе приведенныхъ цыфръ преувеличивать не слѣдуетъ; *точнымъ* выраженіемъ перемѣщеній, идущихъ въ странѣ, даже въ одной только партіи, онѣ служить не могутъ: для этого мала исходная цифра (133 человѣка), случаенъ и признакъ, по которому она составлена (взяты лишь люди, мнѣ лично знакомые). Указанныя цыфры могутъ служить только цѣлямъ *иллюстраціи,* а не цѣлямъ опредѣленія.

Не слѣдуетъ, однако, преуменьшать показательности цыфровыхъ данныхъ. Исходная цыфра, абсолютно весьма небольшая, достаточно велика по отношенію къ современному количеству активныхъ работниковъ партіи с.-р., такъ въ Центральной области, включающей въ себя не меньше 10 губерній, въ томъ числѣ и самую богатую интеллигентными силами Россіи — Московскую, въ концѣ минувшаго года было всего на всего «до сотни активныхъ работниковъ». *)

Приведенныя цыфры достаточно краснорѣчиво иллюстрируютъ величину потерь, понесенныхъ въ своихъ *кадрахъ* партіей, еще недавно бывшей самой крупной и самой дѣйственной въ Россіи: цыфры, указываютъ, затѣмъ, главное направленіе, въ которомъ совершается отходъ отъ партіи и пунктъ въ которомъ концентрируются главныя силы отходящихъ: изъ 73 человѣкъ, ушедшихъ изъ партіи и оказавшихся къ августу минувшаго года съ опредѣлившейся политической физіономіей, 48, т. е. двѣ третьихъ, примкнули къ новымъ политическимъ группировкамъ, базирующимся на крестьянствѣ.

Неизбѣжныя послѣ такихъ могучихъ потрясеній, какія переносила и переживаетъ Россія, перетасовки прежнихъ политическихъ силъ и появленіе среди нихъ новыхъ, совершаются, главнымъ образомъ, вокругъ крестьянства, во имя него и для него. Крестьянство, оставшееся среди развалинъ Россіи наиболѣе уцѣлѣвшимъ пластомъ, какъ магнитная гора, съ большой силой притягиваетъ въ свою сторону колеблющуюся магнитную стрѣлку въ политическомъ компасѣ интеллигенціи. Сложеніе но-

---

*) См. «Революціонную Россію» № 14-15, стр. 47.

выхъ политическихъ силъ Россіи идетъ и будетъ идти вокругъ него. Указанное въ первой части книги объективное значеніе, которое въ русской жизни теперь принадлежитъ крестьянству, естественно ставитъ его въ центрѣ и политическихъ исканій современной интеллигенціи.

Я долго задержался на партіи соціалистовъ революціонеровъ. Сдѣлано это потому, что партія за свою предшествующую жизнь и работу вобрала въ себя, по моему мнѣнію, не только большую часть русской политически активной интеллигенціи, но и наиболѣе дѣйственную ея часть. Для характеристики современной политической жизни Россіи, лучшаго объекта наблюденій въ послѣдней нѣтъ. Объектъ привлекалъ меня и лучшимъ знаніемъ его и большимъ удобствомъ наблюденій надъ нимъ.

Крестьянскія политическія группировки. Перейдемъ теперь къ ознакомленію съ новыми политическими группировками, складывающимися вокругъ крестьянства, съ ихъ идеологіей, программой, тактикой. Ознакомленіе особенно полнымъ быть не можетъ: группировки находятся еще въ процессѣ оживленнаго идейнаго броженія, организиціонно они еще складываются. Характеризовать ихъ можно поэтому только общими и грубыми чертами.

Новыя группировки различаются прежде всего по своему организаціонному типу. Основныхъ типовъ два: одинъ представляетъ собой *союзъ*, другой — *партію*. У союза, въ противоположность партіи, нѣтъ ни *идеологіи*, ни разработанной *программы*. Онъ является профессіонально-политической организаціей, объединяющей своихъ членовъ на узкой *платформѣ*. Послѣдняя формулируетъ лишь самыя общія требованія союза, да и то лишь въ той области жизни, которая наиболѣе близка объединяющемуся въ союзѣ соціальному слою. Сознаніе взаимозависимости, существующей между всѣми сторонами общественной жизни, у членовъ союза предполагается отсутствующимъ и потому платформа крестьянскаго союза не касается даже такой важной народохозяйственной проблемы Россіи, какъ возстановленіе ея промышленности. Союзъ разсчитываетъ на членовъ политически неразвитыхъ, а въ то же время сплоченныхъ своимъ профессіональнымъ одинаковымъ положеніемъ и своими прямыми профессіональными интересами. По идеѣ союзъ безпартіенъ, но эта идея только маска для его организаторовъ. Она даетъ возможность партіи,

берущейся за образованіе союза, подсунуть ему тѣ кусочки своей программы, которые укладываются въ куцую платформу союза. Фактически союзъ будетъ всегда находиться подъ идейной гегемоніей той или иной партіи. Крестьянскій союзъ по существу своихъ требованій можетъ быть кадетскимъ, эсеровскимъ и т. д. Въ русской дѣйствительности объ организаціи крестьянскаго союза особенно хлопочетъ партія соціалистовъ-революціонеровъ и потому въ первомъ пунктѣ предлагаемой ею экономической платформы союза стоитъ жирнымъ шрифтомъ отпечатанная «полная соціализація земли».

Можетъ быть, въ русской политической жизни и будетъ существовать крестьянскій союзъ, но это будетъ союзъ только *по названію,* по существу онъ будетъ партіей съ своей идеологіей, разработанной программой, независимой тактикой. На куцую платформу, подсунутую ему со стороны, современное русское крестьянство не пойдетъ. Пока изъ крестьянскаго союза, состоящаго при партіи соціалистовъ-революціонеровъ, организаціонныхъ результатовъ не получилось.

Еще болѣе очевидно, что въ эсеровскій крестьянскій союзъ не пойдетъ та интеллигенція, которая оторвалась отъ партіи: разошедшаяся съ послѣдней психологически и идеологически, не захочетъ же она подъ новой вывѣской вернуться туда, откуда съ трудомъ, борьбой и болью только что выбралась! Среди ушедшихъ изъ прежнихъ партій интеллигенціи идея крестьянскаго союза никакой популярностью не пользуется. О ней почти не говорятъ. У этой интеллигенціи есть своя идеологія, пусть еще не обработанная въ деталяхъ, но твердая и ясная въ основахъ, у нея есть сознаніе необходимости создавать во имя интересовъ возрожденія Россіи новую политическую силу, ибо прежнія оказались или недостаточными или негодными. Интеллигенція знаетъ, наконецъ, тѣсную зависимость всѣхъ сторонъ и явленій общественной жизни другъ отъ друга и коротко обрубленной платформой она удовлетвориться не можетъ. Да и смысла нѣтъ довольствоваться послѣдней: интересы возрожденія Россіи требуютъ крѣпкую, и, вліятельную политическую силу, а она не можетъ дѣйствовать безъ разработанной программы, откликающейся на всѣ важнѣйшія изъ общественныхъ потребностей страны. Интеллигенція вышла изъ прежнихъ партій не съ отрицаніемъ идеи партіи, а съ

утвержденіемъ ея и потому она стремится къ созданію новой партіи, соотвѣтствующей ея общественному пафосу, ея общему міровоззрѣнію и ея пониманію актуальнѣйшихъ задачъ, которыя должны быть рѣшены въ странѣ.

Интеллигенція, на міросозерцаніе которой легли новыя опредѣляющія черты, порожденныя ходомъ русской жизни послѣднихъ лѣтъ, хочетъ создать и уже создаетъ крестьянскую *партію*.

Интеллигенція стремится къ созданію *одной* партіи. Можно, однако, съ полной убѣжденностью утверждать, что партій будетъ, по крайней мѣрѣ, двѣ. Съ обѣими ими я уже встрѣчался въ Россіи. Одна изъ нихъ хочетъ объединить *всѣ* группы крестьянства, вторая только *трудовое* крестьянство. Первая ограничиваетъ свой общественный горизонтъ предѣлами современнаго буржуазнаго строя, вторая пытается предвидѣть и строй иной, который въ результатѣ эволюціонирующей жизни смѣнитъ современный. Для первой, поэтому, широкая идеологія кажется только не безполезной, для второй она представляется совершенно необходимой. Первая отъ соціализаціи земли, недавно чаровавшей русскую интеллигенцію, бросается къ институту неограниченной частной собственности на землю, вторая ищетъ средину и думаетъ, что ни подъ гребенку соціализаціи, ни подъ гребенку частной собственности по римскому праву многоликую и великую Россію остричь нельзя. Разумное рѣшеніе земельнаго вопроса въ Россіи, по ея мнѣнію, не можетъ не принять въ качествѣ одной изъ самыхъ важныхъ основъ — принципъ районированія страны въ зависимости отъ исторически сложившихся формъ землевладѣнія и организаціонно-продовольственныхъ типовъ хозяйства.

Въ вопросѣ о формѣ государственнаго управленія первая группировка стоитъ на признаніи необходимости централизаціи, тогда какъ для второй широкое примѣненіе принципа областной автономіи, переходящей въ отдѣльныхъ случаяхъ въ федеративную связь съ нѣкоторыми народами Россіи, является неизбѣжнымъ и общественно полезнымъ.

Первая не лишена густого аромата желаній подчинить интересамъ крестьянства всю работу государства и весь ходъ общественной жизни, вторая видитъ въ крестьянствѣ могучій рычагъ для подъема общегосударственныхъ и общенародныхъ за-

дачъ; обѣ партіи разсматриваютъ крестьянство, какъ совершенно самостоятельный общественный пластъ, который не сливается съ пролетаріатомъ въ «трудовомъ народѣ», но первая изъ нихъ заражена стремленіемъ поставить новую политическую силу исключительно на узкіе классовые рельсы, вторая стремится двинуть ее по болѣе широкому пути выполненія цѣлей, общихъ для всѣхъ соціальныхъ пластовъ Россіи. Политическая диктатура крестьянства весьма подходитъ къ строю мыслей первой партіи и она совершенно чужда міросозерцанію и ходу мыслей второй.

Обѣ партіи во многомъ и весьма важномъ близки между собою, во многомъ онѣ и различны. Отличительныя черты первой группировки грубо подчеркнуты въ міросозерцаніи той группы русскихъ эмигрантовъ — интеллигентовъ, которая образуетъ въ Прагѣ русскій отдѣлъ Международнаго Аграрнаго Бюро и органомъ которой является журналъ «Земледѣліе». Однако тѣ завуалированныя черты политическаго антидемократизма, которыя лежатъ на лицѣ пражской группы, совершенно отсутствуютъ у ея собрата, живущаго и дѣйствующаго въ Россіи.

Поскольку допустимо ставить прогнозъ будущимъ успѣхамъ и работѣ обѣихъ крестьянскихъ группировокъ, можно съ нѣкоторой увѣренностью утверждать, что первая группа обопрется по преимуществу на верхній по зажиточности слой русскаго крестьянства, вторая своими корнями уйдетъ въ средній крестьянскій пластъ. Первая будетъ четко буржуазной, вторая, независимо отъ того приметъ или не приметъ она въ свое наименованіе слово «соціалистическая», будетъ обвѣяна духомъ соціалистическихъ желаній въ мысли и жизни, въ экономикѣ и культурѣ. Обѣ партіи не отрицая значенія государства, мѣстныхъ самоуправленій и кооператіи въ возстановленіи разрушенной промышленности Россіи, считаютъ, однако, частно-предпринимательскую инціативу *основнымъ* факторомъ этого возстановленія; обѣ онѣ убѣждены, что только при широкомъ проявленіи этого вида хозяйственной дѣятельности возможно разсчитывать на быстрое возрожденіе хозяйства Россіи. Забота о подъемѣ *производства* у обѣихъ группировокъ будетъ *рѣзко* доминировать надъ заботой о равентсвѣ распредѣленія. Въ этомъ пунктѣ между обѣими группировками существуетъ, однако, и разница: въ интересы и заботы второй проблема распредѣленія входитъ, въ кругу-же вниманія первой ея нѣтъ.

Изъ двухъ группировокъ вторая вобрала въ себя интеллигенцію шире, чѣмъ первая. Объ этомъ свидѣтельствуютъ прямыя наблюденія мои собственныя и моихъ друзей, за то же говоритъ характеръ прошлаго міросозерцанія интеллигенціи и новыя линіи въ ея міросозерцаніи теперь. Въ прошломъ міровоззрѣніе интеллигенціи было соціалистическимъ и ея широкіе круги совершенно разорвать съ нимъ не могли, вторая группировка для интеллигентовъ должна быть поэтому ближе, чѣмъ первая. Новое міросозерцаніе, складывающееся теперь, опредѣляется пафосомъ творчества и Родины, а онъ противорѣчитъ идеѣ подчиненія общественной жизни интересамъ одного, хотя-бы и самаго многочисленнаго класса. Диктатура крестьянства, характерная для первой группировки, чаровать интеллигенцію не можетъ. Большее притяженіе интеллигенціи второй группировкой подтверждается и моими наблюденіями надъ личными знакомыми: изъ 48 бывшихъ соц.-рев., ушедшихъ въ крестьянскія группировки, только пять человѣкъ ушло въ первую и 43 во вторую. Вторая группировка активнѣе, богаче связями и она гораздо шире развернулась. Первая до моего отъѣзда изъ Россіи не имѣла мѣстныхъ организацій, но зато имѣла центральную группу и сочувствующихъ ей одиночекъ на мѣстахъ. Послѣдніе, впрочемъ, были весьма немногочисленны.

Вторая группировка представляла гораздо большую силу въ бѣдной политической организованностью русской жизни, чѣмъ первая — большую силу и большій интересъ. Въ рядѣ губерній она имѣла сѣть организаціонныхъ ячеекъ: губернскихъ, уѣздныхъ и сельскихъ. Ея общественное міросозерцаніе больше опредѣлялось, въ немъ четче отразился и переживаемый русской соціалистической интеллигенціей духовный кризисъ, и порожденныя имъ новыя исканія общественной мысли, и новые отвѣты на извѣчно-старые вопросы.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я остановлюсь на характеристикѣ міросозерцанія интеллигенціи въ той или иной мѣрѣ примкнувшей ко второй группировкѣ.

Интересъ, представляемый имъ является гораздо болѣе широкимъ, чѣмъ тотъ, который способна вызвать складывающаяся организація сама по себѣ: многія изъ чертъ, характеризующихъ новое міросозерцаніе, я встрѣчалъ въ разрозненномъ видѣ среди широкихъ круговъ русской соціалистической интел-

лигенціи. Они попадались и среди лицъ, оставшихся въ прежнихъ политическихъ организаціяхъ, и среди примкнувшихъ къ крестьянской группировкѣ, и среди лицъ, въ политическія организаціи не входившихъ, но интересовавшихся общественными проблемами. Въ томъ очеркѣ складывающагося новаго общественнаго міровоззрѣнія, къ которому я сейчасъ перехожу, рядъ важнѣйшихъ чертъ являются типическими для широкихъ круговъ интеллигенціи, причисляющей себя къ соціалистамъ. А соціалистическая интеллигенція, какъ я уже указывалъ, въ Россіи издавна составляла большинство среди политически-активной части образованнаго общества. Она была не только численно больше, она стояла и качественно выше, насколько качество въ политической жизни и борьбѣ можно мѣрять активностью. Соціалистическая же интеллигенція находилась въ гораздо большей связи съ рабочими и крестьянскими массами и пользовалась среди нихъ гораздо большимъ вліяніемъ, чѣмъ интеллигенція буржуазная. Ея роль *на верхахъ* политической жизни была и, быть можетъ, будетъ не велика, но *въ низахъ* она была и,вѣроятно,будетъ весьма значительна. Такое положеніе создалъ весь предшествующій ходъ русской общественной жизни, и я сомнѣваюсь, чтобы этотъ ходъ былъ кардинально измѣненъ даже нашей революціей. Вліяніе соціалистическаго міровоззрѣнія въ современной Россіи убываетъ и еще убудетъ, но ничтожнымъ оно не станетъ. Потому пусть не осуждаетъ меня лотко и поспѣшно читатель за то, что въ главѣ, посвященной по архитектурѣ книги новому лицу *всей* политически-активной интеллигенціи, я буду говорить почти исключительно о новыхъ чертахъ въ міровоззрѣніи лишь *соціалистической части* интеллигенціи.

Черты новаго міросозерцанія. При передачѣ новаго складывающагося «лица» соціалистической интеллигенціи, я попытаюсь очертить его не только въ конечныхъ выводахъ, но и въ исходныхъ положеніяхъ. Я долженъ поступить такъ, ибо, во первыхъ, новыя линіи легли и на послѣднія, во вторыхъ, новости въ исходныхъ положеніяхъ свидѣтельствуютъ о *глубинѣ* переживаемаго прежнимъ міровоззрѣніемъ кризиса, въ третьихъ, только изъ всей совокупности чертъ — начальныхъ и заключительныхъ для вдумчиваго читателя можетъ вскрыться зависимость новыхъ рѣшеній старыхъ проблемъ съ тѣмъ пафосомъ, о кото-

ромъ я уже говорилъ въ предшествующей главѣ — съ пафосомъ *общественнаго творчества въ Россіи и для Россіи.* Напряженная потребность строительной работы и яркое чувство Родины вошли въ прежнюю душу русскаго соціалиста и, видоизмѣнивъ психику, они измѣнили и ходъ его мысли.

Когда я пытаюсь связать логической цѣпью разрозненныя сужденія, которыя по различнымъ большимъ вопросамъ общественной жизни произносятся среди соціалистической интеллигенціи Россіи, то въ получающейся системѣ можно различить шесть основныхъ раздѣловъ, идущихъ въ порядкѣ убывающей общности ставящихся вопросовъ и дающихся отвѣтовъ. Къ первому раздѣлу относятся вопросы, связанные съ общественнымъ идеаломъ. Второй раздѣлъ заполняется вопросами о далекихъ и широкихъ задачахъ, ставящихся людьми на цѣлыя историческія эпохи, и вопросами о близкихъ и конкретныхъ цѣляхъ, достижимыхъ въ предѣлахъ человѣческой жизни; сюда же относится вопросъ о значеніи и мѣстѣ соціализма, какъ идеальнаго общественнаго строя, въ новомъ міровоззрѣніи. Третій раздѣлъ является наиболѣе значительнымъ по количеству и практической важности поднимаемыхъ имъ общихъ вопросовъ — всѣ они относятся къ *способамъ* осуществленія далекихъ и близкихъ цѣлей; тутъ ставится вопросъ объ эволюціонныхъ и революціонныхъ процессахъ и методахъ дѣйствія въ общественной жизни, о классахъ и государствѣ, о взаимоотношеніи общественныхъ институтовъ и личности, о государственномъ и внѣгосударственномъ общественномъ творчествѣ. Четвертый раздѣлъ формулируетъ главнѣйшія изъ очередныхъ задачъ, связанныхъ съ возрожденіемъ Россіи, и подлежащихъ осуществленію послѣ паденія совѣтской власти. Пятый ставитъ и рѣшаетъ вопросъ о роли крестьянства въ Россіи въ дѣлѣ осуществленія далекихъ (общихъ) и близкихъ (конкретныхъ) общественныхъ цѣлей въ странѣ. Шестой раздѣлъ говоритъ о содержаніи общественной работы среди русскаго крестьянства и объ организаціонныхъ формахъ, въ которыя она должна отлиться.

Всѣ раздѣлы связаны другъ съ другомъ: отвѣты по каждому послѣдующему изъ нихъ даются на основѣ предыдущихъ рѣшеній. Начинать, поэтому, приходится «съ Адама» — съ опредѣленія общественнаго идеала.

Общественный идеалъ. Общественная дѣятельность не можетъ протекать безъ постановки цѣлей и задачъ. Неизбѣжная многочисленность послѣднихъ, ихъ безконечное разнообразіе и разновременность въ постановкѣ — все это требуетъ отъ общественнаго дѣятеля общихъ регулятивныхъ идей, дѣлающихъ задачи и цѣли внутренне связанными и едиными.

Совокупность наиболѣе общихъ изъ регулятивныхъ идей составляетъ содержаніе общественнаго идеала. Свой идеалъ интеллигенція формулируетъ, какъ *всецѣлую и всеобщую свободу человѣческой личности.* Свобода *всецѣлая* складывается изъ свободы *матеріальной,* достигаемой путемъ покоренія на службу человѣку силъ природы, изъ свободы *общественной,* создающейся освобожденіемъ личности изъ подъ гнета сложившихся общественныхъ формъ, путемъ приданія имъ широты и гибкости, изъ свободы *духовной,* достигаемой выходомъ изъ подъ власти предразсудковъ и выработкой истиннаго, жизнерадостнаго и жизнедѣятельнаго міросозерцанія. Подъ свободой *всеобщей* понимается свобода *всѣхъ* людей, живущихъ на землѣ. Она достигается всеобщимъ равенствомъ въ положеніи людей. Всеобщая свобода и всеобщее равенство являются логическими синонимами. Оба элемента идеала неизбѣжно приводятъ къ идеѣ всечеловѣческаго общества свободныхъ и равныхъ въ положеніи людей.

Каждый изъ основныхъ элементовъ идеала ни прежде, ни теперь, никогда впредь не могутъ быть реализованы въ подлинной жизни вполнѣ, уже по одному тому, что абсолютная свобода исключаетъ абсолютное равенство и обратно — абсолютное равенство исключаетъ абсолютную свободу. Оба элемента могутъ быть, слѣдовательно, воплощены въ жизнь каждаго историческаго періода лишь относительно. Между ними можетъ существовать лишь подвижное равновѣсіе, неизбѣжно связанное съ ограниченіемъ каждаго изъ нихъ. Отсюда вытекаетъ психологически весьма важный выводъ: разъ идеалъ полностью никогда не достижимъ, и стремленіе къ нему является лишь безконечнымъ числомъ поступательныхъ шаговъ въ его сторону, то каждый изъ этихъ шаговъ является равноцѣннымъ всякому другому. Поэтому каждая историческая эпоха и каждое поколѣніе людей съ ихъ общими и конкретными цѣлями, связанными съ идеаломъ, являются не удобрительнымъ навозомъ для грядущихъ эпохъ и поколѣній, не средствомъ, но ступенью. Всѣ эпохи и всѣ поколѣ-

нія самодовлѣющи и самоцѣнны. Всѣ они имѣютъ свой собственный смыслъ и свое суверенное право на бытіе. Ни одна изъ эпохъ и ни одно изъ поколѣній съ ихъ цѣлями, вытекающими изъ идеала, не выше и не ниже грядущихъ и всѣхъ прошедшихъ. Всѣ они равноцѣнны и равноправны, ибо дѣлали одно и то же дѣло, но только дѣлали его въ разной обстановкѣ, съ различными силами и потому, какъ содержаніе цѣлей, такъ и достиженіе ихъ были и будутъ различными. Съ этой точки зрѣнія современная общественная дѣятельность въ Россіи, направленная на скорѣйшее возстановленіе частныхъ фабрикъ и заводовъ, ибо въ данный историческій періодъ жизни страны въ иныхъ формахъ промышленность возстановлена быть не можетъ, не ниже и не выше будущихъ усилій, направленныхъ на переходъ ихъ въ общенародную собственность; если бы было доказано, что косвенное голосованіе является для Россіи въ данную пору ея умственнаго и общественнаго развитія болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ прямое, то борьба за него для соціалиста не будетъ ни ниже, ни выше будущей борьбы за его отмѣну и за переходъ къ голосованію прямому, когда населеніе умственно и общественно выростетъ... Мнѣніе о недопустимости для соціалиста активно и творчески участвовать въ возсозданіи буржуазнаго строя общественныхъ отношеній, если иной и лучшій строй въ данный періодъ невозможенъ, приведенная концепція отметаетъ. Тутъ обнаруживается широкій разрывъ въ идеологіи прежняго соціалиста Россіи и современнаго. За эту разницу соціалисты, оставшіеся на старыхъ позиціяхъ, не признаютъ современнаго *своимъ*, но врядъ-ли послѣдній будетъ и добиваться такого признанія.

Указанный общественный идеалъ—абсолютенъ. Общественныя цѣли, вытекающія изъ него, относительны: онѣ мѣстны, измѣнчивы, временны и при правильномъ конструированіи ихъ, достижимы. Быть высшимъ регулятивнымъ принципомъ при построеніи этихъ цѣлей эпохъ и поколѣній — такова основная соціально-служебная роль общественнаго идеала.

Общественныя цѣли. Три основныхъ момента должны быть учтены при постановкѣ общественными дѣятелями своихъ цѣлей въ любой области жизни: 1) тенденціи въ эволюціи жизни, 2) требованія общественнаго идеала, 3) окружающая реальная обстановка съ дѣйствующими въ ней силами. Тенденціи очерчи-

ваютъ *сферу возможнаго* дѣйствія, идеалъ показываетъ *направленіе должнаго* дѣйствія, обстановка съ ея силами опредѣляетъ объемъ реально осуществимыхъ цѣлей. Творчество жизни, требованія идеала и дѣйствующія вокругъ силы — таковы три элемента, изъ учета и комбинаціи которыхъ должны слагаться общественныя цѣли эпохъ и поколѣній.

По своей конкретности цѣли безконечно различны. Начиная съ наиболѣе конкретныхъ и близкихъ цѣлей буквально сегодняшняго дня, онѣ непрерывными, постепенно съуживающимися кругами тянутся вверхъ къ абсолютному,никогда не достижимому общественному идеалу. Послѣднимъ точно точкой — звѣздой заканчивается безконечный конусъ восходящихъ по своей общности цѣлей.

Чѣмъ цѣли ближе, тѣмъ онѣ должны быть яснѣй, разработаннѣй, тоньше въ отдѣлкѣ и богаче деталями. Наряду съ такими конкретно близкими цѣлями, неизбѣжно возникаютъ и ставятся цѣли общія и далекія. Двойная потребность вызываетъ ихъ постановку.

Первая потребность обусловлена многочисленностью и многообразіемъ конкретныхъ цѣлей, ихъ близостью къ явленіямъ сегодняшняго дня и чрезвычайной удаленностью отъ общественнаго идеала. Послѣдній становится слишкомъ крупной мѣркой для мелкихъ поступательныхъ шаговъ короткихъ періодовъ и онъ слишкомъ всеобщъ и неизмѣнимъ для расцѣнки частныхъ и измѣнчиво-близкихъ цѣлей. Идеалъ лишь съ трудомъ и несовершенно выполняетъ свою соціально-служебную роль. Возникаетъ потребность въ промежуточныхъ звеньяхъ, въ передаточномъ приводѣ. Появляются общія и далекія цѣли, которыя и несутъ эту функцію подчиненныхъ, не достаточно общихъ регулятивныхъ идей.

Вторая потребность возникаетъ изъ стремленія человѣческой мысли къ углубленному анализу золъ, гнетущихъ общественную жизнь. Анализъ, открывая причины общественныхъ нестроеній, указываетъ и мѣры борьбы съ ними. Въ силу своего неизбѣжнаго радикализма и неизбѣжной бѣдности въ *положительномъ* содержаніи эти мѣры не могутъ стать содержаніемъ конкретно близкихъ цѣлей. Они становятся цѣлями общими, удаленными въ своей реализаціи на многія десятилѣтія или столѣтія и указы-

вающими лишь направленіе, въ которомъ должна вытягиваться цѣпь преемственно связанныхъ конкретно-близкихъ цѣлей.

Общимъ историческимъ цѣлямъ часто присваивается названіе идеала. Ихъ пытаются заполнить надуманнымъ конкретнымъ содержаніемъ и замѣнить ими, только ими весь богатый міръ конкретно близкихъ цѣлей. Такими претензіями наполнена исторія соціалистическаго движенія. Его вожди и идеологи много разъ объявляли бѣдный положительнымъ содержаніемъ мыслимый соціалистической строй общественнымъ идеаломъ современнаго человѣчества. Не разъ объявлялось, что только та политическая дѣятельность высока и свята, которая, устраняя близкія и конкретныя цѣли, эти мелкія реформы, ставитъ своей непосредственной задачей борьбу за соціализмъ, причемъ содержаніе послѣдняго сводилось то преимущественно, то исключительно къ замѣнѣ частной собственности на средства производства, транспорта и распредѣленія собственностью общественной. Общественный идеалъ и конкретная близкая цѣль тутъ сливались въ одно понятіе и въ одно явленіе.

Интеллигенціи, о которой идетъ рѣчь, чужды эти взгляды: соціалистическій «идеалъ»для нея и не идеалъ,и не конкретно-близкая цѣль. Онъ лежитъ посрединѣ между крайними звеньями въ цѣпи человѣческихъ цѣлей. Для идеала онъ слишкомъ конкретенъ и бѣденъ общимъ содержаніемъ, для конкретно-близкой цѣли онъ слишкомъ далекъ, неконкретенъ въ содержаніи, чрезмѣрно общъ. Соціалистическій «идеалъ» является для новаго міросозерцанія подчиненнымъ идеалу регулятивнымъ принципомъ, испорченнымъ фатально неудачными попытками наполнить его конкретнымъ содержаніемъ и поставить въ ближайшій порядокъ дня. Соціализмъ — общая и далекая цѣль, основная функція которой — служитъ проводникомъ и лоцманомъ въ мірѣ конкретно близкихъ цѣлей по пути къ безконечному идеалу. Онъ—не ближайшая *цѣль*, къ которой стремятся, онъ *направленіе*, въ которомъ идутъ.

Читателю должна быть ясна огромная разница, раздѣляющая эти двѣ интерпретаціи соціализма. Первая и обычная, еще недавно главенствовавшая въ соціалистическомъ движеніи, препятствовала, правда, больше теоретически, соціалистамъ принимать активное и отвѣтственное участіе въ строительствѣ несоціалистической жизни. Столько копій было сломлено по одному только

вопросу о допустимости для соціалиста участвовать въ буржуазномъ правительствѣ. Какимъ большимъ въ соціалистической тактикѣ былъ вопросъ о допустимости коалицій съ несоціалистическими партіями! При второй интерпретаціи эти вопросы исчезаютъ. Ихъ рѣшеніе зависитъ не отъ общихъ принциповъ, а отъ конкретной обстановки того дня, въ который они ставятся.

Въ роли регулятивнаго принципа, въ качествѣ руководящей общей цѣли соціалистическій «идеалъ» близокъ русской интеллигенціи, о которой я говорю, въ этомъ смыслѣ она соціалистична. Соціализмъ, какъ конкретно-близкую цѣль, стоящую въ программѣ и задачахъ текущаго историческаго дня, въ зависимости отъ которой надо отмежевываться отъ всѣхъ несоціалистовъ и содружествовать со всѣми соціалистами — такое пониманіе интеллигенція отметаетъ. Демократическая буржуазная партія въ современныхъ условіяхъ общественной жизни ей поэтому безконечно ближе, чѣмъ такая ультра-соціалистическая группировка, какъ коммунистическая.

Въ соціалистическомъ «идеалѣ» интеллигенція различаетъ задачи и методы ихъ рѣшенія. Первыя сводятся къ тремъ основнымъ: 1) къ подъему производительныхъ силъ народнаго хозяйства, 2) къ уравненію людей въ правовомъ и экономическомъ отношеніяхъ, 3) къ повышенію духовной культуры населенія. Всѣ эти задачи соціалистическихъ партій являются задачами и новаго міросозерцанія. Онѣ закономѣрно вытекаютъ изъ его указаннаго выше идеала. Однако, констатируетъ интеллигенція, названныя задачи не являются специфически-соціалистическими, надъ ихъ рѣшеніемъ работаютъ и буржуазныя партіи. Рѣзче различіе буржуазныхъ и соціалистическихъ партій въ *методѣ* рѣшенія этихъ задачъ. Съ соціалистической точки зрѣнія, задачи могутъ быть полно рѣшены лишь при передачѣ средствъ производства и обмѣна въ руки общества. Лишь тогда, въ частности, возможно экономическое уравненіе людей, путемъ сближенія размѣровъ ихъ дохода и путемъ его унификаціи т. е., путемъ сведенія къ доходу трудовому.

Новое міросозерцаніе признаетъ этотъ методъ рѣшенія задачъ, но съ одной существенной оговоркой: въ противоположность прежнимъ взглядамъ соціалистовъ, оно убѣжденно считаетъ, что методъ не можетъ быть примѣненъ одновременно въ различныхъ

странахъ, въ различныхъ сторонахъ народо-хозяйственной жизни и въ различныхъ отрасляхъ послѣдней. И населеніе различныхъ государствъ, и стороны народо-хозяйственной жизни, и отдѣльныя отрасли послѣдняго будутъ «созрѣвать» для новаго общественнаго строя жизни въ разное время. Всякій актъ изъятія той или иной части народнаго хозяйства изъ сферы частной инициативы и предпринимательства требуетъ специальнаго разсчета съ точки зрѣнія основныхъ экономическихъ интересовъ, находящихся въ области производства.

Осуществленіе общественныхъ цѣлей. Только что приведенная оговорка новаго міровоззрѣнія въ вопросахъ о методахъ достиженія задачъ соціалистическихъ партій, находится въ тѣсной связи съ новыми взглядами интеллигенціи на общіе вопросы осуществленія общественныхъ цѣлей. Первымъ среди нихъ является вопросъ объ эволюціонизмѣ и революціонизмѣ, какъ общественныхъ процессахъ и какъ методахъ общественнаго дѣйствія. Перейдемъ къ этимъ вопросамъ.

Основной чертой въ общественныхъ перемѣнахъ является ихъ *эволюціонность*. Послѣднее понятіе слагается изъ двухъ идей— идеи *непрерывныхъ* и идеи *медленныхъ* измѣненій. Подлинной движущей силой въ человѣческой исторіи являются мелкіе и незамѣтные, но зато безконечные и непрерывные молекулярные процессы. Они накопляются незамѣтно, но въ концѣ концовъ преобразуютъ міръ. Они, а не революціи, дѣйствительные «локомотивы исторіи», неустанно влекущіе ее по пути перемѣнъ.

Новое міросозерцаніе, однако, не считаетъ революцію антиподомъ эволюціи: она — рѣдкая, бурная и достаточно случайная фаза тѣхъ же эволюціонныхъ процессовъ, когда послѣдніе, задержанные въ своемъ нормальномъ и спокойномъ теченіи порогами и плотинами, рвутъ ихъ. Такъ взрывъ паровыхъ котловъ —результатъ медленно возрастающаго давленія паровъ, не находящихъ выхода и безпрерывно накопляющихся. Революціи — неизбѣжный результатъ задержанныхъ эволюціонныхъ перемѣнъ. Какъ неизбѣжность, интеллигенція понимаетъ и принимаетъ ихъ но только, какъ *неизбѣжность* — тяжелую и дорогую. Отъ прежняго обожествленія революціонныхъ процессовъ и отъ прежняго чувства высокой святости революціонныхъ методовъ интеллигенція освободилась. Радости отъ нихъ мало, горя живыхъ лю-

дей неизбѣжно много. Сила революціи почти исключительно въ разрушеніи, а не въ творчествѣ. Въ противоположность эволюціоннымъ процессамъ, гдѣ разрушеніе и созиданіе являются лишь двумя строго уравновѣшенными сторонами одного и того же событія, въ революціяхъ силы разрушенія всегда и рѣзко доминируютъ надъ силами созиданія.

Интеллигенціи, поэтому, чужда революціонность во что бы то ни стало. Отъ имени «революціонная», казавшагося ей прежде почетнымъ, она теперь рѣшительно уклоняется. Чужда ей въ частности и идея скачка «изъ царства необходимости въ царство свободы» путемъ соціальной революціи. Эта идея представляется ей грубѣйшимъ противорѣчіемъ самымъ элементарнымъ знаніямъ объ общественной жизни. Она предполагаетъ «чудо соціальнаго преображенія». Въ противоположность группамъ, именующимъ себя революціонерами, интеллигенція, міровоззрѣніе которой я передаю, можетъ быть названной эволюціонной по идеологіи и реформистской по мыслимой практической дѣятельности. Общественно созидательную работу она мыслитъ въ рамкахъ и формѣ эволюціонныхъ процессовъ, а не революціонныхъ. Поэтому, когда пути для ровнаго и спокойнаго теченія эволюціонныхъ перемѣнъ открыты, въ частности, когда политическая жизнь такъ организована, что мнѣнія и воля населенія имѣютъ пути для легальнаго проявленія и воздѣйствія, интеллигенція со всей рѣшительностью отвергаетъ революціонные методы борьбы.

Не надо добавлять, что въ современныхъ русскихъ условіяхъ указанная интеллигенція революціонна, ибо тюрьма, въ которую власть превратила великую страну, должна быть разрушена. Сама она разрушиться, по убѣжденію интеллигенціи, къ сожалѣнію, не можетъ.

Весьма сходна съ изложеннымъ отношеніемъ къ революціи позиція интеллигенціи и вопросахъ, связанныхъ съ классовой борьбой и классовыми цѣлями.

Классовое строеніе общества интеллигенція считаетъ неустранимымъ фактомъ современной жизни. Наряду съ другими, существуетъ и классовая группировка. Прежнее соціалистическое міросозерцаніе законно отразило этотъ фактъ жизни съ вытекающими изъ него общественными слѣдствіями въ видѣ классовой вражды и классовой борьбы. Одновременно, однако, была

произведена и чрезмѣрно высокая оцѣнка этихъ явленій. Классовая вражда и борьба были переоцѣнены трояко: 1) какъ объективно соціологическій факторъ, 2) какъ общественно творческая сила и 3) какъ морально воспитывающее начало.

Переоцѣнка классовой борьбы, какъ соціологическаго фактора, выразилась въ попыткахъ то безостаточнаго сведенія всего содержанія общественной жизни къ классовой борьбѣ, то въ признаніи за послѣдней роли главнаго, рѣзко доминирующаго надъ другими, фактора общественной жизни. «Вся исторія всего общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ» — такова оцѣнка классовой борьбы въ «Коммунистическомъ манифестѣ». Партія соціалистовъ революціонеровъ была далека отъ такой оцѣнки, но и она считала, что въ результатѣ классового строенія общества «союзы эксплоататоровъ... овладѣваютъ условіями производства и сбыта, превращаютъ органы государственнаго управленія въ орудія своего классового господства и подчиняютъ... и науку и искусство и литературу».

Переоцѣнка классовой группировки и борьбы, какъ общественно творческой силы, выразилась то въ концепціи всего (прошлаго и будущаго) общественнаго прогресса, какъ движущагося или исключительно, или по преимуществу классовыми столкновеніями, то въ надеждахъ завоевать соціалистическій строй исключительно методами непримиримой классовой борьбы. Во второмъ случаѣ усиливающаяся классовая борьба должна была, какъ своимъ апогеемъ, закончиться соціальной революціей и потомъ навсегда исчезнуть. Классовая борьба и соціальная революція тутъ сливались въ одно неразрывное цѣлое: соціальная революція въ качествѣ своей предпосылки требовала растущихъ въ широтѣ и силѣ классовыхъ столкновеній, а послѣднія въ качествѣ неизбѣжнаго слѣдствія порождали идею соціальной революціи.

Переоцѣнка классовой борьбы, какъ морально-воспитывающаго средства, сказалась въ идеѣ воспитанія новаго человѣка — члена будущаго соціалистическаго общества — исключительно или преимущественно методами разжиганія классовой вражды.

Указанная переоцѣнка нашла свое отраженіе въ идеологіи всѣхъ теченій, на которыя въ своемъ развитіи разбивалась соціалистическая мысль. Разница была только въ степени. Переоцѣнка привела къ ряду весьма важныхъ результатовъ: 1) она

породила идею соціальной революціи, какъ неизбѣжной и желательной; 2) она привела къ грубой идеѣ мессіонизма отдѣльныхъ классовъ, причемъ роль новаго всемірнаго Мессіи приписывалась обычно пролетаріату; 3) она вызвала отрицаніе за общественными институтами, въ частности за государствомъ, общеполезнаго надклассоваго значенія и отрицаніе общенародныхъ цѣлей и усилій, обязательныхъ для всѣхъ классовъ; 4) она создала программу сознательнаго вмѣшательства въ стихійно складывающійся ходъ общественной жизни, построенную то исключительно, то преимущественно на принципѣ защиты интересовъ избраннаго класса и, наконецъ, 5) она неизбѣжно привела къ попыткамъ базировать всю дѣятельность по политическому и моральному воспитанію избраннаго класса — Мессіи на возбужденіи классовой вражды, какъ требующейся для будущей соціальной революціи.

Складывающееся среди русской интеллигенціи новое міросозерцаніе, какъ сказано, признаетъ классовую группировку среди современныхъ народовъ, признаетъ наличность противорѣчивыхъ интересовъ у классовъ, видитъ необходимость самостоятельной политической организаціи классовъ. Въ этомъ всемъ новое міровоззрѣніе сходится съ прежнимъ соціалистическимъ. Дальше начинаются рѣзкія различія. Первое изъ нихъ заключается въ концепціи класса.

Традиціонное соціалистическое воззрѣніе отличитительныя свойства класса обычно искало въ области распредѣленія, гораздо рѣже — въ области производства. Складывающаяся въ Россіи идеологія отличительные признаки считаетъ необходимымъ искать одновременно въ обѣихъ областяхъ. Какъ различное отношеніе къ производству, такъ и различное участіе въ распредѣленіи порождаетъ различную психологію, разный укладъ общественной жизни, несходные интересы... Не считаетъ новое міровоззрѣніе классовую группировку ни единственной, ни главной... Наряду съ существованіемъ антагонистическихъ классовыхъ интересовъ, оно видитъ интересы соціально-нейтральные и интересы общіе — межклассовые или надклассовые... Оно, наконецъ, рѣшительно отвергаетъ за классовой борьбой, приписываемыя ей общественно-творческія и морально-воспитывающія свойства. Политика *культивированія* классовой вражды и борьбы для новой идеологіи не только чужда, но и *чудовищна*. Классовая вражда и борьба — неизбѣжность при нынѣшнемъ строеніи обще-

ства, какъ неизбѣжностью бываютъ и революціи, но одно дѣло съ тяжелымъ сердцемъ *принимать* ихъ — другое дѣло ихъ *вызывать* и *углублять*. Одно дѣло строить программу общественной дѣятельности на основѣ усиленія разрушающей личность и общество классовой борьбы, другое дѣло строить ее на базѣ положительныхъ предложеній. Элементы борьбы и созиданія войдутъ въ программу въ обѣихъ случаяхъ, но пропорція этихъ двухъ элементовъ будетъ рѣзко несходной: въ первомъ случаѣ преобладаніе будетъ за первымъ элементомъ, во второмъ — за вторымъ. Въ попыткахъ приблизить лучшее общественное будущее человѣка, первенствующая роль должна принадлежать созидательнымъ усиліямъ, а не разрушительнымъ, творчеству, а не борьбѣ. Будущее нельзя завоевать, его можно лишь создать. Путь созданія — одинъ: необходимо настойчиво и систематически внѣдрять въ политическую, хозяйственную и духовную жизнь населенія новые и высшіе элементы будущаго общества.

Новое міросозерцаніе, исходя изъ сказаннаго, не считаетъ правильнымъ растворять въ понятіи «трудового народа» рабочихъ и крестьянъ. Обѣ группы представляются классово-особными. Не одинаково ихъ положеніе при распредѣленіи матеріальныхъ цѣнностей. Еще болѣе отлично оно въ ихъ отношеніи къ производству: основную грань здѣсь кладетъ характеръ ихъ хозяйственнаго труда; у пролетаріата онъ почти исключительно исполнительный, у крестьянства онъ совмѣщаетъ всѣ три вида хозяйственной энергіи — инициативную, организаціонную и исполнительную.

Для новаго міровоззрѣнія, далѣе, самостоятельная политическая организація класса не связывается ни съ исключительной постановкой специфическихъ классовыхъ цѣлей, ни съ обособленной общественной (и въ частности политической) дѣятельностью. Наличность межклассовыхъ цѣлей не только допускаетъ общія дѣйствія классовъ, но даже требуетъ ихъ.

А такія межклассовыя или надклассовыя цѣли существуютъ. Ихъ представителемъ и защитникомъ является *государство* — третій объектъ вниманія въ передаваемомъ раздѣлѣ новой идеологіи.

Главной функціей государства первоначально была охрана сначала общенародной безопасности, а потомъ и личной безопасности каждаго. Уже эти сравнительно узкія задачи государства

являются безспорно надклассовыми. Государство,однако,не остановилось на нихъ: безпрерывно присоединялись и присоединяются новыя задачи. Изъ военно-полицейскаго оно превратилось въ правовое, а затѣмъ въ культурно-цѣлевое. Наряду съ обезпеченіемъ публичныхъ и гражданскихъ правъ личности оно ставитъ и осуществляетъ задачи благоустройства, охраны здоровья, подъема производительныхъ силъ, образованія и воспитанія, различнаго рода страхованія и т. д. Всѣ эти задачи являются общими для всего населенія и, слѣдовательно, надклассовыми. При ихъ постановкѣ и достиженіи не только допустимы, но необходимы общія усилія политически-организованныхъ классовъ.

Интеллигенція Россіи, ищущая новыхъ идеологическихъ основъ, оправдывающихъ активное и творческое участіе въ общественной жизни, приходитъ къ выводу, что ея соціалистическія симпатіи не помѣха для отвѣтственнаго участія въ жизни и дѣятельности «буржуазнаго» государства. Придавая самостоятельную цѣнность каждому подъему общественной жизни на путяхъ къ безконечнымъ высотамъ идеала, она не только можетъ, но *должна* стремиться къ государственной власти, ибо чѣмъ вліятельнѣе положеніе, тѣмъ шире возможности. Чуждая элементовъ властолюбія, борьбы за власть изъ-за власти, она чужда и прежней соціалистической властебоязни, въ которой видѣли средство для сохраненія въ чистотѣ отъ буржуазной скверны соціалистическихъ ризъ.

Антагонистическіе интересы классовъ существуютъ, но не каждый интересъ законенъ въ каждый моментъ, не всѣ они морально равноцѣнны. Среди нихъ при ихъ представительствѣ и защитѣ необходимъ отборъ — и съ точки зрѣнія требованій общественнаго идеала и съ точки зрѣнія возможности реализовать ихъ въ данный моментъ. Интеллигенція, поэтому, не является сторонникомъ такъ называемыхъ реальныхъ, грубо классовыхъ интересовъ. Интересы каждаго класса въ каждый моментъ должны быть подчинены конкретнымъ цѣлямъ національно-государственнаго цѣлаго. Мыслима, допустима и необходима, поэтому, активная поддержка интересовъ даже антагонистическаго класса, если это требуется разумно-понятными интересами всей страны.

Одинъ иллюстрирующій примѣръ, относящійся сюда. Суще-

ствуетъ утвержденіе, что пролетаріатъ современной Россіи не допуститъ возвращенія прежнихъ владѣльцевъ въ ихъ предпріятія. Утвержденіе невѣрно: настроенія рабочихъ другія, чѣмъ это нѣкоторымъ кажется и хочется. Но если-бы утвержденіе было правильно, то интеллигенція, поскольку я могу судить о ея позиціяхъ, сочла-бы для себя обязательнымъ оказать противодѣйствіе этой позиціи рабочихъ, она сочла-бы вправѣ призвать къ противодѣйствію и крестьянство, ибо безъ широкой частно предпринимательской энергіи и средствъ промышленности Россіи не выбраться изъ состоянія мусорныхъ грудъ, въ которыя она обратилась теперь.

Передаваемая идеологія пропитана государственностью: она высоко оцѣниваетъ государство, какъ организацію, представляющую общенародные интересы; общественный прогрессъ для весьма длиннаго грядущаго періода она не мыслитъ внѣ стойкихъ государственныхъ рамокъ; активное и отвѣтственное участіе въ государственной жизни она считаетъ не только не противорѣчащимъ своему общественному идеалу и своимъ удаленно-общимъ и конкретно-близкимъ цѣлямъ, но прямо требующимся ими.

Какъ ни высоко оцѣниваетъ складывающаяся идеологія значеніе государства, общественный прогрессъ она не связываетъ, конечно, *только* съ усиліями государства. Онъ осуществлялся и будетъ осуществляться также внѣгосударственнымъ творчествомъ соціальныхъ массъ и общественныхъ группъ. Наиболѣе яркимъ изъ относящихся сюда примѣровъ являются движенія кооперативное и профессіональное. Вмѣшательство въ нихъ государства, парализуя или ослабляя творческую самодѣятельность участниковъ, способно чаще приводить къ отрицательнымъ результатамъ, чѣмъ къ положительнымъ... Идеологія далека поэтому отъ мысли, что организованная воля населенія въ ея попыткахъ творить новый и лучшій строй общественныхъ отношеній можетъ или должна проявляться только черезъ государство или по преимуществу черезъ него. Дѣятельность государства, трансформирующая общественную жизнь, должна быть дополняема активнымъ внѣгосударственнымъ творчествомъ массъ, идущимъ въ уровень съ ихъ возрастающимъ сознаніемъ и поднимающейся самодѣятельностью. Лучшій строй общественныхъ отношеній придетъ съ лучшимъ человѣческимъ матеріаломъ, или не придетъ вовсе. Низовое общественное творчество населенія, предоставляющее безко-

нечно болѣе богатыя возможности для появленія организаторовъ и руководителей и для практики самодѣятельности, чѣмъ государственная жизнь, является поэтому необходимымъ условіемъ будущей жизни. Особенно широкимъ полемъ для общественно-творческой работы обладаетъ крестьянство. Представителямъ новой идеологіи поэтому совершенно чуждо воззрѣніе такъ называемыхъ «государственниковъ», по которому творческія способности населенія должны быть всѣми мѣрами направлены въ русло работы публично-правовыхъ учрежденій. По этому воззрѣнію, мельница, поставленная волостнымъ земствомъ, представляетъ гораздо большую общественную цѣнность, чѣмъ мельница, поставленная сельскимъ кооперативомъ. Носители передаваемой идеологіи думаютъ наоборотъ: кооперативъ сильнѣе вызываетъ самодѣятельность населенія, онъ гибче, подвижнѣй, въ немъ вѣрнѣе возбуждается заинтересованность членовъ и послѣдняя въ кооперативѣ имѣетъ больше возможностей для своего проявленія. А практика самодѣятельности, попытки самостоятельнаго творчества со стороны населенія требуются въ усиленной степени. Только черезъ нихъ войдетъ въ жизнь и станетъ фактомъ новое свободное общество, ибо новая и лучшая общественная жизнь требуетъ новыхъ и лучшихъ людей. Послѣднее положеніе основывается на рѣшеніи, которое дается идеологіей давнишней соціологической проблемѣ о взаимномъ вліяніи общественныхъ институтовъ и человѣческой личности. Къ ней, заканчивающей этотъ раздѣлъ, я и перехожу.

Существующія въ каждый историческій моментъ общественныя отношенія и выражающіе ихъ общественные институты съ точки зрѣнія новой идеологіи являются результатомъ той степени развитія, на которой находится населеніе данной страны. Подъ степенью развитія, здѣсь понимаются всѣ свойства и особенности населенія: содержаніе, объемъ и экономическіе результаты его хозяйственной дѣятельности, его знанія и уровень пониманія, его общественная активность и навыки, способность къ организаціи, его вѣрованія, преданія, чувствованія и т. д. Тотъ или иной строй общественныхъ отношеній не является поэтому порожденіемъ злой или доброй воли отдѣльныхъ лицъ и группъ. Онъ — результатъ всего развитія у всего населенія. Въ частности, «буржуазія не создала существующаго порядка вещей; она не творецъ его, а невольное произведеніе».

Въ такомъ рѣшеніи проблемы о взаимоотношеніяхъ общественныхъ институтовъ и личности, передаваемая идеологія исходитъ изъ теоремы Г. Спенсера, по которой «свойство всякой общественной организаціи опредѣляется свойствомъ лицъ ее составляющихъ». Строй общественныхъ отношеній въ каждый данный историческій моментъ, если разумѣть подъ нимъ жизнь хотя-бы одного поколѣнія, совпадаетъ съ равнодѣйствующей всѣхъ свойствъ и особенностей населенія. Нельзя поэтому безнаказанно по произволу кроить и перестраивать общественныя отношенія въ ихъ основныхъ чертахъ и линіяхъ, пользуясь могучей силой государственнаго аппарата. Соціологическій экспериментъ, продѣланный большевиками, дѣлаетъ эту мысль безспорной. Насильственное разрушеніе буржуазно-капиталистическихъ отношеній привело къ паденію производительныхъ силъ, всеобщей нищетѣ, къ небывалому расцвѣту террористическихъ пріемовъ управленія, къ общественному гнету, граничащему съ подлиннымъ рабствомъ. А, главное, буржуазно-капиталистическій строй все-таки уничтоженъ не былъ: для осуществленія этой задачи всѣхъ грандіозныхъ взрывчатыхъ средствъ, употребленныхъ большевиками, оказалось недостаточно: прежній строй, какъ моль гнѣздился въ самыхъ складкахъ коммунистической одежды. Буржуазный общественный строй былъ не измѣненъ, а только извращенъ, ибо онъ соотвѣтствовалъ качествамъ и свойствамъ населенія.

Общественныя отношенія и выражающіе ихъ институты дѣйствительно, а не по внѣшности только, могутъ мѣняться лишь въ зависимости отъ свойствъ людей, участвующихъ въ нихъ; перемѣна послѣднихъ ведетъ къ перемѣнѣ первыхъ.

Существуетъ, конечно, и обратная зависимость: общественные институты приспособляютъ къ «образу и подобію своему» человѣческую личность. Это обратное вліяніе складывающаяся идеологія считаетъ, однако, гораздо слабѣе прямого.

Всѣ эти соображенія заставляютъ придавать образованію и воспитанію человѣка гораздо большее значеніе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Дѣятельность, направленная на систематическую культуру человѣка, какъ гражданина, какъ хозяйствующаго субъекта, какъ личности вообще — чувствующей, мыслящей и дѣйствующей — должна пріобрѣсти не меньшее, а большее значеніе, чѣмъ проявлявшаяся до сихъ поръ дѣятельность, направленная на попытки созданія лучшихъ общественныхъ институ-

товъ. Въ теоріи и практикѣ политическихъ организацій, не ограничивающихъ своихъ задачъ рамками существующаго общественнаго строя, проблемы, связанныя съ культурой человѣка, должны занять новое, безконечно большее мѣсто. Съ задворокъ политическихъ программъ, онѣ должны быть передвинуты на новый планъ. Однимъ требованіемъ всеобщаго, безплатнаго, свѣтскаго и т. д. образованія тутъ ограничиться нельзя. Нельзя также ограничиться дѣятельностью однихъ органовъ государства: необходимо широко вызвать и частно-общественную иниціативу, а въ особенности инициативу и самодѣятельность самого заинтересованнаго населенія.

... Таковы вопросы, связанные съ методомъ осуществленія общественныхъ цѣлей и таковы отвѣты, дающіеся на нихъ. Въ ревизію, какъ видитъ читатель, попали основные пункты современнаго общественнаго міровоззрѣнія.

Очередныя задачи Россіи. Слѣдующій раздѣлъ въ новомъ міросозерцаніи говоритъ объ *основныхъ очередныхъ* задачахъ въ странѣ, охватываемыхъ общей формулой «возрожденія Россіи». Сколько-нибудь подробно я на этихъ задачахъ останавливаться не буду: въ томъ выраженіи и содержаніи, въ которомъ я слышалъ ихъ, онѣ не представляютъ чего-нибудь оригинальнаго и новаго. Я только назову ихъ.

Возрожденіе Россіи послѣ паденія совѣтской власти по мнѣнію сторонниковъ новаго міросозерцанія требуетъ, чтобы были осуществлены слѣдующія задачи:

1) Общій подъемъ духовной культуры среди населенія, особенно среди крестьянства;

2) Установленіе въ странѣ прочнаго правового порядка съ твердыми гарантіями публичныхъ и гражданскихъ правъ личности;

3) Возстановленіе прочнаго государственнаго единства Россіи (безъ Польши и Финляндіи), возможнаго въ сложившейся обстановкѣ лишь при созданіи въ ней устойчивой государственной власти, демократическаго строя, основаннаго на принципахъ народовластія, на областной автономіи и на федеративной связи съ нѣкоторыми изъ входившихъ и входящихъ въ составъ Россіи народовъ и племенъ;

4) Ростъ производительныхъ силъ народнаго хозяйства, тре-

бующій: а) интенсификаціи сельскаго хозяйства на базѣ использованія крестьянскимъ хозяйствомъ всѣхъ земельныхъ рессурсовъ страны и развивающейся сельско-хозяйственной коопераціи, б) энергичнаго возстановленія разрушенной промышленности, транспорта, торговли и денежно-кредитныхъ отношеній съ предоставленіемъ свободы для всѣхъ соціально-различныхъ видовъ хозяйственной энергіи, в) возстановленія нормальнаго государственнаго хозяйства съ его отдѣленіемъ отъ хозяйства народнаго и съ переходомъ отъ системы неограниченныхъ эмиссій къ системѣ налоговъ;

5) Охрана въ степени и формахъ, не противорѣчащихъ общенароднымъ интересамъ, правъ и интересовъ труда, въ особенности труда малолѣтнихъ;

Роль крестьянства въ Россіи. Классовое строеніе современнаго общества, обусловливающее стихійное распредѣленіе населенія по экономическимъ группамъ и вызывающее внутри послѣднихъ спеціальныя силы соціальнаго притяженія, дѣлаетъ неизбѣжнымъ для общественнаго дѣятеля искать пластъ, опираясь на интересы и свойства котораго, онъ могъ-бы реализовать свои общественныя стремленія и цѣли. Изъ трехъ пластовъ, на которые четко раскалывается современное общество (буржуазія, пролетаріатъ и крестьянство), сторонники новаго міросозерцанія ищутъ свою опору въ трудовомъ слоѣ крестьянства. Идеологическія основанія для такого выбора даетъ рядъ соображеній, связанныхъ съ изложенными основами общественнаго міросозерцанія и съ формулированными основными задачами въ Россіи.

Все трудовое крестьянство по характеру своего участія въ общественномъ распредѣленіи матеріальныхъ цѣнностей и въ производственныхъ процессахъ народнаго хозяйства находится въ одинаковомъ положеніи. Оно классово однородно внутри себя. Одновременно оно классово особно по отношенію къ пролетаріату и буржуазіи. Его классовая особность отъ буржуазіи обусловливается и исключительно трудовой природой его дохода, и характеромъ его труда — буржуазія, какъ правило, является носительницей организаціоннаго и инціативнаго труда, крестьянинъ сверхъ того вкладываетъ въ хозяйственную жизнь страны и трудъ исполнительный.

Отъ пролетаріата оно классово отдѣляется отличнымъ харак-

теромъ отношенія къ производственнымъ процессамъ. Первый работаетъ въ чужомъ хозяйственномъ предпріятіи, второй въ своемъ собственномъ. Первый поэтому участвуетъ въ производствѣ только исполнительнымъ трудомъ — своего инціативнаго и организаціоннаго труда онъ въ производство не вноситъ, эти виды труда сосредоточены или въ лицѣ хозяина предпріятія, или въ лицѣ его отвѣтственныхъ служащихъ. Крестьянинъ сосредоточиваетъ въ своей хозяйственной работѣ всѣ три вида трудовой энергіи, онъ является инціаторомъ измѣненій въ своемъ хозяйствѣ, онъ организуетъ послѣднее, онъ дѣлаетъ требующуюся жизнью хозяйства исполнительную работу. Рѣзкое отличіе между рабочимъ и крестьяниномъ лежитъ въ области распредѣленія. Обычно оба они являются классами эксплоатируемыми, но ихъ положеніе въ процессахъ обмѣна, когда и совершается общественное распредѣленіе, весьма несходно: при продажѣ первый выступаетъ здѣсь со своимъ трудомъ,второй со своими продуктами; при покупкѣ рабочій является по преимуществу потребителемъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, произведенныхъ крестьяниномъ, а послѣдній по преимуществу потребителемъ продуктовъ промышленности, произведенныхъ рабочимъ.

Изъ различнаго положенія при продажѣ между крестьяниномъ и рабочимъ возникаетъ несходство въ формахъ эксплоатаціи, въ *субъектѣ* послѣдней и въ *степени возможности избавленія отъ нея:* крестьяне въ предѣлахъ буржуазнаго строя *теоретически* могутъ избавиться отъ эксплоатаціи, рабочій — нѣтъ. Изъ различій при покупкѣ на сцену появляется антагонизмъ покупателя и продавца, потребителя и производителя. Причемъ, вопреки распространенному мнѣнію, угнетеннымъ началомъ здѣсь можетъ быть не только рабочій, но и крестьянинъ, ибо продажная цѣна товаровъ непосредственно отражаетъ и высоту заработной платы, и длину рабочаго дня, и всѣ накладные расходы, которые предприниматель несетъ въ пользу рабочихъ. Хорошо вѣдь извѣстно, что почти каждая стачка, выигранная въ борьбѣ за заработную плату, означаетъ ростъ цѣнъ на вырабатываемыя ими издѣлія.

Трудовое крестьянство является классомъ трудовымъ. Его интересы, слѣдовательно, не только не расходятся, но совпадаютъ съ общими цѣлями интеллигенціи, кладущей въ ихъ основу стремленіе къ подъему правъ труда и къ преобразованію современна-

го строя общественныхъ отношеній во имя интересовъ труда. Запальчивое указаніе людей узкой мысли, что крестьянинъ никогда не пойдетъ за соціалистическимъ міровоззрѣніемъ, ибо онъ собственникъ до мозга костей и «святая святыхъ» его хозяйства — его производственные процессы недоступны объединенію, интеллигенція спокойно отводитъ: этому утвержденію противорѣчатъ и данныя избирательной статистики въ разныхъ странахъ, и ходъ кооперативнаго движенія: маслодѣльныя артели Даніи, винодѣльческія товарищества Франціи, товарищества по выпасу скота въ Германіи, кооперативныя «электральни» въ Чехіи, контрольные союзы различныхъ странъ и т. д. — все это даетъ многочисленные и разнообразные примѣры захвата сельско-хозяйственной кооперація и производственныхъ процессовъ. Не видитъ этого только тотъ, кто не хочетъ. Затѣмъ, если обобществленіе въ сельскомъ хозяйствѣ съ пользой для земледѣльческаго труда можетъ захватить только часть средствъ производства и только часть производственныхъ процессовъ, то такъ и будетъ: новое міросозерцаніе не дѣлаетъ изъ обобществленнаго народнаго хозяйства, тѣмъ болѣе изъ обобществленнаго сельскаго хозяйства, своей конкретной цѣли, оно видитъ въ этомъ обобществленіи только свою регулятивную идею. Реальная жизнь можетъ внести въ нее очень много поправокъ. Въ пониманіи соціальныхъ явленій люди слишкомъ большіе невѣжды, чтобы имѣть право упрямо ставить прогнозъ событіямъ, отъ которыхъ они отдѣлены десятилѣтіями, и во имя этого прогноза дѣйствовать напроломъ.

Условія, въ которыя поставленъ крестьянинъ характеромъ своей жизни и дѣятельности, выработали въ немъ психологію, которая съ точки зрѣнія представителей новаго міросозерцанія, совпадаетъ вплотную съ изложенными выше взглядами интеллигенціи на способы осуществленія общественныхъ цѣлей.

Какъ работникъ, затрачивающій не только свой исполнительный трудъ, но и трудъ иниціатора и организатора, являющійся поэтому и работникомъ, и *хозяиномъ*, крестьянинъ высоко цѣнитъ нормальное функціонированіе государства. Общественный порядокъ обусловленный дѣятельностью государства, ему необходимъ, ибо внѣ порядка не можетъ нормально жить и работать его хозяйство. Революціонные методы борьбы, если общественный строй даетъ крестьянину возможность нормально хозяйствовать, не *его* методы. Революціонные процессы исторіи обычно не вызываютъ

его симпатій. Крестьянство въ общественной жизни является тѣмъ трюмнымъ грузомъ, который обусловливаетъ устойчивый ходъ корабля. За это соціальное свойство крестьянство со стороны пылкихъ революціонеровъ не разъ было предаваемо анафемѣ, но интеллигенція считаетъ, что событія минувшихъ лѣтъ, когда крестьянство въ цѣломъ рядѣ странъ сохранило общественную жизнь отъ разрушительнаго дѣйствія волны большевизма, должны заставить иначе оцѣнить значеніе нагрузки, которую крестьянство даетъ общественному судну. Для Россіи во всякомъ случаѣ эта нагрузка будетъ необходима надолго и она будетъ только благотворной. Ее необходимо создать. Политически организованное крестьянство создать ее можетъ.

Крестьнинъ — государственникъ, онъ — противникъ революціонныхъ процессовъ и методовъ. Но онъ не консерваторъ, тѣмъ болѣе, онъ не реакціонеръ. Поставленный условіями своей хозяйственной дѣятельности въ положеніе близкаго наблюдателя и участника эволюціонныхъ процессовъ въ природѣ и въ жизни своего хозяйства, крестьянинъ является эволюціонистомъ по складу своей психологіи. Политически съорганизованный, онъ создастъ въ общественной жизни здоровое начало, уравновѣшивающее революціонно порывистую натуру рабочаго класса. Общественно-отрицательное чувство классовой ненависти въ крестьянинѣ напряжено слабо и онъ мало участвуетъ въ классовой борьбѣ. Зато онъ много участвуетъ въ классовомъ строительствѣ — кооперативное движеніе въ деревнѣ даетъ тому достаточное доказательство. Это строительство можетъ быть сильно увеличено: съ хозяйства его можно распространить на культуру духа и тѣла, на сельскій общественный бытъ, на политическую жизнь. Возможности для положительной общественной стройки у крестьянина необъятны. Опасность здѣсь одна — это опасность захвата крестьянскихъ симпатій людьми, общественные горизонты которыхъ обведены карманнымъ циркулемъ и невѣжественная мысль которыхъ считаетъ, что строемъ общественныхъ отношеній, покоющимся на частной собственности, общественная эволюція человѣчества кончена, что дальше непереходимая грань, глухая китайская стѣна. Въ историческихъ судьбахъ крестьянства эта опасность много разъ становилась фактомъ жизни. Фактъ жизни она и по сіе время въ большинствѣ государствъ.

Внѣгосударственное общественное творчество, создаваемое

усиліями соціальныхъ массъ, въ крестьянствѣ можетъ широко развернуться, если постъ крестьянскихъ вождей не будетъ захваченъ невѣжественными няньками со своими пеленками, грязными сосками и варварски укачивающей люлькой, отъ которой кружится голова и нападаетъ сонная одурь. Такой захватъ произойдетъ непремѣнно, если общественно-активная и широко-мыслящая интеллигенція оставитъ деревню во власть духовенства, помѣщиковъ, чиновниковъ, какъ обычно оставалась она до сихъ поръ, какъ часто оставляется она и теперь. Полезная *нагрузка* корабля общественной жизни, доставляемая крестьянствомъ, при такихъ условіяхъ превращается въ столь основательную *загрузку,* что судно теряетъ способность двигаться.

Съ точки зрѣнія здороваго поступательнаго хода всей русской общественной жизни интеллигенція, міровоззрѣніе которой я передаю, считаетъ свою активную работу въ крестьянствѣ дѣломъ величайшей важности. Въ этомъ убѣжденіи она исходитъ изъ теоремы, доказательства которой я приводить здѣсь не буду: подобно тому, какъ крѣпость цѣпи опредѣляется ея самымъ слабымъ звеномъ, такъ высота и содержаніе общественной жизни опредѣляется самымъ низкимъ по общественному развитію слоемъ, если этотъ слой находится въ большинствѣ.

Таковы основанія, по которымъ интеллигенція съ новымъ міровоззрѣніемъ считаетъ крестьянство тѣмъ соціальнымъ пластомъ, который удовлетворяетъ интересамъ складывающейся идеологіи, который и самъ удовлетворится послѣдней.

Врядъ-ли однако, въ основѣ выбора крестьянства, какъ соціальной базы для политической дѣятельности интеллигенціи, лежали эти отвлеченныя идеологическія построенія. Выборъ, вѣроятно, продиктовали другія силы — стихійное притяженіе крестьянствомъ политической энергіи интеллигенціи и широкіе разсчеты послѣдней, связанные съ политическими потребностями страны. Сильно возросшее въ русской жизни объективное значеніе крестьянства (см. объ этомъ въ первыхъ трехъ главахъ книги), его увеличившаяся политическая активность, создавшая изъ крестьянства самаго стойкаго и дѣятельнаго врага коммунистической власти, наконецъ, ширящееся среди крестьянства движеніе въ сторону созданія своей собственной крестьянской политической партіи — все это создало то стихійное притяженіе общественно-активной интеллигенціи, какое создается въ мірѣ физи-

ческихъ тѣлъ между большими изъ нихъ и меньшими. Эти-же вліянія породили среди интеллигенціи надежду создать съ крестьянствомъ и изъ него крупную политическую силу, необходимую для устойчивой жизни будущей Россіи.

А надежды были широки. Въ концѣ 1920 года и осенью въ 1921 году разговоры о необходимости и неизбѣжности сложенія изъ крестьянства новой вліятельной политической силы можно было встрѣтить вездѣ, гдѣ жили общественными интересами — во всѣхъ городахъ, во всѣхъ интеллигентскихъ кругахъ, въ томъ числѣ и весьма далекихъ по своему прошлому міросозерцанію и своей профессіи отъ деревни. Крестьянство во всеобщемъ интеллигентскомъ сознаніи было тѣми политическими нѣдрами, изъ которыхъ должна быть извлечена политическая руда, а изъ нея выплавленъ крѣпкій фундаментъ и оплотъ для будущей политической жизни Россіи. Тема объ организаціи крестьянства ко времени моего выѣзда изъ Россіи сдѣлалась самой живой и заполнила всѣ политическіе разговоры. Должно, однако, сознаться, что большинство интеллигенціи только *разговаривало*, дѣйствовало лишь меньшинство.

Какъ и въ прошломъ общественной жизни Россіи дѣйствовали почти исключительно соціалистически настроенныя группы. Либеральная часть общества осталась вѣрной себѣ: какъ и прежде, она не имѣла ни мужества, ни умѣнія, ни связей, чтобы войти въ контактъ съ широкими массами и вести среди нихъ рискованную организаціонную работу.

Чтобы закончить характеристику новой идеологіи, остановлюсь еще на ея послѣднемъ — шестомъ — раздѣлѣ. Онъ говоритъ о содержаніи и организаціонныхъ формахъ общественной работы среди крестьянства.

Содержаніе и формы работы среди крестьянства. Интеллигенція, работающая среди крестьянства, свою основную задачу работы видитъ въ томъ, чтобы съ крестьянствомъ и изъ него создать вліятельную, если можно, рѣшающую политическую силу русской жизни. Интеллигенція, однако, не обольщается общественными качествами крестьянства, какъ они выражены въ настоящее время. Прежняя характеристика Герценомъ крестьянства въ Россіи можетъ быть въ сильной мѣрѣ примѣнена къ нему и теперь: «стихійная мощь и стихійная неразвитость». Это, дѣй-

ствительно, еще темныя нѣдра, изъ которыхъ руда должна быть еще извлечена, а потомъ выплавлена. Предстоитъ работа титановъ, чтобы изъ сотенъ тысячъ распыленныхъ и раскиданныхъ русскихъ селъ и деревень, починковъ и заимокъ сложилась прочно сбитая, устойчивая и дѣятельная политическая сила. На политической аренѣ Россіи деревня появится очень быстро послѣ паденія совѣтской власти, можетъ быть, въ политической пустынѣ будущей Россіи, она сдѣлается вліятельной, но безспорно, что эта сила будетъ рыхлой, неповоротливой, достаточно темной. Должна быть положена бездна организаціоннаго труда со стороны общерусской интеллигенціи и интеллигентныхъ верховъ самого крестьянства, чтобы она пріобрѣла нужныя высокія качества. Интеллигенція эту работу видитъ и на нее готова.

Чтобы крестьянство сдѣлалось въ русской политической жизни тѣмъ, чѣмъ оно можетъ и должно быть по своей численности, своему народохозяйственному и государственному значенію, нельзя ограничиться среди него одной политической работой. Задача безконечно шире. Она формулируется такъ: надо поднять крестьянина, какъ гражданина, надо обогатить его новыми знаніями, умѣніями и новымъ пониманіемъ, какъ хозяина, надо развить его, какъ чувствующую, мыслящую и дѣйствующую личность вообще.

Необходима дружная работа трехъ типовъ учрежденій, организаціонно раздѣльныхъ, но прочно связанныхъ персонально и находящихся въ дѣятельномъ дѣловомъ контактѣ: политической партіи, с.-х. кооперации и лицъ или обществъ съ духовно-культурными цѣлями. Всѣ три типа организацій должны опереться на самодѣятельность населенія. Они должны начинаться съ одиночекъ изъ деревенскихъ верховъ и потомъ обрастать все ширящейся периферіей. Задача интеллигенціи вызвать у крестьянъ эту самодѣятельность, гдѣ ея еще нѣтъ; организовать ее, гдѣ она есть; помогать ей въ работѣ, когда она дѣйствуетъ.

Культура, которая до сихъ поръ сосредоточивалась въ городахъ, должна быть сдѣлана доступной деревнѣ; она должна видоизмѣниться, чтобы быть болѣе приспособленной къ потребностямъ и интересамъ деревни; наряду съ культурой городовъ должна быть создана культура деревень, и тогда крестьянство станетъ полноправнымъ, равноправнымъ и дѣятельнымъ участникомъ всей широкой общественной жизни страны. Странѣ это будетъ на великую пользу и великое благо.

Такъ обще можно формулировать содержаніе работы, которую интеллигенція, по ея представленію, должна совершить для деревни, вмѣстѣ съ деревней и во имя возрожденія Россіи.

Одновременно съ очерченнымъ политическимъ движеніемъ въ сторону крестьянства сверху — отъ общенародной интеллигенціи, идетъ встрѣчное низовое движеніе со стороны самого крестьянства. Своими передовыми волнами оба потока уже сошлись. О второмъ изъ нихъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

КРЕСТЬЯНСТВО.

Новыя длительныя настроенія и новые взгляды, которые у крестьянства являются общими съ другими слоями русскаго населенія, были уже отмѣчены въ первой главѣ этой части. Въ настоящей главѣ объектомъ моего вниманія являются тѣ черты новой психологіи и новаго поведенія, которыя специфичны для одного только крестьянства. Эти черты лежатъ въ экономической и политической областяхъ и крестьянство характеризуется ими, какъ хозяинъ и какъ гражданинъ.

Въ характеристикѣ новой хозяйственной психологіи крестьянина необходимо выдѣлить въ самостоятельную часть главы вопросъ о крестьянскихъ взглядахъ на рѣшеніе земельнаго вопроса: послѣдній будетъ главной по сложности и важности проблемой въ экономической жизни будущей Россіи, подобно тому, какъ національный вопросъ будетъ главнымъ въ ея политической жизни. Мои свѣдѣнія о крестьянскомъ рѣшеніи земельнаго вопроса весьма скудны. Для полной характеристики этихъ взглядовъ современнаго крестьянства они совершенно недостаточны. Считаю, однако, совершенно необходимымъ сдѣлать ихъ общественнымъ достояніемъ, ибо область, къ которой они относятся, для Россіи волнующе важна, а знаніями въ ней общественная мысль почти не обладаетъ.

Къ тремъ названнымъ частямъ главы было-бы необходимо прибавить четвертую, посвященную современному положенію крестьянства въ политическомъ, правовомъ, экономическомъ, культурномъ и психическомъ состояніяхъ. Большое количество матеріала, для того чтобы читатель могъ окончательно составить представленіе о современномъ политическомъ, правовомъ и экономическомъ положеніи крестьянства, было уже дано, въ первой части книги. Потому я бѣгло остановлюсь лишь на общемъ со-

стояніи деревенской психики и на общемъ культурномъ уровнѣ ея.

Психическое и культурное состояніе крестьянства. Трудно характеризовать одной общей формулой общее состояніе психики современнаго крестьянства. Россія велика, по разному складывается жизнь крестьянства въ ея различныхъ областяхъ, губерніяхъ, уѣздахъ и отдѣльныхъ селахъ и свѣдѣнія, которыя идутъ изъ крестьянскихъ глубинъ весьма различны. «Деревня забита, задавлена, притаилась, покорно молчитъ и все переноситъ» сообщали мнѣ изъ Курской губерніи. «Крестьянинъ задавленъ поборами и терроромъ», сообщали агрономы изъ Саратовской губ. «Терроръ въ своемъ вліяніи перешелъ уже ту границу, за которой онъ перестаетъ возбуждать злобу и потребность борьбы. Осталось настойчивое желаніе покоя, хотя бы цѣной выполненія самыхъ тяжелыхъ и несуразныхъ требованій власти». Таковъ одинъ типъ характеристикъ. Другой типъ указываетъ на выросшую активность деревни, на потребность борьбы и отпора, на настойчивую работу крестьянской мысли и, какъ на основаніе всѣхъ этихъ явленій, на бодрую и несломленную психику. Третьи говорятъ вдумчивѣй, давая различную характеристику для различныхъ районовъ. Разница объясняется по преимуществу несходствомъ въ матеріальныхъ условіяхъ жизни и отчасти въ силѣ террора. «Тульская губернія дѣлится на двѣ части», говорили мнѣ зимой 1920-21 г. наблюдатели губерніи «одна часть, наиболѣе обобранная продразверсткой, тиха и покорна до ужаса. Она молча вымираетъ отъ голода. Силъ и рѣшительности не хватаетъ даже на просьбу о помощи. На предложеніе послать бумагу или снарядить делегацію, чтобы добиться подвоза зерна или муки, только отмахиваются: «кому мы нужны. Исходъ одинъ —умирать». О крестьянскихъ возстаніяхъ въ Тамбовской губерніи въ этой полосѣ говорятъ съ сочувствіемъ, но тутъ же прибавляютъ, что у нихъ возстанія невозможны: «тамъ народъ сытый, имъ можно барахтаться, а намъ одна судьба — полѣзай на печь да и жди, пока духъ выйдетъ»... Въ другой части Тульской губерніи, которая обобрана меньше, живутъ бодрѣй. Собираются, толкуютъ, спорятъ. Было нѣсколько возстаній. Молодежь въ большемъ числѣ уходитъ къ Антонову (въ Тамбовской губ.). Все населеніе живетъ надеждой дождаться весны, когда совѣтская власть должна пасть подъ напоромъ возстаній».

О сытости же, какъ важномъ факторѣ политической активности, говорили и Петроградскіе рабочіе—«если бы посытѣй были, давно бы коммунистовъ скинули. Теперь больно подвело всѣхъ»... Указываютъ еще, что въ мѣстахъ, на которыя тяжело и страшно обрушились недавно террористическіе удары власти, населеніе сдѣлалось тише, жизнь глуше, психика подавленнѣй. Нерѣдко, впрочемъ, констатируютъ и обратное: народъ озлобился, живетъ мыслью о мести, напряженно ждетъ дня, когда можно снова возстать и отплатить власти сторицею.

По совокупности всѣхъ моихъ наблюденій надъ крестьянствомъ и всѣхъ свѣдѣній о немъ я прихожу къ твердому выводу, что общее состояніе крестьянской психики возбужденное и живое. Есть группы, есть мѣста и даже широкія полосы, гдѣ психика деревни дѣйствительно утомлена и подавлена, но не они характерны для огромнаго большинства крестьянства. Въ психической жизни деревни преобладаетъ высокій, а не низкій тонъ. О немъ говорятъ обильныя крестьянскія возстанія, многочисленные повстанческіе отряды, густые кадры «зеленыхъ», оживленное и широкое движеніе деревни въ сторону созданія политическихъ организацій, словесной литературы, ходящей въ крестьянствѣ, прокламаціи, появляющіяся въ деревнѣ и создаваемыя ею самой, немеркнущая надежда на близкій конецъ совѣтской власти, бурные съѣзды уѣздныхъ и губернскихъ «совдеповъ», ненависть къ коммунистамъ и ихъ полубойкотъ, попытка собственными силами поддержать разваливающееся образованіе дѣтей и т.д.

Безусловно угнетенную психику приходится отмѣтить только въ районахъ, тяжело пораженныхъ голодомъ. Грозная и близкая перспектива голодной смерти подавляетъ силы и отдѣльнаго человѣка. Она увеличивается во много разъ, когда передъ нею стоятъ милліоны. Тѣ изъ противниковъ совѣтской власти, которые въ своей политической дѣятельности ставили и ставятъ ставку на дальнѣйшее разстройство народнаго хозяйства и истощеніе продовольственныхъ рессурсовъ страны, ведутъ дурную игру: голодъ не приближаетъ, а отдаляетъ паденіе совѣтской власти. Петроградскій комиссаръ продовольствія Бадаевъ былъ правъ, когда въ своемъ отвѣтѣ делегаціи, кажется, путиловскихъ рабочихъ цинично указывалъ, что не въ интересахъ совѣтской власти заботиться объ ихъ сытости, задача должна сводиться только

къ тому, чтобы они не умерли съ голоду: сытый рабочій опаснѣй для власти, чѣмъ полуголодный и истощенный.

Крестьянская психика въ большинствѣ мѣстъ Россіи оказалась достаточно упругой и сильной, чтобы выдержать тяжесть политическаго, правового и экономическаго гнета, навалившагося на деревню. Она не только вынесла, но и выросла; гнетъ усилилъ политическую активность деревни, онъ далъ крестьянству сознаніе его классовой однородности внутри себя и сознаніе классовой особности отъ другихъ соціальныхъ слоевъ, онъ заставилъ усиленно работать его мысль (доказательства см. дальше). Усиленной работѣ крестьянской мысли содѣйствовало и повышеніе культурнаго уровня современной деревни.

Послѣднее утвержденіе можетъ показаться неправдоподобнымъ и страннымъ читателю. Какъ можетъ подняться умственный уровень деревни, когда перестала работать школа, нѣтъ книги, не доходитъ газета, если вымираютъ грамотные, а молодое поколѣніе въ своемъ большинствѣ вступаетъ въ жизнь неграмотнымъ! Однако, умственный подъемъ деревни остается фактомъ. Рядомъ причинъ вызванъ онъ. Сказалось, во первыхъ, вліяніе войны, ибо война по оправданному сужденію Д. С. Милля, если не убиваетъ духовной энергіи народа, то возбуждаетъ ее. Минувшая міровая война, не убивши духовной энергіи народа, возбудила ее. Прямое вліяніе войны самой по себѣ осложнилось возбуждающими впечатлѣніями русскихъ солдатско-крестьянскихъ массъ отъ хозяйства и жизни крестьянъ Восточной Пруссіи, Франціи, Польши. Походы по этимъ странамъ и остановки въ нихъ для солдатъ даромъ не прошли. Сравненія своей жизни съ чужой вставали невольно и они были далеко не въ пользу первой. Это былъ второй факторъ, будившій мысль и расширявшій умственный горизонтъ. Свыше ста лѣтъ назадъ, во время войны съ Наполеономъ, онъ также разбудилъ для политической жизни интеллигенцію Россіи, давшую декабристовъ... Третьимъ явился плѣнъ, въ которомъ перебывали милліоны русскихъ солдатъ. Наблюденія во время плѣна въ Австріи и особенно въ Германіи были того-же порядка, что и во время заграничныхъ походовъ, но они были длительнѣй и вызванная ими работа мысли была сильнѣй. Бывшаго плѣннаго въ деревнѣ современной Россіи отличить не трудно: онъ выдѣляется болѣе живой мыслью, новыми словами,

необычными сравненіями, рѣзкой критикой русской дѣйствительности и въ особенности критикой своей деревенской жизни. Четвертымъ факторомъ была революція. Ея дѣйствіе по своей *природѣ* похоже на дѣйствіе войны, но существуетъ огромная разница въ *степени* дѣйствія. Возбуждающее дѣйствіе революціи на культурно отсталые и духовно-неразвитые слои безконечно велико. Въ плавильный горнъ заработавшей мысли попадаютъ всѣ цѣнности, всѣ традиціи, всѣ основы сложившейся жизни. Не все старое сгораетъ въ плавильномъ огнѣ. Многое выходитъ изъ него очистившимся и укрѣпившимся, много получается и новыхъ сплавовъ. Непосредственное вліяніе на крестьянскую мысль революціонныхъ событій было усилено порожденнымъ ими великимъ исходомъ горожанъ на землю. Умственно болѣе подвижные и часто болѣе развитые они принесли въ деревню новые взгляды, новыя потребности, критику деревенской дѣйствительности, свои обязцы желательнаго и т. д. Дѣйствіе горожанъ было пятой силой, воздѣйствовавшей на деревенскую жизнь и мысль. Совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ пяти силъ было болѣе, чѣмъ достаточнымъ для того, чтобы измѣнить умственный обликъ деревни, чтобы наложить на него новыя черты и вызвать новыя свойства.

Современная деревня не прежняя, она новая. Новой она стала прежде всего въ силу выросшей мысли. Объ этой новой особенности крестьянской психологіи я говорилъ уже въ первой главѣ этой книги, о ней-же будетъ рѣчь и въ послѣдующихъ строкахъ, посвященныхъ современной хозяйственной психологіи деревни.

Новая хозяйственная психологія. Въ первомъ изданіи моей книги «Трудовыя земледѣльческія артели», писанной въ началѣ 1918 г., я приходилъ къ твердому выводу, что хозяйственная перестройка въ нашей деревнѣ, частью созданная, а частью усиленная первой русской революціей, задержанная потомъ великой войной съ Германіей, въ результатѣ второй революціи начнется съ новою, еще не бывалою силой. Я сознавалъ тогда наличность большихъ психологическихъ и матеріальныхъ препятствій для прогрессивныхъ успѣховъ крестьянскаго хозяйства. Я указывалъ на «распредѣлительное» настроеніе крестьянско-солдатскихъ массъ, вернувшихся съ фронта въ деревню и

дѣйственно воспринявшихъ лозунгъ того времени «грабь награбленное», указывалъ на недостатокъ сѣмянъ, машинъ и орудій, рабочаго скота, удобреній, говорилъ о неизбѣжности широкихъ крестьянскихъ столкновеній изъ за земли, но при всемъ томъ мнѣ казалось, что положительныя вліянія войны и революціи поборютъ эти неблагопріятныя противодѣйствующія силы и дадутъ опредѣленную картину прогрессивнаго роста крестьянскаго сельскаго хозяйства.

Предвидѣніе оправдалось на половину. Поскольку дѣло шло о хозяйственной психологіи крестьянства, предвидѣніе оправдалось полностью, поскольку же эта новая хозяйственная психологія связывалась съ ея реализаціей во внѣ, въ опредѣленныхъ хозяйственныхъ *дѣйствіяхъ*, прогнозъ оказался ошибочнымъ. Препятствія, вставшія на пути подъема крестьянскихъ хозяйствъ, были значительно выше и труднѣй, чѣмъ то казалось и угадывалось. Препятствія сложились не только изъ недостатковъ въ элементахъ производства, и изъ изъяновъ въ психикѣ хозяйствующихъ людей, но и изъ всѣхъ тѣхъ огромныхъ и отрицательныхъ результатовъ политики совѣтской власти, которые я пытался суммировать въ первой части этой работы.

Хозяйственные сдвиги крестьянства и его дѣйственныя попытки измѣнить и улучшить свое хозяйство въ 1918 и 1919 г. г. всетаки были, потомъ они исчезли почти полностью.

Извѣстный русскій агрономъ общественникъ (А. П. Левицкій), характеризуя въ «Вѣстникѣ Сельскаго Хозяйства» 1918 годъ въ общественно-агрономическомъ отношеніи, наиболѣе яркой чертой на физіономіи этого года считалъ повсемѣстное устремленіе земледѣльческаго населенія къ новымъ агрикультурнымъ пріемамъ и его попытки добыть соотвѣтствующія знанія. Какъ никогда раньше, населеніемъ былъ оцѣненъ агрономъ, и уже не онъ долженъ былъ искать свой объектъ воздѣйствія, а послѣдній самъ искалъ агронома. Роли перемѣнились. «Значеніе агронома оцѣнили и дѣльному агроному готовы платить любыя деньги», свидѣтельствовалъ въ 1919 году агрономъ А. А. Новиковъ на основаніи своихъ впечатлѣній отъ Вологодской губерніи. На губернскомъ агрономическомъ съѣздѣ въ Костромѣ аналогичныя же свѣдѣнія, относящіяся къ Костромской губ., давали докладчики объ агрономической работѣ въ отдѣльныхъ уѣздахъ. Всѣ

они отмѣчали усиленный спросъ на агрономическую помощь, на минеральныя удобренія, большое стремленіе населенія къ широкимъ полосамъ и правильному травопольному сѣвообороту, усиленное использованіе рядовыхъ сѣялокъ съ прокатныхъ пунктовъ и т. д.

Въ кругъ новаго вниманія и заботъ крестьянина вошли и такія угодія, которымъ до тѣхъ поръ онъ придавалъ очень мало значенія. Такъ, Костромской губернскій спеціалистъ по луговодству пишетъ: «Въ настоящее время поступаетъ много запросовъ со стороны населенія объ осушкѣ болотъ, луговъ и о дальнѣйшемъ ихъ культивированіи. Можно съ увѣренностью сказать, что стадія показательныхъ участковъ прошла. Въ работѣ во многихъ мѣстахъ губерніи наступилъ переломъ. Начинаются массовыя улучшенія сѣнокосныхъ угодій».

На страницахъ «Голоса трудового крестьянства» (въ 1919 г.) при суммированіи впечатлѣній отъ объѣздовъ западнаго и сѣверо-западнаго районовъ, наблюдатель также отмѣчалъ, что «агрономъ» занялъ въ крестьянскомъ сознаніи почетное мѣсто, въ дѣйствительной жизни онъ сдѣлался популярной фигурой. Среди населенія деревень появились лица, съ головой ушедшіе въ думы и заботы о поднятіи своего хозяйства и усѣвшіяся за с. х. книжку. «Вдарился въ науку» — характеризуетъ ихъ крестьянство.

Характерный случай разсказывали мнѣ объ одномъ изъ селеній Дмитровскаго уѣзда Московской губ. Рядовая сѣялка здѣсь долгое время простояла на прокатномъ пунктѣ безъ всякаго вниманія и использованія со стороны мѣстнаго населенія. Ее вынуждены были перевезти въ другое мѣсто. Такъ было нѣсколько лѣтъ назадъ. А въ 1919 году крестьяне той же деревни жадно искали случая пріобрѣсти рядовую сѣялку и когда одинъ кузнецъ заявилъ, что онъ можетъ сдѣлать ее, деревня немедленно собрала деньги и дала ему заказъ — «сдѣлать...»

Общественно-агрономическія черты, которыми характеризовалъ А. Н. Левицкій 1918 годъ, не стерлись и на лицѣ 1919 года —это на многочисленныхъ фактахъ доказалъ на декабрьскомъ засѣданіи (1919 г.) Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ своемъ докладѣ «Прогрессивныя стороны въ крестьянскомъ хозяйствѣ» профессоръ Петровско-Разумовской с. х. академіи

А. Г. Дояренко. Крестьянство жадно ищетъ путей и пріемовъ, съ помощью которыхъ оно можетъ перестроить во имя большей производительности труда и земли свое хозяйство; реализація этихъ преобразовательныхъ стремленій затруднена теперь до крайности, но стремленія имѣются. Улучшится объективная обстановка и стремленія воплотятся въ жизнь—таковъ былъ общій смыслъ доклада, построеннаго на чисто фактическомъ матеріалѣ, дававшемся русской дѣйствительностью того времени.

Всѣ мои свѣдѣнія, относившіяся къ 1920 и 1921 годамъ и притекавшія изъ самыхъ различныхъ концовъ Россіи — изъ Сибири, Урала, Сѣвера, изъ губерній центральной области говорили о томъ же: душа крестьянина полна хозяйственныхъ исканій, руки жадно рвутся къ работѣ, но обстановка, созданная политикой власти и всеобщей разрухой, заставляетъ ихъ безсильно опускаться и оставаться въ праздности. Перестраивать хозяйство, приниматься за дѣятельный и положительный трудъ нѣтъ ни смысла, ни возможности.

Солдаты, приходившіе въ деревню изъ плѣна и еще не успѣвшіе освоиться съ русской обстановкой въ первыя недѣли оживленно бурлили. Своей яростной критикой хозяйства имъ нерѣдко удавалось даже сбить своихъ родныхъ на перестройку избы, на замѣну холоднаго хлѣва теплымъ, на передѣлку крыльевъ своего вѣтряка и т. д., но проходили недѣли и они успокаивались. Русская жизнь подавляла ихъ энергію новаторовъ. Дѣлалось ясно и имъ, что работа ни къ чему.

Агрономы, съѣхавшіеся въ началѣ 1921 года на съѣздъ, который былъ потомъ запрещенъ властью, констатируя умираніе деревни благодаря «медленное удушеніе деревни политикой власти», отмѣчали, что психологическія предпосылки для оживленнаго роста хозяйства имѣются въ изобиліи. «Только дали бы волю,, только создалась бы возможность для свободнаго и творческаго труда и въ десять лѣтъ Россія будетъ неузнаваема...»

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Россіи мнѣ пришлось говорить съ крестьяниномъ Тульской губерніи. Его впечатлѣнія отъ района въ два уѣзда не расходились съ моими свѣдѣніями о хозяйственной психологіи деревни. «Сельское хозяйство деревни» говорилъ онъ, «съ установленіемъ прочныхъ и здоровыхъ общественныхъ порядковъ Россіи, быстро пойдетъ въ гору. Всѣ сознаютъ, что надо переходить отъ трехполья къ четырехполью, что надо па-

хать плугомъ и хорошимъ, что прежнюю деревянную борону или деревянную съ желѣзными зубьями надо замѣнить желѣзной, еще лучше пружинной. Всѣ говорятъ «отъ свиньи поросенокъ, отъ бобра бобренокъ», «отъ худого сѣмени не жди добраго племени» — и потому хорошій урожай требуетъ отборныхъ и чистыхъ сѣмянъ... Старое воззрѣніе, по которому урожай зависитъ отъ Бога или отъ природы, *только отъ нихъ однихъ*, теперь отброшено. Его сохранили развѣ старики, да и то по рѣдкости. Огромное значеніе придается личнымъ усиліямъ и знаніямъ хозяина. Въ настоящее время хозяйство въ застоѣ и даже въ упадкѣ, всякіе поборы во главѣ съ продразверсткой мѣшаютъ работать. Къ этому прибавляются каждогодніе передѣлы и передвижки земли. Упала даже вывозка навоза... Въ деревняхъ много военноплѣнныхъ. Они съ восторгомъ разсказываютъ о порядкахъ въ хозяйствахъ Австріи и особенно Германіи. Всѣ въ одинъ голосъ толкуютъ о значеніи теплыхъ дворовъ для скота, о минеральномъ удобреніи, объ очисткѣ сѣмянъ, ранней вспашкѣ, но никто ничего не дѣлаетъ. Нѣту смысла».

Въ 1918 и 1919 годахъ, когда распадъ народо-хозяйственной жизни не чувствовался еще такъ остро, какъ теперь и продовольственная политика еще не успѣла оглушить деревню, среди крестьянства страны шло явное движеніе въ сторону перестройки хозяйствъ. Значительное количество земледѣльческихъ артелей, создавшихся въ то время, были вызваны именно этими прогрессивными исканіями крестьянина-хозяина. Съ тѣхъ поръ эти исканія замерли. Внѣшне ихъ теперь почти нѣтъ.

Характерно, однако, что по моимъ наблюденіямъ во время службы въ Комиссаріатѣ Земледѣлія, послѣдній усиленно осаждался требованіями мѣстъ на с. х. литературу. Я самъ видѣлъ крестьянъ, которые днями ходили и ждали въ Комиссаріатѣ, добиваясь права на покупку книгъ по сельскому хозяйству. О повышенномъ интересѣ въ области сельско-хозяйственныхъ знаній говорятъ и свѣдѣнія, которыя я имѣю изъ культурно-просвѣтительнаго отдѣла одного изъ крупныхъ кооперативныхъ союзовъ Москвы. Въ Союзъ, ведшій оживленную работу въ крестьянствѣ, постоянно поступали требованія съ мѣстъ на лекціи и устройство библіотекъ при сельскихъ кооперативахъ. На первомъ мѣстѣ почти всегда стояли требованія на лекціи и книги по сельскому хозяйству. А союзъ объединялъ кооперативы, глав-

нымъ образомъ Московской губерніи, населеніе которой никогда не жило исключительно сельскимъ хозяйствомъ.

Безъ боязни ошибки беру смѣлость утверждать, что спросъ на сельско-хозяйственную литературу въ будущей Россіи крестьяне проявятъ въ небывалыхъ размѣрахъ.

Въ докладѣ, который въ мартѣ мясяцѣ текущаго года читалъ въ Варшавѣ извѣстный общественный дѣятель (прежде Россіи, а нынѣ Польши) — Ледницкій, указывалось на возможноть появленія въ Россіи послѣ паденія совѣтской власти *пафоса труда,* который быстро выведетъ народное хозяйство страны изъ его современнаго разрушеннаго состоянія. То, что въ этомъ докладѣ отмѣчалось, какъ *возможность,* я выше констатировалъ, какъ *фактъ* современной психологіи русскаго населенія. По отношенію къ крестьянству, я констатирую и большее: пафосъ труда охватываетъ не только трудъ исполнительный, но, что гораздо важнѣе, и трудъ иниціативный. На свою будущую работу крестьянство, если оно сохранитъ современную психологію, выйдетъ со сложившимся отрицаніемъ прежнихъ хозяйственныхъ пріемовъ и съ оживленнымъ исканіемъ новыхъ и лучшихъ.

Къ рѣшенію крестьянствомъ земельнаго вопроса. Какъ было уже сказано, я не располагаю достаточнымъ фактическимъ матеріаломъ, чтобы полно и увѣренно характеризовать эволюцію крестьянской мысли въ аграрномъ вопросѣ. Лично я прихожу къ выводу, что идея частной собственности на землю въ крестьянской душѣ сдѣлала огромныя завоеванія за минувшіе годы революціи. Выводъ основанъ на апріорныхъ соображеніяхъ о логически должной эволюціи крестьянской мысли въ условіяхъ, созданныхъ совѣтской властью, и на фактическомъ матеріалѣ. Послѣдній я считаю, однако, недостаточнымъ и потому субъективнаго ощущенія твердости и истинности выводовъ у меня нѣтъ.

Приводимыя дальше апріорныя и фактическія данныя для многихъ изъ читателей должны имѣть тѣмъ большую цѣнность, что мои выводы наблюдателя сильно расходятся съ моими взглядами общественнаго работника. Въ качествѣ перваго, я утверждаю ростъ крестьянскихъ симпатій къ частной собственности на землю, въ качествѣ второго, я, отвергая идею социализаціи земли, какъ неосуществимую и препятствующую росту производительныхъ силъ, считаю, однако, институтъ *общественнаго вла-*

дѣнія землей, даже въ условіяхъ буржуазнаго общества, болѣе высокимъ и цѣннымъ чѣмъ институтъ индивидуальнаго владѣнія ею.

Какъ ни хаотически былъ разрѣшенъ земельный вопросъ совѣтской властью, ея законодательство отразило почти всѣ основныя идеи, изъ которыхъ слагалась соціализація земли. Законодательство устанавливало и право каждаго на землю, и уравнительность землепользованія, и уничтоженіе собственности на землю, и трудовой характеръ пользованія ею съ запрещеніемъ земельнаго оборота въ видѣ купли, продажи и аренды.

Въ общероссійскомъ масштабѣ уравнительность землепользованія проведена не была, но въ предѣлахъ сельскихъ обществъ, а иногда и въ предѣлахъ волостей, на земляхъ, попавшихъ въ крестьянскія руки, она соблюдалась строго. Не было полностью проведено и право каждаго на землю, но для всѣхъ, имѣвшихъ возможность и желаніе установить свою принадлежность къ составу тѣхъ или иныхъ сельскихъ обществъ, оно было реализовано. Изъятіе земли полностью изъ товарнаго оборота въ жизни не прошло, но это не по винѣ совѣтской власти, ибо земельный оборотъ, въ нарушеніе самыхъ строгихъ законовъ о землѣ и при любой власти, существовалъ бы неизбѣжно. Имѣлъ не мало изъятій и принципъ *трудового* землепользованія, но эти изъятія были бы и при самомъ дѣятельномъ правительствѣ, даже если бы оно сплошь состояло изъ соціалистовъ-революціонеровъ. Къ тому-же изъятія были исключеніемъ изъ правила: и типическимъ за годы революціи былъ трудовой характеръ землепользованія.

Какія послѣдствія повлекли за собой указанныя идеи совѣтскаго аграрнаго законодательства, регулировавшія общественныя отношенія, складывавшіяся вокругъ земли? Какими основными явленіями въ жизни сельскаго хозяйства отразилось новое земельное право?

Право на землю, въ связи съ острымъ продовольственнымъ кризисомъ, вызвало наплывъ въ деревню людей, давно порвавшихъ связи съ землей и ея обработкой, или не имѣвшихъ этихъ связей никогда. Если люди имѣли юридическую связь съ тѣмъ или инымъ сельскимъ обществомъ, они добивались земли и въ концѣ концовъ получали ее. Число такихъ новоявленныхъ земледѣльцевъ было огромно. Къ нимъ принадлежало, во первыхъ, большинство ушедшихъ изъ городовъ, во вторыхъ большое число и

среди продолжавшихъ работать въ городахъ, фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ и въ паровомъ транспортѣ. Земля обрабатывалась этими земледѣльцами всегда скверно и обычно не на всей полученной удобной площади. Часто она не обрабатывалась вовсе, или запускалась послѣ перваго года ея использованія. Всѣми, получившими землю, она, однако, упорно удерживалась «на всякій случай». Отъ права на землю никто не хотѣлъ отказаться. Коренные земледѣльцы негодовали на этихъ «новоселовъ», ибо они, по крестьянской оцѣнкѣ, не обрабатывали землю, а «портили» ее. Въ неопытныхъ рукахъ производительность земли падала и это выводило изъ себя крестьянина-хозяина. Наблюденіе за «порчей» земли новыми «насельцами» и породило у крестьянъ ту идею о необходимости выработать въ законодательномъ порядкѣ опредѣленную норму производительности земли, о которой я говорилъ выше.

Помимо горожанъ въ деревню тянулись солдаты, возвращавшіеся изъ плѣна. Они также предъявляли свое право на землю и получали послѣднюю.

Потокъ къ землѣ и въ деревню шелъ непрерывно всѣ текущіе годы. Въ связи съ принципомъ уравнительности землепользованія онъ приводилъ къ ежегоднымъ земельнымъ передѣламъ. Земельные участки отдѣльныхъ крестьянъ находились почти въ ежегодномъ движеніи. Если они не перемѣщались полностью, то обязательно перемѣщались частично. Падала вывозка навоза. Онъ не использовался цѣликомъ даже въ томъ уменьшившемся количествѣ, въ которомъ онъ имѣлся въ хозяйствѣ. Отъ полнаго использованія навоза удерживала мысль, что на слѣдующій годъ хозяинъ своимъ удобреніемъ воспользоваться не сможетъ, и работа пойдетъ «на дядю». О величинѣ и напряженности земельныхъ передѣловъ свидѣтельствуетъ декретъ, запрещающій производить ихъ ранѣе 9 лѣтъ. Декретъ былъ изданъ 30 апрѣля 1920 года. Онъ оказался недостаточнымъ и въ началѣ 1921 года власть была вынуждена подтвердить и повторить его постановленіемъ Всероссійскаго Исполнительнаго Комитета Съѣзда Совѣтовъ.

Принципъ *трудового* характера землепользованія не допускалъ земельнаго оборота, даже аренднаго. Земля, попавшая въ руки деревенскихъ «новоселовъ» и не могущая быть использо-

ванной ими, оставалась поэтому лежать втунѣ, хотя на аренду ея и находились охотники, послѣднимъ часто было гораздо выгоднѣе арендовать землю у другихъ и частично запускать свою, чѣмъ обрабатывать свою цѣликомъ.

Въ результатѣ всѣхъ отмѣченныхъ вліяній закона увеличивался размѣръ необработанной и необсѣмененной земельной площади и усиленно понижалась урожайность.

Тяжесть земельныхъ порядковъ, складывающихся подъ вліяніемъ закона о соціализаціи земли, увеличивалась еще коммунистическими экспериментами власти. Назову изъ нихъ: 1) принудительную коллективизацію сельскаго хозяйства и прямолинейное, въ ущербъ интересамъ индивидуальнаго хозяйства, покровительство коллективно-земледѣльческимъ организаціямъ, складывавшимся добровольно; 2) обобществленіе инвентаря, проводившееся то путемъ своза с. х. орудій и машинъ въ общія помѣщенія, то — что чаще — путемъ наложенія на инвентарныхъ крестьянъ обязательства отпускать его въ пользованіе безинвентарныхъ на фиксированныхъ и всегда для владѣльца невыгодныхъ условіяхъ; 3) перераспредѣленіе сѣмянъ; 4) государственное регулированіе площади посѣвовъ и пропорціи культуръ; 5) обязательные агрикультурные пріемы хозяйствованія въ видѣ ранней вспашки земли, срѣзанія кочекъ на лугахъ, вырубанія кустарниковъ на пастбищахъ, огораживанія полей и т. д.

Крестьянское хозяйство теряло устойчивость, способность разсчета, свободу «экономическаго маневрированія». Инціативная и организаціонная энергія крестьянства оказалась связанной. Все это вызывало и не могло не вызывать напряженную потребность въ «*вольномъ* трудѣ» и въ свободѣ хозяйственной дѣятельности. Должно было появиться отрицательное отношеніе не только къ дѣйствіямъ власти, но и къ земельнымъ порядкамъ, складывавшимся на почвѣ общественнаго владѣнія землей и земельной общины. Должна была бы сложиться тяга къ хуторамъ и отрубамъ, къ частной собственности на землю, какъ обезпечивающимъ наибольшую хозяйственную независимость. Эти устремленія и появились.

Недовольство сложившимся строемъ земельныхъ отношеній проявилось въ деревнѣ въ видѣ настойчиваго желанія отдѣляться отъ общинныхъ порядковъ, съ присущей имъ неустойчиво-

стью землепользованія. Формъ, въ которыя отлилось желаніе, было нѣсколько: разселеніе крупныхъ поселенныхъ единицъ, выходъ на такъ называемые коллективные хутора, выходъ на индивидуальные хутора и стремленіе къ отрубнымъ участкамъ.

Въ началѣ минувшаго года у меня произошелъ длинный разговоръ съ агрономомъ Н. С. Богдановымъ, возглавлявшимъ въ Комиссаріатѣ Земледѣлія Управленіе совѣтскими хозяйствами. Мой собесѣдникъ пописывалъ въ «Экономической Жизни», полусочувствовалъ экономической политикѣ совѣтской власти и въ руководящихъ кругахъ Комиссаріата Земледѣлія считался «своимъ» человѣкомъ. Онъ часто участвовалъ въ засѣданіяхъ коллегіи Комиссаріата и о работѣ послѣдняго, также, какъ и о с. х. дѣйствительности на мѣстахъ, былъ освѣдомленъ не плохо. На мой вопросъ, вѣрно ли, что среди крестьянства широко и явно идетъ наростаніе настроеній въ пользу частной земельной собственности, Богдановъ отвѣтилъ длиннымъ перечнемъ извѣстныхъ ему фактовъ. Привожу изъ нихъ наиболѣе существенные, какъ они были записаны мной.

«Почти повсемѣстно рѣзко выражена тяга къ хуторскому разселенію. Особенно сильна она въ губерніяхъ — Орловской, Могилевской, Гомельской, Московской, Тверской, Калужской, Рязанской, Смоленской, Владимірской и въ части Ярославской. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Орловской губерніи на хутора разселились почти *всѣ*. Населеніе само нанимаетъ землемѣра, даетъ ему участокъ земли, обрабатываетъ, платитъ сотни тысячъ рублей деньгами, усиленно кормитъ и заставляетъ «рѣзать землю». На нарѣзанные участки потомъ переносятся постройки. Чаще, впрочемъ, нарѣзанные участки остаются безъ построекъ — до болѣе лучшихъ временъ. Пробовали арестовывать землемѣровъ но землемѣрное занятіе законами республики не запрещено и потому, подержавъ, землемѣра выпускали. Крестьяне снова подхватывали выпущеннаго землемѣра, усаживали его на участокъ и онъ опять «рѣзалъ» крестьянскую землю... Во второй половинѣ 1920 года въ «Экономической Жизни» была помѣщена содержательная статья Берзина — завѣдующаго отдѣломъ землеустройства при Комиссаріатѣ Земледѣлія. Въ статьѣ отмѣчалось усиленное стремленіе населенія къ разселенію: крупныя села превращались въ нѣсколько болѣе мелкихъ; соотвѣтственно

мельчали и земельныя площади, находившіяся въ ихъ пользованіи. Статья указывала, что выселяющіеся въ большомъ количествѣ создаютъ коллективные хутора, съ переносомъ изъ селеній на свои земли построекъ. Было произведено небольшое обслѣдованіе этихъ хуторовъ и вотъ, что оказалось: хутора обычно создаются хозяйственно сильной частью крестьянъ. Послѣдніе весьма далеки отъ сочувствія коллективизаціи хозяйства и коллективный хуторъ для нихъ только защитный цвѣтъ. Состоя формально въ коллективно-земледѣльческомъ хозяйствѣ, фактически хуторяне хозяйствуютъ индивидуально. При бѣгломъ и внѣшнемъ обслѣдованіи такого хутора не увидишь ни раздѣльныхъ межей, ни оградъ, ни заборовъ, зато есть общая рига и общій скотный дворъ. Но присмотришься немного внимательнѣй и оказывается: среди дворовъ въ самомъ центрѣ земельнаго участка стоитъ высокій шестъ, а по общей межѣ, отдѣляющей землю хутора отъ другихъ участковъ, вбиты небольшіе столбики. Если мысленно провести линію отъ шеста среди избъ къ столбикамъ на пограничной межѣ, получаются внутри хуторскія межи. Понаведешь справки, и выяснится, что общей на коллективномъ хуторѣ является только вспашка, всѣ остальныя работы продѣлываются индивидуально въ предѣлахъ мысленно проводимыхъ линій — межъ; въ общей ригѣ молотьба хлѣба производится отдѣльно каждой семьей; на общемъ скотномъ дворѣ, животныя раздѣлены и уходъ за ними ведется порознь. По внѣшности передъ вами подлинный коллективный хуторъ, а по существу конгломератъ индивидуальныхъ хуторовъ, которые ожидаютъ только благопріятныхъ условій, чтобы разорвать внѣшнюю и стѣснительную коллективную рубашку».

По отношенію къ двумъ изъ названныхъ моимъ собесѣдникомъ губерній, въ которыхъ идетъ тяга на хутора, я потомъ получилъ подтвержденіе: въ Калугѣ фактъ хуторского разселенія, то ограничивающагося только нарѣзкой земли, то заканчивающагося переноской построекъ, мнѣ констатировали агрономы; по отношенію къ Гомельской губерніи тягу вонъ изъ общины мнѣ назвалъ членъ коллегіи Губернскаго Земельнаго Отдѣла, какъ причину сильнаго развитія въ этой губерніи коллективно-земледѣльческаго движенія.

Въ одной губерніи, расположенной въ нечерноземной полосѣ

Россіи и сохранившей крѣпкую общину, въ концѣ 1920 года и въ началѣ 1921 г. произошло нѣсколько совѣщаній яркихъ представителей крестьянской интеллигенціи. Темой совѣщаній была расцѣнка различныхъ формъ землепользованія. Участники совѣщаній были связаны многочисленными узами личной и общественной дружбы, создавшейся въ процессѣ ихъ длительной политической (почти всѣ въ недавнемъ прошломъ были соціалистами революціонерами) и кооперативной работы. Неудовлетворенные сложившимися земельными порядками, нѣкоторые изъ нихъ рѣшили выйти на хутора. Прежде, чѣмъ реализовать рѣшеніе, надумали посовѣтоваться съ друзьями. Отсюда возникли совѣщанія. Вопросъ былъ поставленъ широко и дебатировался горячо. Хутора имѣли защитниковъ и противниковъ. Стороны такъ и не сговорились между собой, но большинство участниковъ горой стояли за частную земельную собственность и хутора.

Еще ярче симпатіи умственныхъ «верховъ» деревни къ частной земельной собственности проявились на двухъ новыхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ лѣтомъ и осенью 1920 г. въ одной изъ губерній Центральной области Россіи. Они собирались для обсужденія вопроса о политической организаціи крестьянства. Въ порядкѣ дня стояла выработка соціально-экономической и политической платформы крестьянской организаціи, которую было рѣшено образовать. На совѣщаніяхъ принимали участіе до 30 человѣкъ — все дѣятельные деревенскіе общественные работники. Здѣсь принципъ частной собственности на землю былъ принятъ большинствомъ, почти въ девять десятыхъ голосовъ. Между тѣмъ и здѣсь большинство голосовавшихъ въ прошломъ были членами соціалистическихъ партій.

Доказательствомъ распространеннаго среди крестьянъ стремленія къ частной собственности является и торговля землей — знаю о ней, какъ о фактѣ, по губерніямъ Калужской и Пензенской. О земельномъ оборотѣ въ послѣдней губерніи корреспонденція въ совѣтской газетѣ говорила примѣрно такъ: «въ связи съ замѣной продовольственной разверстки продовольственнымъ налогомъ цѣны на землю сильно возросли». Дальше приводились цѣны; ихъ я въ свое время не записалъ, а теперь не помню... Въ Калужской губерніи агрономы и кооператоры въ одинъ голосъ утверждали, что нелегальная торговля земельными участками

увеличивается. Въ оборотъ поступаютъ, во первыхъ, купчія земли, во вторыхъ, бывшія надѣльныя, закрѣпленныя въ личную собственность по Столыпинскому законодательству. Идетъ и арендный оборотъ — дворы, которые не въ состояніи сами обрабатывать свои земли, передаютъ ея использованіе другимъ. Легальнымъ прикрытіемъ аренды обычно является фиктивное сліяніе хозяйствъ, вступающихъ въ сдѣлку.

Могу привести еще два случая (въ двухъ различныхъ губерніяхъ) когда лично мнѣ извѣстные крестьяне, являвшіеся въ прошломъ выдающимися политическими дѣятелями деревни, принадлежавшими къ партіи соц.-револ.—одинъ съ 1903 г., второй съ 1904 г., теперь рѣшительно стоятъ за частную собственность и хуторское разселеніе.

Въ заграничной печати о Россіи я нашелъ только одну корреспонденцію объ аграрныхъ устремленіяхъ современнаго крестьянства. Она была помѣщена въ газетѣ «Воля Россіи» (№ 69), какъ письмо изъ Россіи. Приведу двѣ выдержки изъ нея. «Деревня Андреяновка, Новоторжскаго уѣзда (Псковской губерніи), по нашимъ мѣстамъ довольно крупная (68 дворовъ), въ 1908-09 годахъ перешла на правильный восьмипольный сѣвооборотъ при помощи земскаго агронома. Въ 1911 году выдержала упорный бой за сохраненіе общины съ землеустроителями. Въ деревнѣ имѣется штукъ 15 сѣялокъ, мялки и другія сельско-хозяйственныя машины. Однимъ словомъ, культурнѣйшая деревня по уѣзду. Въ настоящее время тѣ самые крестьяне, которые воевали съ землеустроителями въ 1911 году, просятъ агрономическій персоналъ найти выходъ для выдѣла изъ деревни, чтобы вести хозяйство, какъ хочется: осушить лугъ вдоль рѣчки, сѣять рѣпу и свеклу въ полѣ, ростить лѣсъ, а не ольховые кусты, не тратить силы для поѣздокъ за 7-10 верстъ на покосы, а чтобы все было здѣсь подъ руками.» Значеніе этого сообщенія увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что община, о которой идетъ рѣчь, принадлежитъ къ числу передовыхъ въ агрикультурномъ отношеніи. Такихъ общинъ не много въ Россіи, тѣмъ не менѣе инициативѣ современныхъ хозяйствующихъ людей оказывается душно и въ ней.

«Въ Новоторжскомъ уѣздѣ имѣется около 18 с. х. объединеній-коммуны и коллективные хутора. Коллективные хутора въ

большинствѣ случаевъ только предлогъ для выхода изъ общины болѣе энергичныхъ хозяевъ. Тѣ хутора, которые отдѣлились въ 1918 году, начинаютъ распадаться на отдѣльныя хозяйства.

Приходится отмѣтить страшное тяготѣніе общиной и общинными порядками. Всѣ хозяйственные мужики (а въ потенціи у каждаго крестьянина есть хозяйственность) тянутъ въ сторону, какъ бы обособить хозяйство отъ остальныхъ... При первой возможности деревня раздѣлитъ свою землю на куски и будетъ ею пользоваться въ видѣ хуторовъ, отрубовъ и т. д.»

Корреспонденція с. р. органа, какъ видитъ читатель, совпадаетъ съ матеріалами, полученными мной въ Россіи. Индивидуализмъ, который всегда съ силой прорывается въ угнетенныхъ массахъ послѣ революцій, въ современной Россіи еще обостряется нелѣпыми попытками власти коммунизировать сельское хозяйство. Оба фактора создаютъ въ современной деревнѣ могучую тягу къ тому, чтобы получить maximum независимости въ своей хозяйственной дѣятельности. И мнѣ кажется, чѣмъ ярче личность хозяйствующаго субъекта, чѣмъ она сильнѣе и увѣренный въ себѣ, тѣмъ напористѣе въ ней стремленіе къ автономности въ своей дѣятельности. Я думаю, поэтому, что тенденція къ разрыву съ общиной съ наибольшей силой проявится въ верхнемъ по умственному развитію и по хозяйственной прогрессивности слоѣ деревни. Такъ было въ рядѣ мѣстъ послѣ революціи 1905-07 г. г., также, но только въ безконечно большемъ масштабѣ будетъ и теперь.

Были у меня въ Россіи и противоположныя впечатлѣнія. Ихъ доставили сторонники коллективно-трудовыхъ формъ земледѣльческаго хозяйства. Долгіе разговоры по земельному вопросу у меня происходили съ членами лучшей изъ земледѣльческихъ артелей въ Россіи. Собесѣдники, поднявшіе на рѣдкую высоту хозяйство своей артели, были сторонниками общественнаго владѣнія землей и защитниками коллетивной формы трудового хозяйства. Они, однако, признавались, что эта форма не по плечу современному среднему человѣку и широкаго распространенія она получить не можетъ. Зная близко участниковъ этой артели, я убѣжденъ, что если имъ доведется вести индивидуальное хозяйство, то они первые потянутъ на хутора, въ лучшемъ случаѣ на отруба — въ общинѣ ихъ хозяйственной иниціативѣ будетъ тѣсно.

Во второмъ случаѣ собесѣдникъ былъ организаторомъ весьма оригинальнаго по замыслу интегральнаго сел.-хоз. товарищества. Въ товарищество первоначально согласилась войти вся деревня, въ которой жилъ собесѣдникъ, а потомъ, когда узнали, что коммунистическое начальство собирается превратить ее въ коммуну, большинство деревни отъ членства отказалось. Организаторъ тогда перенесъ свою агитацію о вступленіи въ товарищество на отдѣльныхъ лицъ. Крестьяне собрали сходъ и на немъ принялись урезонивать моего собесѣдника. «Знаешь», говорили они, «въ какое время живемъ. Надо всѣмъ быть вмѣстѣ, а если одинъ пойдетъ на хуторъ, другой на отрубъ, третій въ твое товарищество, а четвертый останется въ обществѣ (общинѣ С. М.) — что тогда будетъ. Охлопочи, чтобы коммунисты не трогали твоего товарищества и пойдемъ въ него всѣ, а теперь пусть никто не вступаетъ. Не разбивай общество. Если въ этакую пору начнемъ промежъ себя колоться — вовсе пропадемъ». Въ этой деревнѣ стремленія къ частной собственности на землю и къ выходу на хутора не было: «не такое время». Однако мой собесѣдникъ и въ данномъ случаѣ отмѣчалъ, что изъ 6 ему близко извѣстныхъ деревень, насчитывающихъ 319 дворовъ, въ трехъ были выдѣлы на хутора: 9 дворовъ уже вышло, а два находятся въ періодѣ хлопотъ о выходѣ. Одиннадцать дворовъ или 3,4 проц., такимъ образомъ, рѣшительно отдали предпочтеніе хуторскому хозяйству.

Повторяю, идея частной земельной собственности и хуторского хозяйства находится въ настоящее время въ полосѣ своихъ растущихъ успѣховъ. Слагаемыя этой идеи логически раздѣльны, ибо хуторское хозяйство и частная земельная собственность — вещи разныя, но въ сознаніи населенія они сливаются въ одно неразрывное цѣлое.

Чтобы закончить характеристику крестьянскихъ взглядовъ на рѣшеніе земельнаго вопроса, упомяну еще объ отношеніи деревни къ совѣтскимъ хозяйствамъ. Здѣсь отношеніе совершенно опредѣленное: оно пропитано жгучей ненавистью и напряженной потребностью снести ихъ съ лица земли. Извѣстный кавалерійскій рейдъ генерала Мамонтова въ 1919 году сопровождался массовымъ уничтоженіемъ крестьянами совѣтскихъ хозяйствъ, въ тѣхъ мѣстахъ Орловской и Воронежской губ., гдѣ проходилъ Мамонтовъ. То-же было во время крестьянскихъ воз-

станій въ 1920 г. въ Тамбовской губерніи, въ 1921 г. въ губерніяхъ Воронежской и Самарской. Гибель совѣтскихъ хозяйствъ въ періодъ паденія совѣтской власти неизбѣжна. Врядъ ли отъ гибели ихъ спасетъ и современная, широко практикующаяся сдача «совхозовъ» въ аренду отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

Мотивовъ для крестьянской ненависти къ «совхозамъ» болѣе, чѣмъ достаточно. За ними оставлены земли, которыя отошли бы крестьянамъ, эти земли всегда лучшія, въ порядкѣ трудовой повинности крестьяне вынуждены обрабатывать поля совѣтскихъ хозяйствъ, «совхозы» усиленно снабжаются сѣменами и инвентаремъ; ихъ служащіе и рабочіе имѣютъ достаточно продовольствія, а окружающее крестьянство часто голодаетъ и всегда терпитъ острый недостатокъ въ инвентарѣ и сѣменахъ. Ненависть обостряется отвратительной постановкой хозяйства въ «совхозахъ»: несмотря на почти безплатный крестьянскій трудъ по обработкѣ совѣтскихъ полей, «совхозы» не могутъ жить безъ постоянной матеріальной поддержки со стороны государства.

Крестьянская ненависть къ «совхозамъ» сдѣлаетъ въ будущемъ созданіе крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ весьма труднымъ. А они будутъ необходимы: ихъ потребуетъ и агрикультурная работа государства и его стремленія возродить разрушенную сахарную промышленность, которая на одникъ крестьянскихъ посѣвахъ свеклы существовать пока не можетъ.

Политическая жизнь крестьянства. Крестьянство въ настоящее время является безспорно самой активной политической силой въ Россіи. Ни въ одномъ слоѣ русскаго населенія возбуждающее вліяніе революціи не сказалось съ такой отчетливостью и силой, какъ среди него. Если интеллигенція въ своей массѣ только смѣется, брюзжитъ, злобствуетъ и въ лучшемъ случаѣ занимается безсильной словесной критикой совѣтскаго строя въ тѣсныхъ кружкахъ и на службѣ, если рабочіе несмѣло и лишь спорадически волнуются, ограничиваясь резолюціями и легко погасающими забастовками, если армія, являясь антисовѣтской, идетъ на борьбу только въ рѣдкихъ случаяхъ и лишь небольшими частями, оставаясь въ своей массѣ пассивной, то крестьянство борется неустанно и ожесточенно. Страшная расплата за борьбу, выражающаяся въ уничтоженіи артиллеріей и истребленіи огнемъ деревень и станицъ, въ массовыхъ разстрѣлахъ, пыткахъ,

въ принудительномъ массовомъ выселеніи съ привычныхъ отцовскихъ мѣстъ, въ конфискаціи имущества, въ расправѣ съ заложниками и т. д. его не останавливаетъ. Жесточайшія расправы порой оглушали его. Деревня затихала, притаивалась, становясь внѣшне покорной. Обманчивъ и недологъ былъ этотъ покой. Однако, даже такой покой никогда не охватывалъ всю крестьянскую Русь. Крестьянское море велико и, «замиренное» въ одномъ мѣстѣ, оно бушевало въ другомъ. «Замиренное» въ массѣ, оно выдѣляло свою наиболѣе смѣлую и сильную часть, которая становилась «вольницей», уходя въ повстанческіе отряды и превращаясь въ постоянную вооруженную силу, угрожавшую представителямъ власти, желѣзнодорожному сообщенію, совѣтскимъ хозяйствамъ, коммунамъ, складамъ зерна и фуража, продовольственнымъ отрядамъ и т. д. Революціонные громы для крестьянства прозвучали сильнѣй и призывнѣй, чѣмъ для другихъ слоевъ; политическій и экономическій гнетъ, созданный властью тяжелѣе налегъ на его плечи, колющіе шипы беззаконія глубже вонзались въ него, крестьянство было психически крѣпче и физически сильнѣе и оттого ни одинъ соціальный пластъ Россіи не отдалъ столько силъ на борьбу, никто не боролся такъ мужественно и не несъ такихъ жертвъ, какъ крестьянство.

Самой интересной стороной въ этой борьбѣ являются оживленныя исканія крестьянской мыслью лучшихъ методовъ дѣйствія. Ясно выдѣляются нѣсколько фазисовъ, черезъ которые прошла борьба. Въ 1918 году крестьянство еще не стало на путь инициативной и самостоятельной борьбы. Оно шло за другими силами, и откликалось на чужой призывъ — были ли это соціалисты-революціонеры, чехословаки, офицерскія организаціи Савинкова, интеллигентскія группы Союза Возрожденія Россіи, ижевскіе рабочіе и т. д. Эта линія крестьянскаго поведенія продолжалась и въ 1919 г., когда крестьянство на югѣ нѣкоторое время шло за Добровольческой арміей, на Уралѣ и въ Заволжьи за сибирской арміей Колчака. Однако для 1919 года характернѣй были уже самостоятельныя крестьянскія дѣйствія — ихъ начали крестьяне солдаты, не хотѣвшіе снова идти подъ ружье и на фронтъ, такъ называемые «зеленые». «Зеленые» появляются не только на территоріи совѣтской власти, но и на территоріи антисовѣтскихъ правительствъ и войскъ—«зеленые» дѣйствуютъ не только въ Центральной и Сѣверной Россіи, но и на Черномор-

скомъ побережьи, въ Сибири. На Украйнѣ они укомплектовываютъ повстанческіе отряды Махно, Ангела и другихъ «атамановъ». 1920 и часть 1921 года проходятъ подъ знакомъ массоваго повстанчества крестьянъ и дѣйствій безчисленныхъ партизанскихъ отрядовъ, образовавшихъ постоянную вооруженную силу, враждебную совѣтской власти. Съ конца 1920 г. въ крестьянскихъ методахъ борьбы появляются два новыхъ — это, во первыхъ, легальная борьба съ властью при выборахъ въ совѣты и на различныхъ съѣздахъ, во вторыхъ, начинаются оживленныя попытки создать массовыя и длительныя политическія группировки крестьянъ, которыя должны остаться и дѣйствовать въ рамкахъ политической партіи и послѣ паденія современной власти.

Въ результатѣ наблюденій надъ крестьянскимъ движеніемъ въ 1921 г. у меня создавалось опредѣленное впечатлѣніе, что массовое повстанчество, продолжая оставаться въ крестьянской психологіи дѣйствительнымъ и не отвергнутымъ методомъ борьбы, считалось уже недостаточнымъ. Оно требовало какого-то дополненія и должно было являться только однимъ изъ пріемовъ комбинированныхъ ударовъ. Крестьянская мысль еще искала этого дополненія и оттого-то большая часть 1921 года уступаетъ предшествующему въ ширинѣ и напряженности крестьянскаго массового повстанчества. Ярко вспыхнувъ въ широкихъ, но разрозненныхъ возстаніяхъ января и февраля мѣсяцевъ, давъ свое высшее напряженіе въ огромномъ возстаніи западно-сибирскаго крестьянства въ концѣ февраля и въ мартѣ, оно потомъ стихло. Весной возстаній не произошло, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ нимъ населеніе готовилось. Передъ сильнымъ Колыванскимъ возстаніемъ (въ Томской губерніи) весной 1920 г. въ районѣ Колывани до 40 сельскихъ кузницъ усиленно ковали пики. Такая же оживленная ковка пикъ въ сельскихъ кузницахъ шла на Алтаѣ въ мартѣ 1921 г. Киргизы прежней Акмолинской области усиленно добывали, мѣняя на свои продукты, полосовое желѣзо, которое требовалось для тѣхъ же пикъ. О возстаніи весной 1921 г. усиленные разговоры шли въ пяти мнѣ извѣстныхъ губерніяхъ въ центрѣ Россіи, и, однако, весной возстаній почти не было. Крестьянская мысль уперлась въ тупикъ: ей казались недостаточными прежніе пріемы борьбы и еще не было дополняющихъ новыхъ.

Одинъ изъ представителей политически-запяточной оппозиціи

Кремля (Ф. М. Данъ) объяснялъ затишье въ политической борьбѣ крестьянъ въ теченіи 1921 года тѣмъ, что «утомленное прежними возстаніями крестьянство пока удовлетворяется болѣе умѣреннымъ къ нему отношеніемъ совѣтскаго правительства, которое установилось послѣ введенія продналога вмѣсто прежней карательно-экспедиціонной кровавой разверстки». («Послѣднія Новости» отъ 16/11. 1922 г.) Въ этомъ объясненіи, можетъ быть, и есть доля правды, но «удовлетвореніе» крестьянъ плохо мирится съ фактомъ оживившихся въ 1921 г. дѣйствій партизанскихъ отрядовъ (на Кубани, Дону, въ Смоленской, Харьковской, Воронежской, Самарской, Костромской, Екатеринославской, Таврической и др. губерніяхъ), протекавшихъ при активномъ сочувствіи и содѣйствіи крестьянства.

Въ послѣдніе три года (1919-1921 г.) крестьянство въ своей борьбѣ было предоставлено почти исключительно самому себѣ. Работы политическихъ партій среди него почти не было. Дѣйствующія организаціи либеральныхъ партій въ Россіи почти отсутствовали, а поскольку и были, онѣ находились въ той же оторванности отъ крестьянства, какъ и прежде. Монархистамъ среди крестьянства дѣлать было нечего. Соціалъ-демократы занимались уговариваніемъ власти, къ тому же организаціонно и численно они были слабы и не имѣли связей съ деревней. Работу въ крестьянствѣ могла вести партія соц.-рев., но слаба была и она: слаба организаціонно, слаба числомъ своихъ активныхъ работниковъ, еще болѣе слаба своей позиціей, занятой ею съ того времени, когда, выдвинувъ формулу «Ни Колчака и Деникина, ни Ленина», она по существу предпочла Ленина двумъ первымъ. Ея попытка создать приговорное движеніе и организовать крестьянскій союзъ съ требованіемъ соціализаціи земли успѣха имѣть не могла и не имѣла. Другихъ силъ до 1921 года не было. Крестьянство должно было думать и дѣйствовать одно.

Оно думало и дѣйствовало.

Политическая борьба крестьянства. Если логически расчленить крестьянскія политическія дѣйствія прожитыхъ лѣтъ, то они вложатся въ три вида: вооруженная борьба, борьба въ легальныхъ формахъ, попытки создать постоянныя политическія организаціи.

Вооруженная борьба являлась преобладающимъ видомъ въ

крестьянскихъ дѣйствіяхъ. Тактически она была и оборонительной и наступательной, массовой и партизанской. Оборонительная борьба проявлялась и проявляется до сихъ поръ въ дѣйствіяхъ пассивныхъ «зеленыхъ» и въ защитѣ своихъ районовъ отъ перехода ихъ подъ власть совѣтовъ.

Пассивные «зеленые» не нападаютъ. Не желая идти въ армію, они уходятъ въ лѣса и тамъ живутъ. Они мужественно обороняются, когда на нихъ нападаютъ красные отряды и они обороняютъ своихъ родныхъ отъ примѣненія къ нимъ мѣръ наказанія, которыя установлены декретами по отношенію къ имуществу и семьямъ дезертировъ. Если въ районѣ, въ которомъ живутъ «зеленые» будетъ конфисковано имущество кого нибудь изъ нихъ или въ качествѣ заложниковъ будутъ арестованы родственники, то «зеленые» нападаютъ на жилища и семьи мѣстныхъ коммунистовъ, сжигая первыя и безпощадно выбивая вторыхъ. Пощады не дается ни старымъ ни малымъ — всѣ подлежатъ смерти. Эта «самооборона» «зеленыхъ» сдѣлала почти невозможнымъ примѣненіе жестокихъ декретовъ.

«Зеленые» сведены въ отряды во главѣ съ выборными командирами, имѣютъ хозяйственную часть, несутъ караульную службу, существуетъ дисциплина, есть наказанія вплоть до разстрѣла. Живутъ они въ землянкахъ, въ страдную пору ходятъ къ крестьянамъ на работу, иногда уходятъ домой. Есть «зеленые», которые живутъ такъ съ 1919 года. Большинство среди нихъ солдаты-крестьяне, но есть и офицеры. Сколько въ Россіи «зеленыхъ» никто, конечно, не знаетъ. Но вотъ одна иллюстраціонная цыфра. Незадолго до моего отъѣзда изъ Россіи, у меня сидѣлъ офицеръ, начальникъ одного изъ отрядовъ «зеленыхъ, ушедшій отъ нихъ только перваго мая 1921 года. По его словамъ количество пассивныхъ «зеленыхъ», находящихся въ лѣсахъ одной Костромской губерніи, въ зависимости отъ энергіи власти въ ея борьбѣ съ дезертирами, колеблется въ предѣлахъ отъ 4 до 30 тысячъ.

Второй родъ оборонительныхъ дѣйствій крестьянства—защита своей территоріи отъ появленія на ней совѣтской власти. Въ Россіи существуютъ *сотни* волостей въ густо населенныхъ губерніяхъ, въ которыхъ совѣтская власть не царствовала ни разу. Каждая ея попытка воцариться въ нихъ встрѣчала такое

ожесточенное вооруженное сопротивленіе населенія, что отряды вынуждены были отступать. Есть волости, въ которыхъ совѣтская власть послѣ ожесточенныхъ боевъ всетаки воцарялась. Но какъ только оттуда уходили войска, назначенные со стороны революціонные комитеты съ ихъ охраной вырѣзались до одного человѣка. Волость снова выбывала изъ состава совѣтской территоріи. Такія волости имѣются даже въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ.

Когда власть укрѣпилась, борьба противъ нея принимаетъ наступательный характеръ. Она ведется и массовыми выступленіями, и отдѣльными партизанскими отрядами. Послѣдніе часто носятъ также названіе «зеленыхъ», но это уже активные. Массовыя крестьянскія возстанія чаще носятъ характеръ своеобразнаго соціальнаго рефлекса, которымъ населеніе отвѣчаетъ на грабежъ и насилія власти. Они вспыхиваютъ стихійно, лишены какой либо подготовительной организаціонной работы и по времени непосредственно слѣдуютъ за какими нибудь экстраординарными дѣйствіями власти, будь то безпощадное выколачиваніе продовольствія, массовая мобилизація на какія нибудь работы, принудительное обобществленіе инвентаря и т. д.

Характеристика массовыхъ возстаній, какъ соціологическаго рефлекса, приложима къ нимъ далеко не всегда. Мнѣ близко извѣстенъ цѣлый рядъ возстаній, когда имъ предшествовали организаціонныя работы и не было никакихъ необычныхъ проявленій насилія или грабежа власти. Возстанія, правда, и въ этихъ случаяхъ не являются движеніями оформленными конечными цѣлями и съ продуманной системой дѣйствій, но они уже не рефлексъ. Въ этихъ случаяхъ населенію становится нестерпимой вся система управленія, а не отдѣльныя дѣйствія власти, вся политика власти. Такими были возстанія въ мартѣ 1920 г. въ Тульской губерніи, въ февралѣ-мартѣ 1921 г. въ Западной Сибири, въ мартѣ 1921 г. въ Вельскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи. Особенной цѣлесознательностью отличалось послѣднее, поднятое его руководителями во имя поддержки Кронштадта.

Въ случаяхъ возстаній, гнѣвъ возставшихъ въ жестокихъ формахъ обрушивается на коммунистовъ, агентовъ продовольственныхъ органовъ, на продовольственные отряды и всѣхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ тѣсныхъ политическихъ сношеніяхъ съ коммунистами или въ сочувствіи имъ.

Въ февралѣ 1921 года по подсчетамъ Всероссійской «чрезвычайки» возстаніями (въ различной мѣрѣ) были охвачены 118 уѣздовъ, причемъ возставшими было занято отъ 12 до 15 городовъ. Наибольшей устойчивостью и длительностью отличалось возстаніе въ Тамбовской губерніи, наибольшей силой — Западно-Сибирское. О первомъ я говорить не буду: на страницахъ «Революціонной Россіи» ему была дана полная и вѣрная характеристика моимъ знакомымъ соц.-револ., спеціально ѣздившимъ въ Тамбовскую губернію, для выясненія характера движенія. О второмъ я передамъ со словъ лица, имѣвшаго близкое отношеніе къ нему.

Это возстаніе, совершенно неизвѣстное заграницей, представляетъ интересъ цѣлымъ рядомъ вскрывшихся въ немъ чертъ современной крестьянской психологіи.

Западно-Сибирское возстаніе крестьянъ, вспыхнуло въ первой половинѣ февраля (1921 г.) въ селѣ Голышманово (около станціи того-же имени по Тюмень-Омской ж. д. Ишимскаго уѣзда). Повстанцами немедленно была занята станція и на ней маршрутный поѣздъ, въ составѣ котораго находился вагонъ съ винтовками и вагонъ съ патронами. Возстанію несомнѣнно предшествовали какія-то организаціонныя дѣйствія, неизвѣстно кѣмъ начатыя и кѣмъ поддерживавшіяся. Объ организаціи говоритъ и связь «по веревочкѣ», существовавшая между селами, и быстрый широкій откликъ на возстаніе въ Голышмановѣ; не случайнымъ былъ и захватъ вагоновъ съ оружіемъ. Изъ Голышманова возстаніе съ быстротой степного пожара перекинулось на уѣзды Ишимскій и Ялуторовскій, захваченные цѣликомъ и на часть уѣздовъ Тюменьскаго, Тюкалинскаго, Тобольскаго, Камышловскаго, Шадринскаго, Петропавловскаго, Кокчетаевскаго, Атбасарскаго и Славгородскаго. Слабые отзвуки были и въ удаленныхъ уѣздахъ — Минусинскомъ и Маріинскомъ. Черезъ три-четыре дня послѣ начала возстанія въ Голышманово, киргизской конницей былъ занятъ Петропавловскъ. Послѣ были заняты города Ялуторовскъ и Кокчетовъ. Петропавловскъ и Ялуторовскъ повстанцы отдали краснымъ войскамъ только послѣ боевъ, Кокчетовъ былъ оставленъ ими безъ всякаго давленія, ибо онъ сознательно занимался лишь на нѣсколько часовъ, чтобы вывезти оттуда оружіе и военное снаряженіе. Оружіе и патроны изъ всѣхъ городовъ были вы-

везены полностью, причемъ повстанцамъ достались не только ружья и пулеметы, но и нѣсколько орудій.

Въ составѣ повстанцевъ намѣтились четыре военныхъ группы: Тюменско-Ишимская,Петропавловско-Кокчетовская, Тобольско- Тюкалинская и Шадринско-Камышловская. Наиболѣе организованной была вторая группа, руководившаяся офицеромъ Бѣловымъ (кажется,генераломъ).Въ ней вмѣстѣ дѣйствовали казаки,киргизы и крестьяне; имѣлось много офицеровъ, былъ даже офицерскій полкъ, насчитывавшій нѣсколько сотъ бойцовъ. Офицеры въ эту группу набрались частью изъ арміи Колчака во время ея отступленія, частью изъ Омскаго концентраціоннаго лагеря, изъ котораго лѣтомъ и осенью 1920 года были массовые побѣги, производившіеся при содѣйствіи по преимуществу киргизовъ. Офицеры до возстанія работали грузчиками на пристаняхъ, жили у крестьянъ въ работникахъ, скрывались на заимкахъ, а иногда и прямо въ стогахъ соломы въ степи. Крестьяне не знали, что они офицеры, но не выдавали ихъ и кормили.

Остальныя три группы повстанцевъ не имѣли общихъ руководителей. Во главѣ отдѣльныхъ отрядовъ стояли обычно унтеръ-офицеры прежней русской арміи, лишь изрѣдка отрядами командовали офицеры. Къ послѣднимъ повстанцы въ своей массѣ относились съ крайнимъ недовѣріемъ. Причиной были недобрыя воспоминанія, оставшіяся у населенія отъ поведенія офицеровъ во время Колчаковскаго царствованія. Къ непосредственному дѣйствію тяжелыхъ воспоминаній присоединялась еще боязнь, что въ случаѣ удачи возстанія политическое руководство опять перейдетъ къ какому-нибудь генералу, если во главѣ движенія будутъ стоять офицеры. Незадолго передъ возстаніемъ въ нѣкоторыхъ селахъ Ишимскаго уѣзда появились люди въ прежней офицерской формѣ (съ погонами), звавшіе крестьянъ на возстаніе. Это были провокаторы, подосланные Омской чрезвычайкой, до которой доходили глухія вѣсти о подготовляющемся возстаніи. Крестьяне отнеслись къ офицерамъ съ недовѣріемъ, хотя и не думали, что они провокаторы. «Если вы имѣете власть», говорило имъ населеніе, «то мобилизуйте насъ, а добровольно мы съ вашимъ братомъ — офицеромъ — не пойдемъ»...

Отвергая офицеровъ, какъ политически невѣрную и опасную силу, повстанцы цѣнили ихъ, какъ спеціалистовъ техниковъ и потому передъ возстаніемъ были случаи привлеченія офицеровъ,

которыхъ крестьяне знали и которымъ политически вѣрили, путемъ спеціальныхъ делегацій.

Въ мѣстностяхъ, оказавшихся во власти повстанцевъ, были испорчены ж. д. пути, порваны телеграфные провода и началось жестокое истребленіе всѣхъ коммунистовъ, всѣхъ активныхъ дѣятелей по проведенію политики совѣтской власти, всѣхъ подозрѣваемыхъ въ сочувствіи коммунистамъ. Избіенію подвергались и переселенцы послѣдняго времени изъ голодныхъ мѣстъ. Не встрѣчая сочувствія въ населеніи, переселенцы опирались на власть. Гнѣвъ повстанцевъ распространился и на нихъ. Въ рядѣ большихъ селъ общее число убитыхъ опредѣлялось сотнями, доходя до 700 человѣкъ. Жестокости были проявлены невѣроятныя... Когда красныя войска начали наступленіе, повстанцы защищались упорно. Нѣкоторыя села переходили изъ рукъ въ руки по 7-8 разъ. Въ сраженіяхъ принимали участіе дѣти, женщины, старики. Когда повстанцы были вынуждены отступать, изъ родныхъ селъ уходили зачастую *всѣ*. Въ громадныхъ селеніяхъ не оставалось ни души.

Усмирители дѣйствовали не менѣе жестоко, чѣмъ повстанцы. Общимъ правиломъ были *поголовные* разстрѣлы членовъ семей, изъ которыхъ кто-нибудь принималъ участіе въ возстаніи. Не щадились ни старики, не слѣзавшіе съ печей отъ дряхлости, ни грудные младенцы. Когда въ помощь къ отрядамъ особаго назначенія, расправлявшимся съ населеніемъ, были двинуты войска изъ гарнизоновъ Томска, Омска, Челябинска и Перми и они увидѣли пріемы усмиренія, на сторону повстанцевъ, по подсчетамъ коммунистовъ, ушло до 17.000 солдатъ уроженцевъ района возстанія.

Возстаніе на двѣ недѣли (съ перваго по 15-ое марта) отрѣзало телеграфное и желѣзно-дорожное сообщеніе Сибири съ Европейской Россіей. Повстанцы въ концѣ концовъ были частью разбиты, частью оттѣснены отъ желѣзныхъ дорогъ. Возстаніе, однако, не было подавлено: въ концѣ марта повстанцы снова перешли въ наступленіе и подошли къ линіи желѣзныхъ дорогъ. Тутъ они были разбиты снова, и возстаніе затихло. Часть повстанцевъ вернулась по домамъ, часть была арестована, наиболѣе непримиримые ушли въ лѣса и степи. Значительная часть повстанцевъ изъ Петропавловско-Кокчетаевской группы докатилась до озера Зайсанъ (на границѣ съ Китаемъ) и тамъ куда-то исчезла.

Главный очагъ возстанія имѣлъ отвѣтвленія. Я уже упоминалъ объ одномъ изъ нихъ — въ Маріинскомъ и Минусинскомъ уѣздахъ. Второе пошло по трактамъ изъ Тюмени и Омска къ Тобольску, Березову, Обдорску. Въ этомъ направленіи были заняты города Тобольскъ, Березовъ, Сургутъ и полусело — полугородъ Обдорскъ. Тобольскъ въ рукахъ повстанцевъ находился въ теченіи полутора мѣсяцевъ.

Большую роль въ возстаніяхъ сыграли демобилизованные солдаты, которые въ значительномъ количествѣ (6 возрастовъ) были распущены за мѣсяцъ-два до возстанія. Попутно отмѣчу, что солдаты-же сыграли роль иниціаторовъ возстанія въ мартѣ-апрѣлѣ 1921 г. въ Саратовской, Самарской и Воронежской губерніяхъ. Вернувшись съ фронта и найдя разгромленными свои хозяйства, арестованными родныхъ и близкихъ, голодающими семьи, не имѣя для себя продовольствія (при «отъемѣ» находившіеся въ войскахъ во вниманіе не принимались и потому продовольствіе, если и оставлялось крестьянамъ, то только на наличныхъ ѣдоковъ), солдаты не «стерпѣли» и схватились за оружіе.

Рядъ характерныхъ чертъ глядитъ уже изъ этой внѣшней бѣглой исторіи движенія. Останавливаетъ вниманіе прежде всего фактъ извѣстной организованности, отсутствовавшей въ крестьянскихъ возстаніяхъ прежняго времени. Организованность была и въ Тульскомъ возстаніи 1920 г., и въ Вельскомъ 1921 года, и въ подготовлявшемся во имя поддержки Кронштадта большомъ возстаніи въ одной губерніи, прилегающей къ Петроградской. *) Организаціонныя дѣйствія ведутся самими крестьянами. Интеллигенція или не принимаетъ въ нихъ участія вовсе, или принимаетъ лишь ничтожное. Не ей во всякомъ случаѣ принадлежитъ руководящая роль.

Возставшіе владѣютъ въ извѣстной мѣрѣ техникой военныхъ дѣйствій, во всякомъ случаѣ они прекрасно понимаютъ значеніе военно-техническихъ знаній и оттого мы видимъ здѣсь отряды, начальниковъ отрядовъ, примитивныя команды развѣдчиковъ и команды связи. По этой-же причинѣ мы встрѣчаемся съ спеціальными усиліями крестьянства по привлеченію на свою сторону извѣстныхъ имъ офицеровъ, какъ обладающихъ военно-техниче-

---

*) Возстаніе не состоялось, такъ какъ къ моменту его начала (20 марта) Кронштадтъ уже палъ.

скими свѣдѣніями. Нерѣдко повстанцы ставятъ передъ собой опредѣленныя стратегическія задачи въ видѣ овладѣнія тѣмъ или инымъ важнымъ пунктомъ. Въ Тульскомъ возстаніи это была большая и дѣйствительно важная узловая станція, въ Вельскомъ — городъ Вельскъ, въ поволжскомъ возстаніи — городъ Хвалынскъ, у котораго была намѣчена переправа въ Заволжскія степи въ случаѣ неудачи возстанія. Овладѣніе стратегически важными пунктами ставилось и въ упоминавшемся несостоявшемся возстаніи. Ни одной изъ этихъ чертъ не было въ крестьянскихъ возстаніяхъ 1902 года и въ возстаніяхъ 1905-07 годовъ.

Организаторы возстанія знаютъ важность и яснаго представленія у участниковъ борьбы ея цѣлей. Мы встрѣчаемъ поэтому въ районахъ возстанія знамена съ лозунгами, прокламаціи, митинги, въ Тамбовскомъ возстаніи была даже газета. Не очень-то грамотными получаются печатныя произведенія повстанцевъ, неопредѣленными и даже сумбурными часто выходятъ лозунги на ихъ знаменахъ, бѣдны содержаніемъ митинги, но самымъ фактомъ своего существованія эти новыя для крестьянскихъ возстаній явленія говорятъ о двинувшемся впередъ сознаніи крестьянства.

Второй чертой въ описанныхъ возстаніяхъ является недовѣріе къ офицерству, вызванное прежнимъ поведеніемъ въ отношеніи къ гражданскому населенію «героевъ тыла» въ арміяхъ Колчака и Деникина и офицерскими государственными переворотами. Реакціонная часть офицерства, которая, къ сожалѣнію, была и остается безконечно болѣе активной, чѣмъ офицерскіе демократическіе круги, во время революціи много и преступно поработала, чтобы создать новыя основанія для подозрительнаго отношенія крестьянства къ русскому офицерскому корпусу. Крестьянство «жалѣетъ» офицеровъ, когда они находятся въ бѣдѣ, оно укрываетъ и кормитъ ихъ, когда они скрываются, но политическаго довѣрія къ нимъ нѣтъ.

Не пріемлютъ крестьяне и военнаго диктатора — этотъ мотивъ звучитъ ясно въ той мотивировкѣ, по которой отвергалось соучастіе въ возстаніи неизвѣстныхъ офицеровъ.

Третьей чертой является широта возстанія, его стремительно бурное распространеніе и упорство повстанцевъ въ борьбѣ. Должно было много накопиться горючаго и легко воспламеняющагося матеріала, чтобы пожаръ такъ быстро росъ, получилъ-бы такіе

большіе размѣры и такъ упорно длился. Въ населеніи должна была накопиться широкая и жгучая ненависть къ власти, чтобы оно расправлялось со всѣми дѣйствительными и только подозрѣваемыми сторонниками власти такъ жестоко, какъ расправлялось оно. «Долой коммунистовъ» — повстанцы понимали этотъ лозунгъ не только какъ удаленіе коммунистовъ отъ власти, но и какъ призывъ къ уничтоженію ихъ... Коммунисты уничтожались съ какой-то неумолимой послѣдовательностью. На нихъ смотрѣли, какъ на какую-то особую породу, которой нѣтъ мѣста на землѣ». *)

Перейдемъ теперь къ послѣднему виду крестьянской борьбы — къ партизанскимъ отрядамъ, именуемымъ на оффиціальномъ языкѣ «бандами».

Партизанскіе отряды рекрутируются почти исключительно изъ крестьянства. Въ нихъ наиболѣе волевая, смѣлая и свободолюбивая часть деревни. По умственному развитію участники отрядовъ далеко не верхи деревни. Зачастую они являются подлинными представителями *низовъ* деревни, не только умственныхъ, но и моральныхъ. Міровая и гражданская война пріучила населеніе къ оружію, огрубила нравы, вызвала оцѣнку своей и чужой жизни въ «копейку» и оттого резервы, изъ которыхъ пополняется современная вооруженная «вольница» Россіи, прямо необъятны. Человѣкъ съ устремленіями и свойствами, необходимыми для начальника партизанскаго отряда, можетъ быстро и въ любомъ пунктѣ Россіи создать отрядъ: человѣческій исполнительный матеріалъ вездѣ въ изобиліи. Число партизанскихъ отрядовъ въ современной Россіи неисчислимо.

Въ сводкѣ за январь-мартъ 1921 г. «особаго штаба по борьбѣ съ повстанческимъ движеніемъ» Украины въ 8 губерніяхъ послѣдней показано 29 отрядовъ съ числомъ постоянно вооруженныхъ людей, составляющихъ кадры отрядовъ, почти въ 13.000 человѣкъ. Отряды обладали не только пулеметами, но и пушками. Наиболѣе крупный изъ нихъ имѣлъ даже 2 броневика. Изъ отрядовъ, число пулеметовъ въ которыхъ извѣстно, 10 при составѣ въ 6.100 человѣкъ имѣли 162 пулемета, а 14 отрядовъ съ извѣстнымъ количествомъ пушекъ, при составѣ въ 9.100 человѣкъ

---

*) «Революціонная Россія», № 14-15, стр. 36, статья Н. А. Обраковскаго — «Тобольское анти-коммунистическое крестьянское возстаніе первой половины 1921 г.».

имѣли 37 орудій. Помимо кадровъ всѣ отряды имѣли обильные резервы, которые каждый день могли быть вызваны на поле военныхъ дѣйствій. О размѣрѣ этихъ резервовъ могутъ дать представленіе слѣдующія цифры, выведенныя мной изъ оффиціальной сводки: 7 отрядовъ съ кадрами въ 5.500 человѣкъ при большихъ операціяхъ увеличивались до 21.700 человѣкъ, т. е., почти *учетверялись*. Если это соотношеніе между бойцами въ строю и бойцами, находящимися, такъ сказать, въ отпускѣ, принять для всѣхъ 29 отрядовъ, то ихъ живая сила увеличится до 50.000 человѣкъ.

Приведенныя въ сводкѣ цифры, однако, далеко не полны. Такъ, по Харьковской губерніи сводка насчитываетъ только три отряда, а въ маѣ мѣсяцѣ 1921 г. ихъ число по даннымъ Харьковской «чрезвычайки» доходило до 150. Сводка показываетъ кадры отрядовъ въ 850 человѣкъ, а Харьковская чрезвычайка считала количество бойцовъ въ нѣкоторыхъ отрядахъ *тысячами*. И она, повидимому, не ошибалась: одному моему другу пришлось быть въ районѣ операцій одного изъ отрядовъ Харьковской губерніи и онъ утверждаетъ, что «тачанки», на которыхъ ѣхала пѣхота отряда и везлось его имущество сплошной движущейся лентой (въ одну повозку) ѣхали черезъ мостъ въ теченіи четырехъ часовъ. «Чрезвычайка», повидимому, не ошибалась, ибо въ маѣ 1921 г. отрядъ красныхъ курсантовъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ при пулеметахъ и орудіяхъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Харькова, былъ уничтоженъ какимъ-то отрядомъ повстанцевъ почти цѣликомъ — спаслись единицы.

Повстанческіе отряды сосредоточиваются преимущественно на Украинѣ, но въ большомъ количествѣ они были въ 1921 году въ Крыму, на Дону и Кубани, въ губерніяхъ Ставропольской, Воронежской, Тамбовской, Саратовской, Самарской. Они существовали также въ губерніяхъ Костромской, Ярославской, Вологодской, Уфимской, Алтайской, Томской, Омской, Иркутской, Уральской, Астраханской, Минской, Олонецкой, Смоленской. Вѣроятно, въ Россіи найдется очень немного губерній, въ которыхъ повстанческихъ отрядовъ не было-бы вовсе. Въ зимнее время ихъ число, какъ правило, уменьшается, съ весной быстро и сильно увеличивается. Вотъ, напримѣръ, сообщеніе агента Комиссаріата Земледѣлія: «съ весной (1921 г.) нормальная работа въ Воронежской губерніи сдѣлалась невозможной, ибо въ губерніи

нѣтъ волости, въ которой-бы не было своей бандитской шайки». На Кубани въ апрѣлѣ-маѣ минувшаго года количество бойцовъ въ отрядахъ «зеленыхъ» (активныхъ) исчислялось Екатеринодарской «чрезвычайкой» въ 40-50 тысячъ человѣкъ.

Въ отвѣтъ на политику совѣтской власти крестьянство Россіи выдѣлило въ видѣ повстанческихъ отрядовъ значительную армію, всегда вооруженную и находящуюся въ постоянномъ бою. Невозможно установить ея численность, но она безусловно не ниже 150.000 человѣкъ.

Дѣйствія повстанческихъ отрядовъ опредѣляются ненавистью къ власти и защитой деревни. Они нападаютъ на города, станціи, поѣзда, продовольственные и фуражные склады, на совѣтскія хозяйства, иногда на коммуны. Коммунисты при этихъ нападеніяхъ вырѣзаются поголовно. Хлѣбъ и фуражъ на складахъ сжигается, раздается крестьянамъ, увозится отрядами, скотъ изъ совѣтскихъ хозяйствъ и коммунъ уводится. Отряды разбираютъ рельсы на желѣзныхъ дорогахъ, взрываютъ мосты, устраиваютъ крушенія воинскихъ поѣздовъ. Объектомъ ихъ напряженнаго вниманія являются также карательные, реквизиціонные и продовольственные отряды, оперирующіе въ деревняхъ. Они выбиваются, какъ и коммунисты. Въ сельскихъ мѣстностяхъ безъ вѣсти исчезаютъ отряды власти даже въ сотни человѣкъ. Изъ-за дѣйствій этихъ отрядовъ въ цѣломъ рядѣ губерній (особенно на Украинѣ) фактическій районъ совѣтской власти ограничивается только городами и линіей желѣзныхъ дорогъ. Не крѣпко положеніе власти и въ уѣздахъ. По упоминавшейся оффиціальной сводкѣ отрядами повстанцевъ въ разное время и на разные сроки были заняты 21 городъ, въ томъ числѣ три губернскихъ (Житоміръ, Черниговъ, Полтава). Въ маѣ мѣсяцѣ 1921 года паническое состояніе переживалъ даже центръ «Украинской Соціалистической Совѣтской Республики» — Харьковъ. Дача главы Украинскаго Правительства Раковскаго подверглась нападенію и самъ Раковскій не былъ захваченъ только случайно. Въ другомъ углу Россіи въ маѣ мѣсяцѣ 1921 года координированно дѣйствовшіе повстанческіе отряды Попова, Сапожкова, Сафонова, Сарафанкина, Вавулина и часть отрядовъ Антонова подходили на 25 верстъ къ Саратову.

Партизанскіе отряды пользуются, какъ правило, активнымъ сочувствіемъ крестьянства. Крестьяне ихъ кормятъ, при нуждѣ

укрываютъ, даютъ лошадей для передвиженія, несутъ развѣдку и т. д. Сложные вопросы довольствія, квартированія, передвиженія, охраны при широкомъ сочувствіи сельскаго населенія для партизанскихъ отрядовъ рѣшаются просто. Этимъ-же сочувствіемъ крестьянъ объясняется и неуловимость отрядовъ.

Разрушительное дѣйствіе «партизановъ» на общественную жизнь страны огромно: сколько-нибудь нормально она идти не можетъ. Этому мѣшаетъ и состояніе власти, чувствующей себя точно въ осажденной крѣпости и подъ постоянной угрозой смерти, и безпрерывная порча желѣзныхъ дорогъ, и захватъ узловыхъ станцій, и грабежъ продовольственныхъ поѣздовъ и складовъ, и уничтоженіе совѣтскихъ хозяйствъ и т. д.

Широкихъ, государственно организующихъ идей повстанцы лишены. Всѣ ихъ силы и все вниманіе уходитъ, какъ на войнѣ, на уничтоженіе врага и на нанесеніе возможно большаго матеріальнаго ущерба ему. Для партизановъ совершенно не важно, что принадлежащее врагу — власти является одновременно добромъ народа — друга. Не протестуетъ противъ гибели и порчи своего достоянія и послѣдній: онъ самъ чувствуетъ себя въ состояніи войны и потому ущербъ врагу, хотя-бы онъ связывался и съ собственными потерями, народъ понимаетъ и оправдываетъ. А въ результатѣ народное хозяйство страны еще стремительнѣе катится въ бездну.

Всѣ перечисленные виды прямой борьбы крестьянства съ властью лишаютъ русскую общественную жизнь и тѣни организованности и упорядоченности. Она—сплошной хаосъ.Въ ней царитъ «хроническій безпорядокъ» и власть безпрестанно мечется изъ края въ край огромныхъ равнинъ, пытаясь задавить вооруженныя дѣйствія селъ и создать хоть-бы видимость государственнаго порядка. Въ городахъ и по линіямъ желѣзныхъ дорогъ это въ концѣ концовъ удавалось ей, но только въ этихъ мѣстахъ.

Въ борьбу съ властью въ легальныхъ формахъ крестьянство вступало не разъ и не въ одномъ мѣстѣ. Слѣдуетъ признать, однако, что этотъ видъ борьбы, требующій для своего успѣха гораздо большей сознательности и организованности въ широкихъ кругахъ крестьянства, чѣмъ борьба вооруженная, мало удавался деревнѣ. Этотъ видъ борьбы порой захватывалъ широкіе районы сельской Россіи, но никогда эти районы не были связаны другъ съ другомъ. Легальная *организованная* борьба не охватывала да-

же предѣловъ одной губерніи. Максимумъ достиженія въ ней ограничивался предѣлами уѣзда.Немного было и такихъ уѣздовъ. Волости весьма часто сплачивались въ легальной борьбѣ съ коммунистами и дружнымъ, нерѣдко весьма стойкимъ поведеніемъ крестьянъ во время выборовъ волостного совдепа, коммунисты выбрасывались изъ послѣднихъ начисто. Но каждая волость дѣйствовала сама по себѣ. Иногда этимъ массовымъ и легальнымъ движеніемъ противъ коммунистовъ въ волостяхъ охватывались цѣлые уѣзды и тогда уѣздные съѣзды совѣтовъ проходили подъ знакомъ рѣзкой и твердой борьбы съ коммунистами. Бурные съѣзды порой кончались выбрасываніемъ коммунистовъ и изъ уѣздныхъ совдеповъ. Но на уѣздѣ побѣда и кончалась. Въ губерскихъ съѣздахъ совѣтовъ крестьянской оппозиціи ни разу не удалось добиться своего. Ее запугивали словесными угрозами, вводомъ въ залъ засѣданія вооруженной силы, арестомъ; ее сбивали техникой веденія собраній, исключали изъ состава съѣзда; при помощи введенныхъ властью «маргариновыхъ» депутатовъ ее подавляли большинствомъ. Не знаю ни одного случая, когдабы крестьянству изъ своихъ представителей удалось-бы создать губернскій исполнительный комитетъ и провести своихъ антикоммунистическихъ делегатовъ на Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ. Лишенные интеллигенціи, крестьянскіе депутаты на губернскихъ съѣздахъ были рыхло связаны, медленно оріентировались въ обсуждаемыхъ вопросахъ и принимаемыхъ рѣшеніяхъ, въ мандатной комиссіи они или отсутствовали, или были въ меньшинствѣ, президіумъ съѣзда былъ не ихъ и т. д. Побѣда въ губернскихъ центрахъ при такихъ условіяхъ для крестьянъ была невозможна. Ея и не бывало.

При такихъ условіяхъ волостныя и даже уѣздныя побѣды не давали крестьянству ничего. Поведеніе уѣзда диктовалось губерніей и уѣздные исполнительные комитеты, даже составленные изъ анти-коммунистовъ, были безсильны противодѣйствовать политикѣ губернскихъ органовъ. Еще меньше мѣнялось положеніе дѣлъ въ волостяхъ. И у крестьянъ наступало разочарованіе: коммунисты-ли сидятъ въ волостномъ или уѣздномъ «исполкомѣ», антикоммунисты — результатъ одинъ. При слѣдующихъ выборахъ деревня уже не сопротивлялась составамъ исполнительныхъ комитетовъ,предлагавшихся властью. Въ «исполкомъ» снова проходили коммунисты или сочувствовавшие имъ.

На безпартійныхъ крестьянскихъ конференціяхъ (уѣздныхъ и губернскихъ), выборы на которыя всегда проходили подъ гораздо меньшимъ давленіемъ власти, поведеніе крестьянъ всегда бывало болѣе отрицательнымъ и бурнымъ, чѣмъ на съѣздахъ совѣтовъ. Крестьянская критика власти часто бывала здѣсь и рѣзкой, и смѣлой. Нерѣдко конференціи превращались въ сплошную демонстрацію противъ власти: коммунистамъ не давали говорить, отвергали ихъ резолюціи, раздавались свистки, выкрики, ругань. Особенно яркими были уѣздныя и губернскія конференціи крестьянъ Московской губерніи въ концѣ 1920 года. На губернской конференціи крестьянскіе делегаты не давали говорить даже отвѣтственнѣйшимъ коммунистамъ (напр., Сосновскому). Обычные демагогическіе выпады представителей власти покрывались громомъ протестующихъ криковъ. На этомъ съѣздѣ было произнесено нѣсколько злыхъ и остроумныхъ крестьянскихъ рѣчей на тему о положеніи крестьянства въ Совѣтской Россіи и о его «завоеваніяхъ» отъ октябрьской революціи. Москва долго и оживленно цитировала одно мѣсто изъ такой рѣчи: «Земля теперь наша — это вѣрно, но хлѣбушко съ нее вашъ», говорилъ ораторъ, обращаясь къ коммунистическому президіуму. «Лѣса тоже наши, но дрова изъ нихъ ваши; и луга наши, а сѣно съ нихъ ваше, даже рѣки объявлены для насъ, но рыба... она вся для васъ»... Съѣздъ былъ закрытъ раньше, чѣмъ закончилъ свои работы. За нимъ послѣдовали аресты. Арестованныхъ оказалось сотни. Въ Московскую чрезвычайку, въ которой въ то время довелось сидѣть и мнѣ, крестьяне вваливались «поуѣздно», цѣлыми отрядами въ 40-60-80 человѣкъ. Въ теченіи двухъ дней подвалы Московской «чрезвычайки» и ея тюрьма въ Б. Кисельномъ переулкѣ были переполнены можайцами, рузцами, серпуховцами, клинцами, дмитровцами и т. д. Представлены были всѣ уѣзды губерніи. Интеллигенція въ составѣ арестованныхъ почти отсутствовала.

Гораздо больше организованности и стойкости проявляютъ крестьяне на кооперативныхъ собраніяхъ и съѣздахъ. Большихъ и результатовъ они добиваются на нихъ. Побѣда коммунистовъ здѣсь почти невозможна, и когда они хотятъ избѣжать провала, у нихъ въ распоряженіи только одинъ выходъ: закрыть съѣздъ (собраніе). У крестьянства здѣсь всегда находятся интеллигентные лидеры и крестьянская оппозиція выступаетъ сплоченно, голосуетъ дружно. Техникой веденія собраній ее ужъ

не собьешь, коммунистическаго президіума тутъ не провести, «ловкость рукъ» мандатной комиссіи становится невозможной. Если формально свободная кооперація получитъ въ Россіи возможность развиваться, крестьянство въ лицѣ кооперативовъ и особенно ихъ союзовъ получитъ свои центры, около которыхъ его организація пойдетъ широко.

Заканчивая на этомъ о легальной крестьянской борьбѣ, отмѣчу, что съ конца 1920 года, а въ особенности съ начала 1921 года, въ деревнѣ, по ея собственному выраженію, стало «громче»: критика власти сдѣлалась чаще и рѣзче, уѣздные и губернскіе съѣзды съ бурной крестьянской оппозиціей — обычнѣй, выбрасываніе коммунистовъ изъ волостныхъ совдеповъ—шире. Съ этого же періода замѣтны оживленныя крестьянскія попытки по созданію длительныхъ политическихъ организацій.

Въ февралѣ 1921 года я получилъ свѣдѣнія изъ всероссійской «чрезвычайки», что въ предшествующемъ мѣсяцѣ главное вниманіе руководящихъ круговъ «чеки» было сосредоточено на крестьянскихъ попыткахъ создать свои собственныя политическія организаціи. Матеріалы, полученные Всероссійской «чекой» отъ ея мѣстныхъ органовъ, позволяли ей утверждать фактъ многочисленности этихъ попытокъ и затронутости ими самыхъ удаленныхъ другъ отъ друга мѣстъ. Чрезвычайка называла губерніи Московскую, Петроградскую, Вологодскую, Ярославскую, Пермскую, Алтайскую, Тверскую, Кубань, Акмолинскую область. Всего называлось 12 губерній и областей. Движеніемъ былъ заинтересованъ самъ глава «чеки» Дзержинскій. Анализъ матеріаловъ производился при его ближайшемъ участіи. Мнѣ извѣстно содержаніе двухъ разговоровъ, которые на тему объ этомъ крестьянскомъ политическомъ движеніи Дзержинскій велъ съ X. Въ первомъ разговорѣ Дзержинскій заявилъ, что въ движеніи онъ чувствуетъ чью то руководящую руку. Его подозрѣніе пало на партію с. р. При второмъ разговорѣ Дзержинскій заявилъ, что его подозрѣніе было ошибочнымъ. Изученіе прежнихъ и вновь полученныхъ матеріаловъ объ этомъ движеніи показываетъ автономно-мѣстный характеръ всѣхъ попытокъ. Общаго направляющаго вліянія не чувствуется. Платформы и программы этихъ организацій рѣзко расходились между собой. Въ области политическихъ задачъ разницы почти не было: основнымъ пунктомъ

ебованій почти вездѣ было Учредительное Собраніе. Другую ртину представляли соціально-экономическія требованія: ѣсь, напримѣръ, по земельному вопросу, требованія колебались широкихъ предѣлахъ отъ соціализаціи до неограниченной чаной собственности.

По моимъ свѣдѣніямъ районъ, захваченный движеніемъ, о коромъ идетъ рѣчь, былъ шире, чѣмъ онъ опредѣлялся Всеросйской «чекой»: въ него уже въ февралѣ мѣсяцѣ входило 14 губерній и областей, въ дальнѣйшемъ онъ увеличился еще больше. ъ концу 1921 года онъ слагался не менѣе чѣмъ изъ 22 губерій. Характернымъ являлось то обстоятельство, что движеніемъ чти не была затронута малорусская вѣтвь русскаго народа: но сосредоточивалось почти исключительно въ мѣстахъ разсеенія великорусскаго племени. Гораздо болѣе спокойное въ смыслѣ прямой партизанской борьбы съ властью, великорусское племя организовывалось прочнѣй и шире, чѣмъ малорусское, ожесточенно бившееся съ властью съ оружіемъ въ рукахъ и кипѣвшее въ огнѣ безпрерывныхъ возстаній.

Крестьянствомъ были сдѣланы попытки организовать и леальныя организаціи смѣшаннаго, полу-профессіональнаго, пову-политическаго характера. Требованіе допустить существованіе такихъ организацій усиленно выдвигалось крестьянами на упоминавшейся выше губернской Московской конференціи конца 1920 года, на Вологодскомъ губернскомъ съѣздѣ совѣтовъ въ началѣ 1921 г. и на рядѣ уѣздныхъ и волостныхъ безпартійныхъ конференцій крестьянъ. Въ Вельскѣ (во второй половинѣ 1920 г.) такой союзъ былъ даже созданъ. Онъ быстро пріобрѣлъ огромную популярность среди крестьянъ уѣзда и скоро вышелъ за предѣлы послѣдняго — его вліяніе начало распространяться на крестьянъ Кадниковскаго, Тотемскаго, Яренскаго и Шенкурскаго уѣздовъ. Потомъ власть спохватилась и союзъ былъ разгромленъ. Его инціаторы были арестованы, судимы и осуждены.

Идея собственныхъ политическихъ организацій среди крестьянства чрезвычайно популярна, объ этомъ мнѣ утверждали буквально *всѣ* собесѣдники, связанные съ деревней. Съ точки зрѣнія крестьянской массы основная задача организацій сводится къ борьбѣ съ совѣтской властью и къ ея сверженію. Болѣе раз-

витая часть деревни смотритъ дальше и думаетъ, что главное значеніе этихъ организацій будетъ не столько въ сверженіи власти, сколько въ политической жизни будущей Россіи: противобольшевистская революція произойдетъ стихійно, ибо революцій, вызываемыхъ организованными группами еще не было, а вотъ строить будущую Россію придется именно политически организованнымъ силамъ. Однако, и умственные «верхи» деревни считаютъ, что антибольшевистская революція придетъ тѣмъ скорѣе, и пройдетъ тѣмъ спорѣе, чѣмъ организованнѣе будетъ крестьянство. Они не отрицаютъ также, что созданіе организованныхъ силъ для вооруженной борьбы съ совѣтской властью въ задачи политическихъ организацій обязательно должно входить. Въ эту идею необходимости политическихъ организацій для успѣшной вооруженной борьбы и уперлась крестьянская мысль. Ею можно объяснить и то затишье въ вооруженной борьбѣ 1921 года, которое я констатировалъ выше.

Таковы политическія дѣйствія въ современной Россіи. Перейдемъ теперь къ послѣдней части главы — къ крестьянской политической мысли. Какія сужденія и рѣшенія отложились въ ней въ результатѣ пережитыхъ бурныхъ и тяжелыхъ лѣтъ?

Крестьянская политическая мысль. Первый выводъ, который крестьянская мысль сдѣлала изъ опыта прожитыхъ лѣтъ, утверждаетъ своеобразное и особное положеніе деревни въ составѣ современнаго общества. Специфичны ея интересы, радости, горе, у нея свои враги и свои друзья. Мыслимо, оказывается положеніе, когда рабочій, вооруженный винтовками и пулеметами, идетъ въ деревню грабить ея продукты, созданныя тяжелымъ трудомъ. Разрушивъ своимъ активнымъ содѣйствіемъ власти промышленность, онъ можетъ приниматься за разрушеніе крестьянскаго хозяйства. Пропитанный идеей своего соціальнаго мессіанства, онъ можетъ становиться угнетателемъ крестьянства; онъ можетъ поддерживать власть, которую ненавидитъ крестьянство, и активно помогать въ ея борьбѣ съ деревней, когда ей становится непосильнымъ гнетъ. У рабочаго и крестьянина можетъ быть много общихъ интересовъ, но у нихъ есть и противорѣчивые. Во всякомъ случаѣ, въ одной упряжкѣ имъ не ходить. Конечно, и рабочій и крестьянинъ трудовой народъ, но народъ, выходитъ, разный.

Неувѣренно, но все таки считаю возможнымъ утверждать, что выросло у крестьянства отчужденіе и отъ интеллигенціи. По представленію крестьянства въ годы тягчайшаго гнета интеллигенція оставила его одинокимъ, не помогала ему, не боролась съ нимъ. Вспоминаю мягкую по тонамъ, но горькую по содержанію, жалобу весьма интеллигентнаго крестьянина, который, поймавъ одного изъ моихъ друзей на базарѣ, губернскаго города, говорилъ: «интеллигенція ушла отъ деревни. Всѣ ея прежніе вожди куда то скрылись и помощи деревнѣ нѣтъ ни отъ кого и ниоткуда. Обо всемъ думай и все дѣлай сама. Нянька деревнѣ, конечно, не надобна, но другъ опытный и знающій былъ бы весьма нуженъ. А друзья отвернулись. Видно дружили только до тяжелаго часа». Оцѣнка интеллигента, какъ технической силы, какъ носителя нужныхъ знаній, кажется, увеличилась въ сознаніи крестьянства, но чувство соціальной родственности по моимъ наблюденіямъ ослабѣло. Не сильно это чувство было и раньше, теперь оно сдѣлалось еще слабѣй.

Рѣзко заострилась вражда массового крестьянства къ городу, который можетъ ничего не дѣлать и все таки жить, сидя на крестьянскомъ горбу. Городъ стягиваетъ въ себя деревенскія цѣнности и ничего не даетъ взамѣнъ ихъ. Городъ строитъ театры, мостить камнемъ мостовыя, заводитъ высшія учебныя заведенія, освѣщается электричествомъ — на все это идутъ налоги съ деревни, а деревня какъ слѣпая сидитъ во тьмѣ, утопаетъ въ грязи, голодаетъ и мретъ безъ врача. Городъ всегда меньше деревни работалъ и лучше жилъ.Такое положеніе недопустимо.Деревня должна добиться своихъ правъ,неравноправной съ городомъ она быть не хочетъ. Недопустимо также,чтобы одинъ городъ устанавливалъ власть, а деревня была бы только безмолвной свидѣтельницей переворотовъ, а потомъ страдающимъ лицомъ отъ нихъ.

Острота предшествующихъ выводовъ чувствуется деревней тѣмъ сильнѣй, что она понимаетъ свое исключительное значеніе для жизни въ современной Россіи. Все держится на ней одной. Только она одна работаетъ и производитъ. Всѣ остальные — ея нахлѣбники — непрошенные и нежеланные. За свою созидающую работу, отъ которой вся Россія живетъ, она не только не имѣетъ правъ преимущественныхъ (а они должны-бы быть), но даже равныхъ съ другими. За усиленный противъ другихъ трудъ

она получаетъ только усиленный гнетъ. А результаты этого гнета идутъ на пользу рабочимъ, интеллигенціи, вообще городу. Передъ деревней встаетъ повелительная задача — добиться правъ, которыя соотвѣтствовали-бы ея общественному значенію. Не послѣдней она должна быть, а первой.

Какъ-же деревня можетъ добиться своихъ правъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ совершенно отчетливъ: широкимъ и крѣпкимъ политическимъ объединеніемъ крестьянства въ мощную общественную силу, которая будетъ руководить государственной жизнью. Для этого необходима новая политическая партія, часто называемая союзомъ, которая вобрала-бы въ себя *все* крестьянство и бѣдное, и среднее, и зажиточное. Партія нужна новая, своя, крестьянская. Прежнія не удовлетворяютъ: онѣ далеки, чужды, а главное, онѣ не крестьянскія. Главному по значенію пласту Россіи онѣ удѣляютъ только часть своихъ силъ и заботъ. А неужели-же крестьянство въ земледѣльческой Россіи не достойно стать объектомъ исключительнаго вниманія партіи! Или оно не достаточно сильно, чтобы дать соціальную опору для вліятельной дѣятельности партіи земледѣльческаго труда!.. Мнѣ хорошо извѣстенъ ходъ работъ на нелегальныхъ крестьянскихъ съѣздахъ, происходившихъ въ трехъ различныхъ губерніяхъ въ 1920 и 1921 годахъ. Вопросъ о томъ, подъ знаменами какой партіи вести политическую организацію крестьянства, на двухъ съѣздахъ получилъ единогласное рѣшеніе: подъ знаменами новой *крестьянской* партіи; на третьемъ съѣздѣ такое-же рѣшеніе было вынесено значительнымъ большинствомъ. Характерно, что участники одного съѣзда были исключительно прежніе члены партіи соціалистовъ-революціонеровъ, на другомъ съѣздѣ члены той-же партіи составляли подавляющее большинство, третій съѣздъ по прежней партійной принадлежности его участниковъ былъ неопредѣленнымъ. Большинство участниковъ являлись политически «сырыми».

Крестьянскія программныя требованія, которыя я съумѣлъ подмѣтить, относятся къ землѣ, промышленности и политической жизни. О намѣчающемся рѣшеніи земельнаго вопроса я уже говорилъ. Возстановленіе промышленности мыслится при помощи «хозяевъ» фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ. Безъ нихъ дѣло не пошло и не пойдетъ. Можетъ быть, когда-нибудь народъ заведетъ свои заводы и фабрики, но теперь не можетъ. Хозяева, конечно,

«зажимали» крестьянина и будутъ «зажимать», но ужъ лучше переплатить имъ, да имѣть все нужное, чѣмъ не имѣть ничего. Получать всѣ продукты промышленности изъ заграницы — невыгодно: въ случаѣ войны опять будетъ безтоварье, затѣмъ куда-же дѣнутся русскіе рабочіе? гдѣ-же будетъ имѣть дополнительный заработокъ крестьянинъ? не будетъ своей промышленности, куда пойдетъ избыточное населеніе изъ деревни? Своя промышленность необходима, а безъ «хозяевъ» она не идетъ. Въ крестьянскихъ «верхахъ», тѣсно связанныхъ прошлой работой съ коопераціей, приведенное мной рѣшеніе вопроса о возстановленіи промышленности иногда осложняется и затуманивается кооперативнымъ максимализмомъ, который выдвигаетъ требованіе передачи націонализированныхъ фабрикъ и заводовъ кооперативнымъ организаціямъ. Такіе кооперативные энтузіасты, однако, весьма рѣдки: слишкомъ ужъ очевидно несоотвѣтствіе въ объемѣ задачъ, связанныхъ съ возстановленіемъ промышленности, съ объемомъ силъ и средствъ, которыми располагаетъ и въ близкомъ будущемъ можетъ располагать кооперація.

Политическія требованія исходятъ изъ Учредительнаго Собранія: при его помощи народъ самъ долженъ утвердить порядокъ и законы. Порядокъ не можетъ быть безъ прочной власти. Прочная власть требуетъ одного человѣка, въ рукахъ котораго сосредоточивалась-бы сила и большія права. Такимъ человѣкомъ долженъ быть президентъ,но ни въ коемъ случаѣ не царь. *) Президентъ избирается народомъ, онъ временень, наконецъ, за нимъ можетъ быть установленъ надзоръ, а царь это все равно, что волостной старшина, который-бы правилъ волостью всю жизнь, а послѣ смерти передалъ-бы власть дѣтямъ. Съ такимъ старшиной житья-бы не было. Россія государственно должна быть единой, но народовъ ея угнетать нельзя — пусть каждый думаетъ, вѣруетъ и говоритъ, какъ хочетъ, какъ мать да отецъ научили. Нельзя допускать, чтобы всѣми дѣлами на мѣстахъ управляли чиновники, посылаемые изъ Москвы или Петрограда. Населенію должна быть дана полная свобода въ устройствѣ своихъ мѣстныхъ дѣлъ. Отмѣчу еще двѣ детали въ думахъ и рѣшеніяхъ

*) Монархическихъ симпатій среди крестьянства нѣтъ. Лишь изрѣдка и въ совершенно платонической формѣ вздоховъ они проявляются среди стариковъ. «При царѣ было лучше», говорятъ старики: «и хлѣбъ былъ, и порядокъ, и легче жилось».

чисто политической мысли. Первая изъ нихъ — это отрицательное отношеніе къ генераламъ. Жизнь, вставшимъ во главѣ бѣлаго движенія крестьянства, складывавшаяся въ Сибири при Колчакѣ, на югѣ при Деникинѣ, въ Крыму при Врангелѣ, теперь изъ солдатскихъ устъ хорошо извѣстна деревнѣ. Извѣстны и способы рѣшеній двумя послѣдними земельнаго вопроса и эти знанія создаютъ въ крестьянствѣ отрицательное отношеніе къ генераламъ». — Вторая деталь — это непріятіе (нерѣдко оно переходитъ въ возмущеніе) пропорціональной системы голосованія при выборахъ въ Учредительное Собраніе. «Выбирали не глядя», говорятъ крестьяне. «Ни въ лицо депутата не видали, ни слухомъ о немъ не слыхали, а записки за него подавали. И записки-то не сами писали, а привезли ихъ изъ города готовенькими. Сунули въ руку и кончено».

Всѣ приведенныя рѣшенія крестьянской общественной мысли мною переданы съ тѣмъ содержаніемъ и съ той аргументаціей, съ какими они были подмѣчены мной. Въ нихъ есть искаженіе дѣйствительности, и противорѣчія, и преувеличенія, и, съ точки зрѣнія демократическихъ догматовъ, — антидемократизмъ. Не мое дѣло, однако, критиковать или защищать ихъ. Я передавалъ ихъ такими, какими они отразились въ моемъ воспріятіи. И еще одно замѣчаніе: я передавалъ сужденія, которыя сложились въ коллективной мысли широкихъ слоевъ деревни. Воззрѣнія ея умственныхъ и общественныхъ верхушекъ рафинированнѣй, тоньше отдѣлкой, богаче деталями. Взглядовъ, специфическихъ только для одного верхняго слоя деревни, я не передавалъ. Въ томъ же, что сказано, мнѣніе крестьянской интеллигенціи не расходится съ мнѣніемъ крестьянскихъ массъ. Приведенныя рѣшенія являются общими для «верховъ» и «низовъ» деревни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

РАБОЧІЕ, АРМІЯ, УЧАЩІЕСЯ.

Съ тѣми кругами русскаго населенія, которые указаны въ этой главѣ, я во время жизни въ Россіи былъ связанъ слабо. Свѣдѣнія объ ихъ жизни, настроеніяхъ и формирующихся новыхъ взглядахъ доходили до меня не часто и въ ограниченномъ количествѣ. Вниманіе уходило почти исключительно на взрослыя поколѣнія интеллигенціи и крестьянства. Я находился въ убѣжденіи, что будущее Россіи опредѣлится ими больше, чѣмъ кѣмъ либо другимъ и потому употреблялъ всѣ усилія, чтобы лучше узнать ихъ въ ихъ новыхъ настроеніяхъ и думахъ, чтобы тѣмъ самымъ рѣшить для себя основной вопросъ — жива ли Россія, будетъ ли жить. Вниманія для остальныхъ слоевъ оставалось мало, хотя я считалъ и считаю, что паденіе совѣтской власти начнется, вѣроятно, съ волненій рабочихъ и закончится участіемъ въ нихъ войскъ. Недостаточность матеріаловъ заставляетъ меня механически свести въ одну главу данныя, относящіяся къ такимъ несходнымъ группамъ населенія, какъ рабочіе, армія и учащіеся.

Рабочіе. Въ предѣлахъ своего объемно небольшого интереса къ рабочему классу совѣтской Россіи я чаще другихъ ставилъ передъ собой и собесѣдниками два вопроса: первый — объ отношеніи рабочихъ къ существующей власти, второй — о складывающихся среди нихъ представленіяхъ пути, по которому пойдетъ возрожденіе русской промышленности. Меня интересовало, сохранили ли рабочіе свое прежнее отрицательное отношеніе къ иниціативно-организующей энергіи предпринимателей или у нихъ происходитъ переломъ въ этомъ весьма важномъ пунктѣ ихъ общественныхъ взглядовъ. Будутъ ли рабочіе противодѣйствовать возвращенію «хозяевъ» или они ждутъ его?

Я выѣхалъ изъ Россіи съ твердымъ и опредѣленнымъ отвѣтомъ на первый вопросъ и съ неувѣреннымъ на второй. Основанія для твердаго отвѣта на первый вопросъ давали и положеніе, въ которомъ находились рабочіе, и ихъ прямыя заявленія и дѣйствія.

Положеніе рабочихъ прогрессивно ухудшалось изъ года въ годъ: падало ихъ политическое значеніе, сокращались личныя и публичныя права, уменьшалась реальная заработная плата и систематически, захватывая предпріятіе за предпріятіемъ, удлинялся рабочій день. Недостатокъ въ пищѣ, одеждѣ и топливѣ чувствовался все острѣе. Все сильнѣе разрушалась промышленность. Замиралъ транспортъ. Жить матеріально дѣлалось все труднѣй, гнетъ становился тяжелѣй, репрессіи власти безудержнѣй и шире.

Сначала въ рабочей средѣ господствовалъ взглядъ на всѣ явленія, какъ на временныя и преходящія, жили надежды на «поправку» народнохозяйственной жизни, оставалась вѣра въ ея грядущій подъемъ. Но время шло и надежды таяли. Въ душу заползала тревога. Изъ тревоги выросла увѣренность въ безнадежности положенія и въ необходимости искать новые пути. Продолжающіяся и усиливающіяся репрессіи власти вызвали озлобленіе къ ней. Начались волненія — сначала экономическія, но очень скоро въ нестройномъ хорѣ экономическихъ требованій рабочихъ настойчиво зазвучали и политическіе голоса.

Уже въ концѣ 1920 года романъ рабочихъ съ коммунистической властью можно было увѣренно считать поконченнымъ. Наступила пора не охлажденія, даже не раздраженія, а прямой борьбы. Началась она на рабочихъ конференціяхъ и съѣздахъ, потомъ вышла на площади и улицы.

Показательна была конференція рабочихъ металистовъ Московской губерніи, происходившая въ концѣ января 1921 г. въ Москвѣ. Когда она была открыта, первый же ораторъ-рабочій выступилъ съ заявленіемъ, что работы конференціи могутъ быть продуктивны лишь въ томъ случаѣ, если для ея участниковъ будетъ гарантирована свобода слова и неприкосновенность личности за ихъ выступленія на конференціи. Предсѣдатель — имъ былъ видный коммунистъ и бывшій предсѣдатель Московскаго «совдепа» Смидовичъ — далъ торжественное обѣщаніе гарантіи. Языки рабочихъ развязались и полились страстныя негодую-

шія рѣчи. Ораторы перечисляли преступленія коммунистовъ противъ страны, рабочихъ, противъ ихъ собственныхъ принциповъ и обѣщаній. Фигурировали опредѣленія коммунистовъ, какъ лжецовъ, воровъ, губителей народа. Рѣчи кончались указаніемъ на неизбѣжность и желательность паденія совѣтской власти,причемъ утверждалось, что чѣмъ скорѣе паденіе произойдетъ, тѣмъ легче для народнаго хозяйства, для рабочихъ, для крестьянъ. Предсѣдатель нѣсколько разъ пытался прерывать ораторовъ, но конференція всякій разъ бурно протестовала. Раздавались крики: «Дай говорить.. не мѣшай... дай кончить... привыкли къ покорности... жиды...» И ораторы кончали рѣчи. Конференція была скоро закрыта, но она всетаки успѣла вынести требованія о введеніи свободной торговли и о замѣнѣ для крестьянскаго хозяйства продовольственной разверстки фиксированнымъ натуральнымъ налогомъ. Въ совѣтскихъ газетахъ резолюція была отпечатана только черезъ мѣсяцъ, когда Кремлевскіе верхи признали неизбѣжнымъ принятіе мѣръ, выдвинутыхъ конференціей.

Черезъ недѣлю послѣ конференціи металистовъ въ Москвѣ началась Всероссійская конференція горнорабочихъ. Она была внѣшне гораздо болѣе спокойной, чѣмъ первая, но по существу, взгляды ея участниковъ не расходились со взглядами Московскихъ металистовъ. Вторая конференція показала, что переломъ въ отношеніяхъ къ власти и къ ея политикѣ произошелъ даже среди рабочихъ-коммунистовъ. Послѣдніе въ составѣ конференціи были въ большинствѣ — 60 проц.. На засѣданіи коммунистической фракціи рабочіе принимали всѣ резолюціи, предлагавшіяся коммунистическими «верхами». Но попытки президіума провести эти резолюціи на общемъ собраніи съѣзда нѣсколько разъ терпѣли фіаско: рабочіе коммунисты, разсѣвшись среди безпартійныхъ, чувствовали себя свободными отъ партійной дисциплины и голосовали противъ «благополучныхъ» резолюцій фракціи. Отчеты о дѣятельности «Главковъ» конференція слушала весьма внимательно, критика ихъ была вдумчивой и по формѣ сдержанной, но по содержанію она была проникнута безнадежнымъ пессимизмомъ, переходящимъ въ отчаяніе. Промышленность гибнетъ непоправимо, вмѣстѣ съ нею общественно и физически гибнетъ рабочій классъ, на путяхъ прежней политики спасенія нѣтъ, необходимъ крутой поворотъ—таковъ былъ основ-

ной мотивъ рѣчей, не только безпартійныхъ рабочихъ, но и коммунистовъ.

До политическихъ требованій на конференціяхъ еще не дошли. Во второй половинѣ февраля появились и они. Два делегата отъ рабочихъ крупныхъ фабрикъ около Вологды (ст. Сухона) вернулись со всероссійской конференціи работниковъ писчебумажнаго производства. Одинъ былъ рабочій-коммунистъ, второй безпартійный инженеръ. Состоялось огромное собраніе рабочихъ для заслушанія докладовъ делегатовъ. Тяжелое впечатлѣніе произвелъ на собраніе докладъ уже перваго, докладъ второго подѣйствовалъ прямо оглушающе. Инженеръ началъ съ заявленія, что онъ передастъ одну только рѣчь предсѣдателя Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства Рыкова о положеніи промышленности въ Совѣтской Россіи, произнесенную на конференціи. Картина народно-хозяйственнаго распада получилась потрясающая. Собраніе въ теченіи 2-3 минутъ послѣ доклада инженера хранило абсолютное молчаніе. Молчалъ даже коммунистическій президіумъ. Потомъ съ мѣста раздался вопросъ рабочаго, обращенный къ делегату коммунисту — правильно ли инженеръ передалъ докладъ Рыкова. Делегатъ коммунистъ отвѣтилъ короткимъ «да». Тогда собраніе прорвало. Вышелъ одинъ ораторъ, другой, третій. Всѣ они ставили одинъ и тотъ же вопросъ: гдѣ и въ чемъ смыслъ тѣхъ лишеній и жертвъ, которыя рабочіе несутъ уже три года? Голодъ, холодъ, болѣзни, кровь на безчисленныхъ фронтахъ... А что пріобрѣли? Что *могутъ* пріобрѣсти? Хозяйство падаетъ и будетъ падать. Впереди никакихъ надеждъ. А прежде промышленность развивалась, страна богатѣла. Значитъ ложны начала, на которыхъ построена политическая и экономическая жизнь страны. Ошибка, что власть сосредоточена въ рукахъ только одного класса и даже не класса, а одной только партіи. Необходимо измѣнить существующее положеніе вещей. Власть должна принадлежать не классу, а всему народу, править должна не одна партія, а всѣ. Подавляющимъ большинствомъ собраніе вынесло резолюцію съ признаніемъ необходимости «измѣнить основные законы страны, призвать къ управленію весь народъ, осуществить гражданскія свободы». Резолюцію постановили послать въ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ.

Такія-же резолюціи въ февралѣ и мартѣ минувшаго года въ

Кремль поступали отъ рабочихъ Урала. Въ нихъ попадались требованія немедленно передать власть соціалистическимъ партіямъ, начиная отъ народныхъ соціалистовъ, но безъ большевиковъ. Въ нѣкоторыхъ изъ уральскихъ резолюцій съ возмущеніемъ говорилось о засильи въ центральныхъ и мѣстныхъ властяхъ евреевъ. Въ февральской резолюціи рабочихъ Хамовническаго района (въ Москвѣ), поданной черезъ особую делегацію Предсѣдателю Всероссійскаго Исполнительнаго Комитета Съѣзда Совѣтовъ стояли три требованія: 1) возстановленіе свободной торговли, 2) созывъ законодательнаго собранія, 3) немедленная перемѣна всей экономической политики въ странѣ такимъ образомъ, чтобы она перестала вызывать противъ себя агрессивныя дѣйствія другихъ государствъ. Во время февральскихъ рабочихъ митинговъ въ Петроградѣ ясно прозвучалъ лозунгъ: «Долой совѣтскую власть! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!»

Повторяю, къ концу третьяго года совѣтской власти отношеніе рабочихъ къ ней опредѣлилось, какъ рѣшительно отрицательное. Изъ подъ ногъ власти безповоротно ушелъ единственный широкій соціальный слой, на который она хотѣла опираться и фактически до того времени опиралась. Сильное подтвержденіе этому выводу дали рабочія волненія конца 1920 и начала 1921 года. Въ февралѣ-мартѣ они прокатились въ Петроградѣ, Москвѣ, на Уралѣ, Вологдѣ, Саратовѣ, кажется въ Тулѣ и Нижнемъ Новгородѣ. Раньше волненія были въ Иваново-Вознесенскѣ, Костромѣ, Ярославлѣ, послѣ — въ Харьковѣ. Почти всегда поводомъ для волненій являлись продовольственныя затрудненія. Но они были только поводомъ,ибо требованія, выдвигавшіяся во время волненій, никогда не ограничивалась только областью продовольственной политики власти. Когда коммунисты или ихъ сторонники пытались указывать рабочимъ, что ихъ волненія вызываются «желудкомъ», это вызывало негодующіе протесты.

Помню въ февралѣ 1921 года на огромномъ митингѣ, собравшемся на товарной станціи Рязано-Уральской ж. д., рабочій при бурномъ одобреніи собравшихся говорилъ, что дѣло не въ продовольственныхъ затрудненіяхъ, они только капля, переполняющая чашу. «Мы готовы — утверждалъ ораторъ — еще голодать, и даже больше, чѣмъ теперь, но только при одномъ условіи: надо, чтобы жизнь налаживалась, а не катилась въ яму. Можно страдать и терпѣть во имя лучшаго будущаго, а мы терпимъ во имя худ-

шаго будущаго. Дороги и заводы умираютъ на нашихъ глазахъ. Жизни имъ осталось еще на годъ, ну, на два, а что потомъ? Если погибнетъ заводъ и станутъ дороги, то зачѣмъ рабочій? Онъ не нуженъ. А куда-же онъ дѣнется? Гдѣ пріютъ найдетъ? Гдѣ пропитаніе?»

Дни февральскихъ волненій рабочихъ въ Москвѣ и Петроградѣ живо напоминали дни февральской революціи 1917 года. Въ Петроградѣ улицы такъ-же были полны народа, та же неорганизованность, крики — «долой совѣтскую власть», колеблющіяся и въ общемъ мало послушныя войска. Кое гдѣ стрѣляли, но это были коммунистическіе отряды. При столкновеніи съ войсками, толпа кричала: «вы кого защищаете? Рабочее правительство?» — «Да». — «Ну, такъ мы сами рабочіе, правительство наше, а мы его не желаемъ. Чего-же вы встрѣваете?..» Войска въ концѣ концовъ были уведены въ казармы, ибо они представляли скорѣе угрозу власти, чѣмъ ея защиту... Сходная картина была и въ Москвѣ. Движеніе началось съ забастовки на Второвскихъ заводахъ, изготовляющихъ денежные знаки. Былъ митингъ. Вызванная войсковая часть стрѣлять отказалась. Былъ вызванъ районный коммунистическій отрядъ. Онъ стрѣлялъ. Среди рабочихъ были убитые и раненые. Вечеромъ того-же дня произошли огромные митинги рабочихъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, въ Университетѣ, на жел. дорогахъ. На слѣдующій день забастовалъ рядъ другихъ заводовъ и фабрикъ. Рабочіе Хамовническаго района, гдѣ расположены Второвскіе заводы, организовали демонстрацію. Пытались вызвать на улицу солдатъ, расположенныхъ въ томъже районѣ, но солдаты были предусмотрительно разоружены и заперты въ казармахъ. Солдаты только изъ оконъ и только словами могли выражать свою солидарность съ рабочими. Всѣ коммунисты Москвы были мобилизованы, сведены въ отряды и вооружены. Не поддержанное войсками, движеніе подъ угрозой вооруженной расправы со стороны коммунистовъ и благодаря подачкамъ власти, въ видѣ выдачи бѣлой муки, крупы и мануфактуры, потухло.

Февраль 1921 года не повторилъ февраля 1917 года, но онъ широко и отчетливо демонстрировалъ разрывъ рабочихъ съ властью. Никакихъ сомнѣній по этому вопросу не оставалось. По второму вопросу, интересовавшему меня, — о массовомъ рѣшеніи рабочими проблемы возстановленія русской промышленно-

сти — колебанія были и діагнозъ ставился неувѣренно. Основанія, чтобы утверждать процессъ наростающей рѣшимости у рабочихъ «признать» буржуазію были, но являлось еще неяснымъ, насколько процессъ зашелъ далеко, насколько твердо въ широкихъ рабочихъ массахъ созрѣло неизбѣжное рѣшеніе.

Самый фактъ процессовъ, идущихъ въ рабочей средѣ въ сторону «признанія» буржуазіи, какъ общественно-необходимой силы, былъ безспоренъ. О немъ говорило уже широкое и настойчивое требованіе рабочихъ о разрѣшеніи свободной торговли. Торговая буржуазія, такимъ образомъ, для рабочихъ была не только пріемлема, но даже желательна. Безъ нея жить было гораздо хуже, чѣмъ съ ней и потому она уже не отталкивала и не пугала рабочихъ, а привлекала ихъ своей соціально-полезной функціей. Но каково было отношеніе рабочихъ къ промышленной буржуазіи?

Среди рабочихъ раздавались сильные протесты противъ «государственно-урегулированнаго» труда, связаннаго съ насильственнымъ прикрѣпленіемъ человѣческой личности къ опредѣленному мѣсту жительства, къ опредѣленному предпріятію и къ установленному органами власти роду работы на нихъ. Выдвигалось требованіе *свободнаго* труда. На рабочихъ собраніяхъ, митингахъ, съѣздахъ, вниманіе ораторовъ все чаще возвращалось къ прошлому русской промышленности и ему отдавалось рѣшительное предпочтеніе передъ настоящимъ: «тогда жизнь развивалась, страна богатѣла», теперь она разваливается и народъ нищаетъ. Въ принимаемыхъ рабочими резолюціяхъ говорилось о ложности началъ, положенныхъ въ основу экономической политики власти, выдвигалось требованіе измѣнить *основы* экономической жизни. Были даже случаи забастовокъ, протестовъ, когда власть пыталась удалять съ поста завѣдующаго тѣмъ или инымъ промышленнымъ предпріятіемъ прежняго владѣльца послѣдняго. Въ низовыхъ рабочихъ массахъ шли разговоры о гораздо лучшихъ порядкахъ и лучшей жизни при «хозяевахъ», чѣмъ безъ нихъ. Наблюдатели, связанные съ рабочей средой, констатировали распространенное среди рабочихъ ожиданіе возврата прежнихъ «хозяевъ».

Все это свидѣтельствовало о приближеніи времени, когда мысль рабочихъ за одну скобку съ торговой буржуазіей возьметъ и промышленную, когда требованіе свободной торговли бу-

деть дополнено требованіемъ свободнаго производства. Однако, послѣднее требованіе не выдвигалось. Коллективно и публично оно не произносилось. Боязнью репрессій отсутствіе этого лозунга объяснить было нельзя, ибо не менѣе острое и опасное по послѣдствіямъ требованіе Учредительнаго Собранія произносилось. Крики — «Долой совѣтскую власть» съ устъ рабочихъ также срывались много разъ. Значитъ причина была не въ боязни репрессій. Оставалось допустить одно изъ двухъ: или прежнее отрицательное отношеніе къ промышленной буржуазіи далеко не изжито, или не хватаетъ мужества сознаться въ своихъ прошлыхъ ошибкахъ, когда рабочіе (въ 1917 году) усиленно добивались удаленія изъ предпріятій «хозяевъ» и возможности свободно и по своему распоряжаться въ нихъ.

Но почему-же хватило мужества признаваться въ своихъ политическихъ ошибкахъ — въ быломъ увлеченіи лозунгами коммунистической партіи, въ прежнемъ довѣріи послѣдней и слѣдованіи за ней? Значитъ отрицательное отношеніе къ промышленной буржуазіи не изжито. Изживается — объ этомъ свидѣтельствовали приведенные выше факты, но кажется, еще не изжито. Вѣроятнѣе, что не изжито только въ рабочихъ «верхахъ», которые и даютъ ораторовъ на собраніяхъ, пишутъ резолюціи и формулируютъ лозунгъ. Въ «низахъ» съ прежнимъ отрицательнымъ отношеніемъ, какъ будто, покончено. Съ такимъ впечатлѣніемъ отъ соціально психическихъ процессовъ, идущихъ въ рабочемъ классѣ, я уѣхалъ изъ Россіи. Съ нимъ я остаюсь и заграницей. Свѣдѣнія, которыя давала и даетъ заграничная пресса о настроеніяхъ русскихъ рабочихъ, только подкрѣпляютъ мой выводъ: процессы признанія и пріятія промышленной буржуазіи идутъ, въ рядовой рабочей массѣ они уже дошли до своего логическаго конца, въ руководящемъ-же рабочемъ слоѣ есть еще колебанія, еще не изжита психическая трудность стать на новыя позиціи.

Въ подкрѣпленіе своего вывода я имѣю возможность сослаться на свидѣтельства лицъ, принадлежащихъ къ чуждому мнѣ политическому лагерю, продолжающему видѣть свою основную политическую задачу въ увеличеніи «общенароднаго достоянія» и въ усиленіи «урегулированнаго народнаго хозяйства». Первое свидѣтельство принадлежитъ газетѣ Центральнаго Комитета Коммунистической Партіи («Правда»). Въ началѣ текущаго года она характеризовала рабочихъ крупнаго металлообрабаты-

вающаго завода въ Москвѣ (Гужонъ), какъ состоящихъ изъ двухъ слоевъ: первый былъ изъ «пришлой, текучей, еще не достаточно опролетаризировавшейся массы», а второй составляли «старые рабочіе, не понявшіе революціи и индивидуализировавшіеся за время экономическихъ тяжестей». Итакъ, одинъ слой еще не сдѣлался пролетаріатомъ, другой пересталъ быть имъ. У обоихъ, однако, психологія была одинакова: ждутъ пріѣзда «хозяина». Ожиданіе владѣльца было столь напряженно, что «вальцовщики завода отказались отъ кооперативной покупки сахара, причемъ мотивировка была такая: скоро пріѣдетъ самъ Гужонъ (на заводѣ ходятъ о томъ упорные слухи) и коммунисты хотятъ нажиться къ тому времени коммерческимъ оборотомъ на нашихъ деньгахъ. Не дадимъ больше нашихъ денегъ, не дадимъ. Банда, извѣстно». Читатель врядъ-ли будетъ оспаривать, что ожиданіе тутъ опредѣлялось желаніемъ: «хозяина» ждутъ, ибо его хотятъ.

Второе подкрѣпленіе даетъ послѣдній номеръ журнала Центральнаго Комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ («Революціонная Россія» № 14-15). Два корреспендента изъ двухъ далекихъ другъ отъ друга районовъ пишутъ почти одними словами о напряженномъ ожиданіи и желаніи рабочихъ «вольнаго труда».

Современныя условія жизни «создали почву для мечтаній о «вольномъ» трудѣ. Въ умахъ мѣстнаго населенія вольный трудъ, договорная плата за трудъ и отсутствіе рабства, рисуются яркимъ и страстно желаннымъ идеаломъ. Одно упоминаніе о вольномъ трудѣ на всѣхъ лицахъ отражается чѣмъ-то радостнымъ». — Это изъ Пріокскаго округа, гдѣ «раскинулась цѣлая сѣть большихъ и малыхъ заводовъ, какъ Кулебякинскій и Выксунскіе». Вторую корреспонденцію пишетъ петроградскій рабочій: «Если я сейчасъ спрашиваю себя или кого-либо другого, чего сейчасъ ждетъ *пролетарій* (курсивъ мой С. М.), полу-пролетарій и деревенскій бѣднякъ, нуждающійся постороннимъ заработкомъ поддержать свое хозяйство, то отвѣтъ получу *всегда* одинъ и тотъ-же: вольнаго труда. Безъ этого ни деревня, ни городъ, ни рабочій, ни крестьянинъ, ни интеллигентъ не вздохнетъ полной грудью».

«Вольный трудъ», о которомъ говорится въ обѣихъ корреспонденціяхъ, въ Россіи имѣетъ совершенно опредѣленный смыслъ: это трудъ въ условіяхъ буржуазнаго общества. Мечтая о «воль-

номъ трудѣ», мечтаютъ о вольномъ производствѣ и вольномъ обмѣнѣ.

Наростаніе новой положительной оцѣнки буржуазіи является, такимъ образомъ, чертой, которая характеризуетъ психологію не только интеллигенціи и крестьянства, но и рабочихъ.

Армія. Интеллигенція Россіи въ своей массѣ никогда не была сторонницей совѣтской власти, противникомъ ея она остается и останется. Крестьянство (и то лишь въ своей части, по преимуществу, служившей въ арміи) стояло за совѣтскую власть только въ теченіи перваго года ея царствованія: къ концу 1918 года крестьянство Европейской Россіи рѣзко повернуло фронтъ и сдѣлалось упорнымъ врагомъ власти; изживаніе крестьянскихъ симпатій къ власти затянулось лишь въ Сибири и на Югѣ, ибо политика Колчака и Деникина, подогрѣла и оживила ихъ; послѣ исчезновенія этихъ правительствъ симпатіи были быстро изжиты и на окраинахъ. Къ концу 1920 года отъ власти ушелъ и послѣдній слой — рабочіе. Такимъ образомъ, уже больше года власть лишена широкой соціальной опоры. И, однако, она держится и, вѣроятно, еще продержится. Чѣмъ-же объясняется ея продолжающееся существованіе?

Я уже отвѣтилъ на послѣдній вопросъ: *) власть держится потому, что въ ея рукахъ могучій аппаратъ государственнаго принужденія. Съ нимъ, если аппаратъ продолжаетъ дѣйствовать и власть не разложилась въ собственной средѣ, она можетъ держаться годы. Тѣмъ болѣе это относится къ власти, которая съ боемъ получила возможность царствовать, съ боемъ удерживала ее и въ процессѣ безпрерывной борьбы сложилась и окрѣпла. Аппаратъ принужденія въ рукахъ такой власти долженъ отличаться особенной разработанностью и силой. Съ нимъ она можетъ привести къ вымиранію огромную часть управляемаго народа и благополучно здравствовать сама.

Наиболѣе важной частью современнаго государственнаго аппарата принужденія является армія. Пока армія повинуется власти, послѣдняя стоитъ незыблемо. Составляя важнѣйшую часть аппарата принудительнаго государства, армія въ то-же время и сама построена на принципѣ централизованнаго и же-

---

*) См. главу «Государство».

стокаго принужденія. Источникомъ послѣдняго является власть, которая опираясь на вѣрныя ей *части* арміи, на вѣрные ей *слои* въ ней, на обладаніе денежными, продовольственными, огнестрѣльными и т. д. средствами, необходимыми для арміи, можетъ держать послѣднюю въ повиновеніи.

Современная армія, однако, неотдѣлима отъ народа. Построенная на началѣ всеобщей воинской повинности, она въ своемъ огромнѣйшемъ большинствѣ является плотью отъ плоти народа и костью отъ его кости. Отрицательное отношеніе населенія къ власти будетъ неизбѣжно безчисленными путями проникать въ армію и разлагать ее. Въ ней будутъ таять вѣрные власти части и слои; будетъ увеличиваться неповиновеніе и справляться съ нимъ будетъ все труднѣй; армія рано или поздно неизбѣжно выйдетъ изъ подчиненія власти и тогда для послѣдней наступитъ неизбѣжный крахъ. Онъ придетъ тѣмъ позднѣе, чѣмъ сплоченнѣй и крѣпче власть въ своихъ собственныхъ рядахъ и чѣмъ больше послѣдніе; крахъ наступитъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ ряды власти меньше, рѣже, хуже связаны, пассивнѣй. О состояніи современной власти въ Россіи будетъ сказано въ слѣдующей главѣ, описаніе состоянія арміи составляетъ задачу слѣдующихъ строкъ и страницъ.

Огромное большинство русской арміи не является совѣтской. Составленное изъ мобилизованныхъ крестьянъ, оно отражаетъ отношеніе этого слоя къ власти. Это отраженіе, правда, болѣе слабо, чѣмъ питающій его источникъ, но по существу оно то-же.

Ослабленная враждебность къ власти мобилизованныхъ крестьянъ объясняется, во первыхъ, ихъ возрастомъ, во вторыхъ, обстановкой, въ которой проходитъ военная служба. Солдаты, оставшіеся съ начала 1921 года въ арміи, находятся въ возрастѣ 20-24 лѣтъ. Крестьянинъ въ эту пору еще лишенъ прочныхъ взглядовъ, установившихся настроеній, стойкой линіи поведенія. Въ исторіи его психическаго развитія это еще переходной возрастъ. Въ личность онъ еще не сложился, ею онъ становится лишь около 30 лѣтъ. Въ возрастѣ современнаго русскаго солдата, крестьянинъ легко поддается воздѣйствію обстановки и среды. Воинская служба безъ труда отрываетъ его отъ крестьянскихъ интересовъ и думъ и довольно легко превращаетъ въ солдата съ его специфическими интересами и военной психологіей.

Оторвавшись отъ хозяйства, молодой крестьянинъ — солдатъ лишенъ того возбуждающаго дѣйствія, которое политика власти оказываетъ на хозяйствующее крестьянство и которое изъ недѣли въ недѣлю усиливаетъ его враждебное отношеніе къ власти. Крестьянинъ въ деревнѣ поэтому гораздо больше ненавидитъ совѣтскую власть, чѣмъ крестьянинъ въ казармѣ. Ненавидитъ, однако, и послѣдній. Повинуется власти и поддерживаетъ ее онъ не за совѣсть, а единственно въ мѣру своего страха передъ нею (я говорю, конечно, о солдатской *массѣ)*.

Двумя силами достигается страхъ солдата передъ властью и повиновеніе ей. Первой является дисциплина, поддерживаемая разстрѣлами. «Дисциплина въ красной арміи чрезвычайно суровая и гораздо строже той, которая существовала въ прежней русской арміи. Правда, въ свободное отъ служебныхъ и строевыхъ занятій время и красноармейцы и командный составъ считаются равными и никакого чинопочитанія не существуетъ. Но на самомъ дѣлѣ большая часть красной арміи находится или на театрѣ военныхъ дѣйствій, или въ мѣстностяхъ, объявленныхъ *) на военномъ положеніи и потому всѣ красноармейцы постоянно считаются при исполненіи боевой службы. А это значитъ, что каждый изъ нихъ можетъ въ любую минуту подвергнуться *дисциплинарному (безъ суда) наказанію до разстрѣла включительно*». *) Разстрѣлъ въ красной арміи не одна угроза: за 4 года своего существованія совѣтская власть разстрѣляла десятки тысячъ солдатъ «за нарушеніе дисциплины». А чего нельзя подвести подъ это понятіе! Вотъ газетное сообщеніе дней, когда пишутся эти строки: «Въ Симбирской губерніи разстрѣляно безъ приговора трибунала 12 крестьянъ и 42 красноармейца, у которыхъ найдено воззваніе Антонова». Въ извѣстной мнѣ ротѣ одного полка, расположеннаго въ Москвѣ въ теченіи зимы 1920-21 года было разстрѣляно безъ всякаго суда восемь солдатъ за ихъ, подслушанную коммунистической ячейкой роты, откровенную оцѣнку совѣтской власти.

Оба приведенные примѣра могутъ иллюстрировать и вторую причину, вызывающую повиновеніе современнаго солдата, — политическій сыскъ. Онъ необыкновенно развитъ въ красной ар-

---

*) «Красная армія» Н. Ч. («Воля Россіи» 30/I. 1921 г.).

міи. Осуществляется онъ коммунистической ячейкой во взводахъ, батареяхъ и ротахъ, политическими комиссарами въ полкахъ, бригадахъ и дивизіяхъ, революціонными военными совѣтами въ арміяхъ. Начальный аппаратъ сыска — коммунистическая ячейка «состоитъ изъ нѣсколькихъ убѣжденныхъ коммунистовъ, присылаемыхъ изъ центра (ибо въ самыхъ частяхъ среди мобилизованныхъ красноармейцевъ коммунистовъ найти очень трудно). Комячейки обязаны слѣдить за своими товарищами; знать всѣ ихъ намѣренія, чувства, думы, они должны періодически доносить политическому комиссару съ кѣмъ встрѣчаются и о чемъ разговариваютъ красноармейцы, какими вопросами интересуются. При малѣйшемъ подозрѣніи того или иного красноармейца въ «крамолѣ» коммунистическая ячейка доноситъ политическому комиссару и подозрѣваемый моментально, безъ всякаго разслѣдованія изолируется». *) Изоляція обычно выражается въ разстрѣлѣ. «Придутъ ночью, разбудятъ и уведутъ», разсказывалъ мнѣ въ Москвѣ солдатъ про свою роту. «Такъ по одному у насъ увели пятырехъ. И ни объ одномъ никакихъ извѣстій: «какъ въ воду канули».

Какъ, однако, ни развитъ политическій сыскъ, какъ ни силенъ терроръ и ни жестока дисциплина, солдаты то и дѣло обнаруживаютъ свое истинное отношеніе къ власти. Во второй половинѣ 1920 года въ Самарской губерніи военный бунтъ учинила цѣлая дивизія и, забравъ оружіе и патроны, въ своей значительной части ушла въ Заволжскія степи. Въ октябрѣ того-же года военный бунтъ произошелъ въ Москвѣ на Ходынскомъ полѣ. Въ декабрѣ командиръ одной дивизіи жаловался моему другу въ Москвѣ, что части, посылаемыя на усмиреніе крестьянскаго возстанія въ Тамбовской губерніи, «уходятъ, какъ въ яму: они или разбѣгаются, или переходятъ къ повстанцамъ, или вслѣдствіе плохого повиновенія легко выбиваются». Въ мартѣ 1921 года въ Сибири, во время описаннаго выше возстанія, къ повстанцамъ перешло 17.000 солдатъ. Въ томъ же мартѣ въ Москвѣ и Петроградѣ власть была вынуждена обезоружить войска и запереть ихъ въ казармы, какъ явно неблагонадежныя. На штурмъ

---

*) Статья «Красная армія» Н. Ч. въ «Волѣ Россіи» отъ 30/I 1921 г.

возставшаго Кронштадта власть не рискнула трогать петроградскій гарнизонъ за исключеніемъ «совѣтскихъ юнкеровъ» (красныхъ курсантовъ) и вынуждена была стягивать вѣрныя войска изъ ряда городовъ. Въ мартѣ же ко мнѣ въ Москву изъ одного губернскаго города явился делегатъ политической организаціи съ просьбой связать его съ организаціями Москвы. Оказалось, что изъ 15.000 гарнизона этого города, 6.000 находились подъ руководствомъ мѣстной военной организаціи и могли выступить въ любую минуту. Военная организація требовала выступленія, а гражданская сопротивлялась. Делегатъ отъ гражданской организаціи пріѣхалъ посовѣтоваться въ Москву. Въ Москвѣ выступленіе тоже не порекомендовали и оно не произошло. Солдаты тогда вышли изъ повиновенія военной организаціи, собрали митингъ, избили комиссаровъ и потребовали роспуска. Напуганный мѣстный «совдепъ» требованіе солдатъ удовлетворилъ. Въ серединѣ 1921 года на Кубани отъ конной арміи Буденнаго оторвалась цѣлая бригада во главѣ съ Маслакомъ и ушла къ «зеленымъ».

Современную русскую армію совѣтская власть не можетъ считать своей. Она и не считаетъ. Если въ ней ненадежна солдатская масса, то еще болѣе ненадежны широкіе круги командного состава. Состоящіе въ большинствѣ изъ офицеровъ прежней арміи, они гораздо болѣе отрицательно относятся къ власти, чѣмъ солдаты. И они активнѣй въ своемъ отношеніи къ власти, чѣмъ солдаты. Послѣдніе обычно выступаютъ неорганизованно, ихъ волненія вспыхиваютъ стихійно, офицерство-же стихійно организуется. Также стихійно оно и проваливается, платясь огромными разстрѣлами. Но плата жизнью не останавливаетъ другихъ. О существованіи антисовѣтскихъ офицерскихъ организацій я имѣлъ свѣдѣнія въ Россіи, по крайней мѣрѣ, изъ десятка городовъ. Офицерскія организаціи были весьма пестры по названію («соціалистическія», «демократическія», «Савинковскія», «республиканскія», «монархическія»), но всѣ онѣ ставили передъ собой одну и ту-же непосредственную задачу — вооруженное выступленіе противъ совѣтской власти. Сильнѣй и развѣтвленнѣй другихъ организацій были, по моимъ свѣдѣніямъ, монархическія. Онѣ-же единственныя имѣли въ Москвѣ свой всероссійскій центръ.

Не считая коммунистовъ, въ арміи есть только одинъ слой,

преданный современной власти — это «красные командиры», выпущенные изъ совѣтскихъ военныхъ училищъ, но этотъ слой немногочисленъ и общей характеристики арміи, какъ антисовѣтской, онъ измѣнить не можетъ.

Все сказанное относится къ полевой арміи, имѣющей своей основной задачей защиту государственной территоріи отъ покушенія на нее извнѣ. Эта армія, однако, примѣняется властью и для подавленія внутреннихъ безпорядковъ. Антисовѣтскій характеръ арміи при этихъ внутреннихъ дѣйствіяхъ обнаруживается совершенно открыто и широко. Власть поэтому давно уже забраковала свою армію для внутренней службы и начала создавать спеціальныя охранно-полицейскія войска. Первоначально ими были коммунистическіе отряды, батальоны изъ наемныхъ иностранцевъ — (интернаціональныя части) и батальоны всероссійской «чрезвычайки». Потомъ къ нимъ были прибавлены «совѣтскіе юнкера», (слушатели военныхъ училищъ для подготовки «красныхъ командировъ»); этотъ родъ военныхъ силъ оказался самымъ преданнымъ власти и самымъ стойкимъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ. Во всѣхъ критическихъ случаяхъ для власти — на сценѣ неизмѣнно появляются стянутые изъ разныхъ городовъ «красные курсанты». И они ни разу не обманули надеждъ власти. Въ настоящее время рѣдки губернскіе города, въ которыхъ не было бы совѣтскихъ военныхъ училищъ. Слушатели въ нихъ принимаются почти исключительно по рекомендаціи политическихъ комиссаровъ частей, коммунистическихъ ячеекъ, комитетовъ партіи и т. д. Въ самыхъ училищахъ политическій сыскъ гораздо болѣе развитъ, чѣмъ въ войсковыхъ частяхъ. Людей отрицательно относящихся къ совѣтской власти въ составѣ «красныхъ курсантовъ» почти нѣтъ.

Въ 1920 году батальоны Всероссійской «чеки» были увеличены и подъ названіемъ сначала «войскъ внутренней службы» (ВНУС), потомъ «войскъ внутренней охраны» (ВОХРА) составили основную часть вооруженныхъ силъ, несущихъ охранно полицейскую службу. Кромѣ «вохры» существуетъ еще, такъ сказать, ультра — «вохра» — «батальоны особаго назначенія В. Ч. К.», являющіеся, по мнѣнію власти, особенно надежными въ дѣлѣ подавленія внутреннихъ безпорядковъ.

Коммунисты въ большой дозѣ влиты во всѣ эти охранно-по-

лицейскія части. Кромѣ того, власть прилагаетъ энергичныя усилія, чтобы всѣ члены коммунистической партіи, остающіеся внѣ войскъ, умѣли-бы владѣть оружіемъ, знали-бы строевую службу и тактику боя. Производится поэтому военное обученіе коммунистовъ. Въ мартѣ и апрѣлѣ минувшаго года, послѣ февральско мартовскихъ безпорядковъ, обученіе шло особенно усиленно. При всякомъ ожиданіи властью безпорядковъ, *всѣ* коммунисты объявляются мобилизованными, ихъ вооружаютъ, сводятъ въ отряды и сутками держатъ въ отведенныхъ имъ помѣщеніяхъ, выжидая выступленія врага. Если читатель приметъ во вниманіе, что къ 1 марту 1921 года въ наиболѣе важномъ для власти пунктѣ Россіи — въ Москвѣ — насчитывалось 31.714 человѣкъ коммунистовъ и 8.100 кандидатовъ къ нимъ, то получится довольно внушительная военная сила тысячъ въ 30 штыковъ (остальные 10.000 кладу на женщинъ). При стойкой защитѣ центральной власти, она можетъ защитить послѣднюю.

Вооруженныя силы, считающіяся властью пригодными для внутреннихъ военно-полицейскихъ задачъ, не исчерпываются названными. Война міровая, а потомъ гражданская, вызвавъ сильное огрубѣніе нравовъ, привычку къ оружію и спокойствіе передъ человѣческой кровью, выдѣлила среди населенія значительную группу профессіоналовъ войны. Вооруженная борьба сдѣлалась для нихъ не только привычкой, но и потребностью. Съ нею у нихъ связались и прочныя матеріальныя интересы. Никогда не забуду типической фразы, сказанной однимъ солдатомъ. Онъ съ напряженіемъ ожидалъ войны. На мой недоумѣнный вопросъ — почему ему такъ хочется воевать, онъ не задумываясь и съ оживленіемъ отвѣтилъ: «война есть — у солдата деньги есть». Психологически этотъ солдатъ принадлежалъ къ той группѣ современныхъ русскихъ кондотьеровъ, о которой я говорю. Профессіоналы войны въ большомъ количествѣ имѣются въ составѣ антисовѣтскихъ партизанскихъ отрядовъ, въ особенности въ отрядахъ Украины, въ большомъ количествѣ они и въ рядахъ красной арміи. Часто только случайность, только совершенно внѣшнія обстоятельства опредѣляютъ — на какой сторонѣ баррикады находится такой кондотьеръ.

Въ составѣ красныхъ войскъ существуетъ цѣлая армія, которая въ своемъ большинствѣ укомплектована людьми указанныхъ

свойствъ. Это конная армія Буденнаго. Для этой арміи совершенно безразлично, съ кѣмъ драться — съ поляками, тамбовскими крестьянами, войсками Врангеля, Кубанскими «зелеными», повстанческими отрядами Махно, съ мирнымъ населеніемъ поселковъ и станицъ, пассивно сопротивляющимся безпощадному выкачиванію «продразверстки». Противникъ конной арміи безразличенъ, ибо каковъ-бы онъ ни былъ, онъ одинаково обезпечиваетъ возможность драться и грабить. Когда нѣтъ противника, армія рѣжетъ и грабитъ еврейское населеніе. Ненависть къ евреямъ — это единственный «идейный» мотивъ арміи. Онъ такъ устойчивъ и настолько извѣстенъ власти, что армія никогда не расквартировывается по городамъ Украины, никогда черезъ нихъ и не лежитъ ея путь. Маршрутъ арміи при ея переходахъ получается часто чрезвычайно кружнымъ, ибо онъ долженъ идти мимо большихъ городовъ.

Моя знакомая видѣла въ Полтавскомъ уѣздѣ обозъ одной дивизіи этой арміи. Онъ былъ великъ и необыченъ. На повозкахъ лежали пуховыя подушки, перины, стоялъ граммофонъ, клѣтки съ породистыми курами и пѣвчими птицами, одѣяла, куски матеріи, какой-нибудь шкафчикъ замысловатой работы, настольные или стѣнные часы, большая партія калошъ и т. д. Въ мѣстахъ, гдѣ побывала конная армія, память о ней остается надолго и ея репутація неизмѣнно одинакова: «буденовецъ» — синонимъ насильника и грабителя... Армія лишена, конечно, какой-нибудь преданности совѣтской власти, но пока никто другой не можетъ обезпечить ей возможности жить и дѣйствовать по своей «вольной волюшкѣ», армія служитъ вѣрой и правдой, жестоко расправляясь со всякимъ, кто указанъ ей, какъ объектъ грабежа и расправъ. Защищать себя въ Москвѣ совѣтская власть такую армію, конечно, не позоветъ, но непокорную провинцію она до сихъ поръ предоставляла ей «на потокъ и разграбленіе» съ полнымъ успѣхомъ.

Какъ видимъ, совѣтская власть оборудовалась значительной вооруженной силой, приспособленной къ ея охранѣ и защитѣ, къ поддержанію въ дѣйствіи государственнаго аппарата принужденія. Эта сила, конечно, не спасетъ власти отъ ея неминуемаго паденія, но задержать паденіе она можетъ надолго.

Учащаяся молодежь. Въ душѣ молодого поколѣнія интеллигенціи, чья сознательная жизнь началась во время міровой войны и продолжалась въ період революціи, слѣды минувшихъ лѣтъ отпечатались особенно четко. Какъ правило это общественно отрицательные слѣды. Люди, работающіе въ средѣ учащихся или тѣсно связанные съ нею, единогласно констатирують, что умственный и моральный уровень современнаго молодого поколѣнія гораздо ниже, чѣмъ онъ былъ раньше.

Пониженіе умственнаго уровня должно представляться неизбѣжнымъ, если вспомнить тяжесть матеріальныхъ условій жизни, отрывающихъ учащуюся молодежь отъ книги для безчисленныхъ хозяйственныхъ дѣйствій, плохо функціонирующія школы, острый недостатокъ учебниковъ и полное отсутствіе книгъ, пытающихся осмыслить для складывающагося ума окружающую общественную жизнь, такую необычную и сложную. Молодая и еще слабая мысль должна была самостоятельно разбираться въ окружающихъ событіяхъ, когда у нея возникла въ этомъ потребность. Чаще не было и самой потребности. Преподаватели высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній отмѣчаютъ поэтому, что такого умственно «*сѣраго*», зачастую просто безграмотнаго въ основныхъ вопросахъ мысли и жизни, поколѣнія они еще не видали. Практичность въ житейскихъ дѣлахъ поднялась, тутъ проявляется необычно много для русской молодежи изворотливости и находчивости, но на экзаменахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ студенты поражаютъ невѣжествомъ.

Въ моихъ запискахъ сохранился разсказъ педагога — психолога изъ области своихъ основныхъ интересовъ. Педагогъ давно ведетъ работу по изученію психики учащихся въ среднихъ школахъ. Въ разговорѣ онъ далъ мнѣ цифровое выраженіе для паденія образовательнаго уровня, кончающихъ среднюю школу. Изъ года въ годъ онъ задаетъ молодежи письменную работу на тему «мой идеалъ». Отвѣтъ ясно опредѣляетъ широту и область умственныхъ интересовъ отвѣчающаго. Всегда ясно выдѣляется группа съ широкимъ кругозоромъ и группа съ ограниченными запросами мысли, указывающая «мѣстный» и узкій идеалъ. Въ прежніе годы вторая группа составляла не больше 30 проц. въ составѣ выполнявшихъ работу, теперь она поднялась до 70 проц... Современное молодое поколѣніе, когда оно сложится и войдетъ въ жизнь, почти навѣрно, будетъ практичнѣй и дѣловитѣй рус-

ской интеллигенціи въ прошломъ, но тѣ широкіе умственные интересы, то безпокойное исканіе духа, которымъ русская интеллигенція характеризовалась прежде, не будетъ ея удѣломъ. Внутренняя жизнь грядущей интеллигенціи будетъ бѣдной, ибо ея силы уйдутъ по преимуществу на строительство внѣшней жизни. Таковъ прогнозъ, который я не разъ слыхалъ въ Россіи отъ вдумчивыхъ наблюдателей учащейся молодежи.

Второй чертой характеризующей душу молодого поколѣнія интеллигенціи, является психическая подавленность. Бодрыхъ надеждъ, смѣха, яркихъ красокъ въ ней какъ-то не чувствуется. Тяжелая общественная жизнь, залитая грязью и кровью, камнемъ придавила молодую душу и она растетъ искривленной и чахлой, какъ кустарникъ тундры. Горе и нужда, слезы и кровь, подъ постояннымъ впечатлѣніемъ которыхъ формировалась внутренняя жизнь, опредѣлили общій тонъ душевныхъ переживаній — онъ низокъ и глухъ, нѣтъ ни подъема, ни радости.

Этотъ подавленный тонъ психической жизни сказывается даже среди молодежи, «оболваненной» коммунистами. А «оболваненныхъ» ими много. Въ нѣмой тишинѣ общественной жизни Россіи свободно могъ раздаваться только голосъ коммунистической партіи. Слышалась только *ея* пропаганда, только *ея* объясненіе происходящихъ событій, только *ея* идеи пытались обобщать быстро текущую необычную жизнь. Всѣ другіе голоса молчали. И коммунистическое слово дѣйствовало. Оно покоряло и порой увлекало. Поэтому, если среди взрослаго интеллигентнаго поколѣнія коммунисты и сочувствующіе имъ исключительно рѣдки, то среди молодого интеллигентнаго поколѣнія они вовсе не рѣдкость. Можно сказать, что здѣсь сочувствіе имъ широко. Ряды сочувствующихъ идутъ далеко за предѣлы учащихся, формально входящихъ въ коммунистическіе союзы молодежи. А число членовъ въ этихъ союзахъ равняется числу членовъ партіи.

Тяжесть отъ этого факта широкаго сочувствія учащихся коммунистамъ сильно, однако, ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ относится только къ учащимся среднихъ школъ. Среди студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній положеніе совсѣмъ другое — здѣсь сочувствіе коммунизму убываетъ, какъ полая вода, и коммунистовъ остро ненавидятъ. Отношенія массы студенчества къ нимъ даютъ картину настоящаго бойкота. Тутъ два неприми-

римыхъ лагеря, каждый изъ которыхъ живетъ своей собственной жизнью. Лагери приходятъ въ близкое соприкосновеніе только во время сраженій. Насколько обострены здѣсь отношенія читатель можетъ судить по слѣдующимъ двумъ отрывкамъ изъ рѣчей студентовъ на сходкѣ въ Петровско-Разумовской с.-х. академіи (въ іюнѣ минувшаго года). «Не знаю, товарищи, къ какой группѣ среди млекопитающихся отнести эту уродливую породу (коммунистовъ С. М.): къ свиньямъ, что-ли. Обидно, пожалуй, будетъ и свиньямъ. Если-бы я не хотѣлъ обидѣть хорька, я бы причислилъ коммунистовъ къ нимъ: какъ хори, они всюду вносятъ съ собою зловонную струю, отъ которой дышать гадко». Другой студентъ, недавно арестованный по доносу коммунистовъ и только что выпущенный изъ тюрьмы, возмущенно кричалъ: «Мнѣ лично эта сволочь жить не даетъ: ходитъ и ходитъ за мной. Прямо по пятамъ. Иду въ гости — ждутъ на дорогѣ около квартиры, возвращаюсь съ лекцій — опять стоятъ, даже ночью, послѣ лабораторныхъ занятій, они не оставляютъ меня въ покоѣ и, какъ собаки, провожаютъ до квартиры». Все это говорилось въ присутствіи коммунистовъ. Попытки протеста послѣднихъ заглушались ревомъ противниковъ. Это широкое и нескрываемое озлобленіе студенчества, смѣшанное съ презрѣніемъ къ нимъ, дѣйствуетъ на студентовъ коммунистовъ. Они какъ-то съеживаются, берутъ отпуска и уѣзжаютъ, выходятъ изъ «комъячеекъ». Для поднятія духа въ послѣднихъ «чека», въ порядкѣ служебной командировки, посылаетъ учиться матерыхъ коммунистовъ. Они то и являются тѣми сыщиками, на которыхъ негодовалъ въ приведенномъ отрывкѣ рѣчи студентъ. Изъ 18 представителей Петровско-Разумовской с. х. академіи къ началу іюня 1921 года одинъ скрывался, одинъ только что былъ выпущенъ изъ Бутырокъ (это онъ говорилъ о преслѣдованіи его), 16 сидѣли въ тюрьмѣ. Арестованы всѣ были по доносу студенческой «комъячейки».

Студенчество въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ коммунистамъ не ограничивается борьбой внутри учебныхъ заведеній. Самый конецъ мая и начало іюня 1921 года ознаменовался въ Москвѣ цѣлымъ рядомъ студенческихъ митинговъ. Резолюціи протестовали противъ избіенія соціалистовъ, заключенныхъ въ Бутырской тюрьмѣ, требовали освобожденія политическихъ заключенныхъ и перевыборовъ въ Московскій Совѣтъ на основѣ тайнаго голосованія. Въ день открытія конгресса III интернаціо-

нала (11 іюня) студенчество Москвы рѣшило устроить враждебную власти уличную демонстрацію. Объ этомъ провѣдалъ Комиссаріатъ Просвѣщенія и занятія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были неожиданно прекращены. Всѣ студенты не москвичи къ 11 іюня были разогнаны изъ Москвы. Послѣдовали аресты. Демонстрація не состоялась.

Политическія волненія студенчества въ 1921 году были въ Петроградѣ и Харьковѣ: они отразили тотъ общій подъемъ политической активности, который съ конца 1920 года ясно обозначился во всѣхъ слояхъ русскаго населенія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТІЯ.

Истиннымъ носителемъ верховной власти въ Россіи является коммунистическая партія. Суверенныя права всего населенія не признаются и совѣтской конституціей, верховныя же права трудящагося населенія, въ частности рабочаго класса, уже давно, съ 1919 года во всякомъ случаѣ, экспропріированы партіей и сдѣлались фикціей. Существующіе «совдепы» во главѣ съ ихъ Всероссійскимъ съѣздомъ являются ширмой, прикрывающей неограниченную диктатуру партіи. Впрочемъ и ширма, уже не выполняетъ своей функціи: всѣмъ извѣстно происходящее за ней. Если совѣты, никого уже не обманывая, продолжаютъ еще существовать, то это объясняется, во первыхъ, инерціей всякой общественной жизни: учрежденія, какъ рудименты организма, продолжаютъ долго существовать полѣ того, какъ они отжили и сдѣлались ненужными, во вторыхъ, помощью, которую совѣты оказываютъ власти, какъ чисто дѣловые аппараты политической жизни.

Всякое политическое значеніе за совѣтами давно исчезло. Они не могутъ быть прибавлены не только къ законосовѣщательнымъ учрежденіямъ съ *выборными* членами, но даже съ *назначенными* членами; значеніе совѣтовъ можетъ идти въ сравненіе только съ военно-полевыми судами прежняго времени, или военно-революціоннымъ трибуналомъ современности, въ которыхъ приговоръ предрѣшенъ до начала дѣйствій суда.

Безпримѣрными въ парламентской исторіи палочными выборами коммунистическая партія создаетъ себѣ большинство въ важнѣйшихъ совѣтахъ страны и это большинство творитъ волю партіи.

Властвованіе партіи, находящейся въ странѣ въ микроскопи-

чески ничтожномъ меньшинствѣ, привело къ тому, что большинство ея членовъ принимаютъ участіе въ управленіи государствомъ, занимая отвѣтственные посты въ руководящихъ государственныхъ органахъ. По словамъ центральнаго органа партіи («Правда»), 56 проц. членовъ послѣдней принимаютъ участіе во власти: 35 проц. въ совѣтскихъ учрежденіяхъ, 21 проц. въ арміи. Эта цифра сильно преуменьшена. Она не учитываетъ той крупной роли, которую играютъ коммунистическія ячейки въ промышленныхъ предпріятіяхъ, транспортѣ, въ жизни волостей и т. д. Являясь органами важнѣйшаго по значенію и силѣ охранно-террористическаго аппарата — «чрезвычаекъ», они обладаютъ огромной возможностью вліять на жизнь и дѣятельность учрежденій, въ которыхъ они находятся. Та злобная передѣлка ихъ названія («комищейки»), которую знаютъ и которой пользуются по всей Россіи и во всѣхъ слояхъ населенія, — является сильнымъ свидѣтельствомъ о фактической власти «комячеекъ».

Кто-же правитъ великой страной? Изъ кого и изъ скольких составляется коммунистическая партія? каковы измѣненія, пережитыя и переживаемыя ею?

Составъ партіи. Точныхъ данныхъ о количественномъ составѣ партіи я дать не могу. Въ концѣ 1920 г. и въ первой половинѣ 1921 г. ея численность опредѣлялась цифрой въ 600.000 человѣкъ. Съ нею я и оперировалъ въ главѣ «государство». Цифра давалась Центральнымъ Комитетомъ партіи. Исходя изъ общихъ апріорныхъ соображеній и изъ итоговъ, опубликованныхъ партіей по частямъ Россіи (напр., по 38 губерніямъ къ концу 1920 года было 214.000 членовъ), цифру въ Россіи считали преувеличенной. Провѣрить ее, однако, не было возможности не только для антикоммунистовъ, но даже и для Центральнаго Комитета партіи. Точной цифры не давало ни единство партійнаго билета, ни перерегистраціи.

Во второй половинѣ 1920 года отъ коммунистической партіи начался отходъ членовъ. Въ 1921 году, особенно послѣ широкихъ рабочихъ волненій въ февралѣ-мартѣ, отходъ усилился. Выходили изъ партіи по преимуществу рабочіе. Крестьяне, поскольку они участвовали въ партіи, въ значительномъ числѣ вышли изъ нея еще въ предшествующемъ году. Численность партіи падала. Убыль была усилена, такъ называемой, «чисткой», кото-

рая, по свѣдѣніямъ «Правды», удалила изъ партіи по 31 губерніи 25,9 проц. членовъ, а по даннымъ «Новаго Міра», относившимся къ 43 губерніямъ, 22 проц.. Къ концу 1921 года даже по итогамъ Центральнаго Комитета, въ партіи осталось *«около* 400.000 человѣкъ». Въ Москвѣ, со словъ видныхъ коммунистовъ, фигурировала другая, гораздо меньшая цифра, — 250-300 тысячъ человѣкъ. Повидимому, она была гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ оффиціальная цифра Центральнаго Комитета. *)

Если изъ двухъ послѣднихъ цифръ (250-300 тысячъ) взять высшую, то, при 65 милліонахъ *взрослаго* населенія современной Россіи, коммунисты составляютъ лишь 0,46 проц.. Другими словами на 217 человѣкъ взрослаго населенія приходится лишь 1 коммунистъ. Въ манифестѣ, выпущенномъ 6-ымъ съѣздомъ партіи и датированномъ 13 августа 1917 года, говорилось, что съѣздъ представляетъ 240.000 членовъ. Если повѣрить этой цифрѣ, то за 4 минувшихъ года партія количественно почти не увеличилась. Это не значитъ, конечно, что въ нее не шелъ притокъ, онъ былъ, и большой, но наряду съ нимъ происходилъ и отливъ.

Нѣтъ, къ сожалѣнію, цифръ, чтобы установить для всей партіи размѣръ прилива членовъ по годамъ. Въ моемъ распоряженіи имѣются только данныя (изъ «Правды») относящіяся къ Московской организаціи партіи. Онѣ весьма характерны и потому я приведу ихъ.

Изъ 38.495 членовъ, состоявшихъ къ 1 марта 1921 года въ 1537 ячейкахъ Москвы и ея окрестностей, въ партію вступило: до 1917 года — 4.88 проц.; въ 1917 г. — 11,57 проц.; въ 1918 г. —18,91 проц.; въ 1919 г. 40,19 проц.; въ 1920 г. — 25,4 проц.. Приливъ, такимъ образомъ, до 1920 г., ежегодно усиливается, въ 1920 г. онъ даетъ рѣзкій скачекъ внизъ: съ 15.475 человѣкъ предшествующаго года онъ понижается до 9.778 че-

*) Для утвержденія о непреуменьшенности цифры членовъ въ 300.000 человѣкъ даетъ основанія и замѣтка большевистскаго органа «Новый Міръ» (выходитъ въ Берлинѣ), напечатанная въ началѣ 1922 года: послѣ чистки партіи въ 43 губерніяхъ членовъ было 177.922 человѣка. Губерніи, о которыхъ шла рѣчь, были наиболѣе близкими къ Москвѣ, наиболѣе населенными, съ наибольшимъ количествомъ рабочихъ. Въ нихъ не могло не находиться большинство членовъ партіи.

ловѣкъ. Цифра вступившихъ въ партію въ 1921 году несомнѣнно была бы еще болѣе низкой. 1919 годъ является, слѣдовательно, годомъ наибольшаго притяженія партіей населенія и годомъ ея наибольшей силы. Прямыя глазомѣрныя наблюденія надъ Россіей подтверждаютъ этотъ цифровой выводъ: въ 1919 году, несмотря на внѣшніе военные успѣхи армій Деникина и Колчака, власть коммунистической партіи была сильна, какъ никогда. Дальше я объясню это явленіе.

Изъ кого состоитъ коммунистическая партія? Партія рабочихъ по идеологіи и своему прежнему названію, она вовсе не является рабочей по современному соціальному составу своихъ членовъ. Московскій Комитетъ партіи къ 1 Марта минувшаго года въ составѣ членовъ московской организаціи считалъ 56 проц. рабочихъ, 22 проц. служащихъ, 12 проц. крестьянъ и 10 проц. интеллигентовъ. Врядъ ли это соотношеніе различныхъ группъ въ московской организаціи отражало ихъ соотношеніе во всей Россіи. Къ началу 1922 года оно не отражало во всякомъ случаѣ: въ заявленіи 23 членовъ «рабочей оппозиціи» партіи, поданномъ Коммунистическому Интернаціоналу въ мартѣ текущаго года, составъ партіи опредѣляется въ «40 проц. рабочихъ и въ 60 проц. не пролетаріевъ». «Непролетаріи» рекрутируются по преимуществу изъ того классово-неопредѣленнаго слоя, который въ прошломъ давалъ фармацевтовъ, приказчиковъ, низшихъ конторскихъ и канцелярскихъ служащихъ и прислугу различныхъ общественныхъ и частныхъ учрежденій.

Если рабочіе составляютъ меньшинство даже въ относительно небольшой коммунистической партіи, то ясно какимъ ничтожнымъ меньшинствомъ рабочіе коммунисты должны являться въ рабочей средѣ. Въ газетахъ недавно былъ приведенъ перечень крупныхъ Петроградскихъ заводовъ съ точнымъ указаніемъ общаго числа рабочихъ на каждомъ изъ нихъ и съ цифрой рабочихъ-коммунистовъ. Въ 21 заводѣ съ 20,999 рабочими, коммунистовъ оказалось только 566 или 2,7 проц. И это въ Петроградѣ, который въ коммунистическихъ кругахъ пользуется репутаціей «краснаго» и дѣйствительно насыщенъ коммунистической пропагандой! Во всей странѣ процентъ коммунистовъ рабочихъ еще ниже. Демографическая перепись 1920 года насчитала въ предѣлахъ современной совѣтской Россіи 4.775.000 рабочихъ. Если

въ коммунистической партіи съ ея 300.000 членовъ, рабочихъ имѣется только 40 проц или 120.000 человѣкъ, то они составятъ только 2,5 проц. общей численности рабочаго класса Россіи. Изъ 40 рабочихъ коммунистомъ является только одинъ. Если же имѣть въ виду коммунистовъ-рабочихъ, которые, состоя въ партіи, продолжаютъ заниматься своимъ обычнымъ трудомъ на заводахъ и фабрикахъ, въ копяхъ и транспортѣ, то ихъ относительная (такъ же какъ и абсолютная) численность упадетъ еще ниже. 56 проц. всѣхъ членовъ партіи вѣдь формально связаны съ властью. За привычной работой въ предпріятіяхъ коммунистовъ-рабочихъ, слѣдовательно, врядъ ли наберется больше 1,5 проц.

Для судебъ страны гораздо важнѣе соціальнаго состава партіи является подготовленность ея членовъ къ той отвѣтственной общественной и государственной роли, которая выпала на ихъ долю. Поставить этотъ вопросъ, значитъ дать на него отвѣтъ: неподготовленность ужасающая. Она неповторяема, исключительна. Ея проявленія обычно походятъ больше на изобрѣтенія чьей то злой и безудержной фантазіи, чѣмъ на факты реальной жизни. Неподготовленность проникаетъ всю толщу партіи и сказывается на всѣхъ ступеняхъ іерархической коммунистической лѣстницы. На «верхахъ» партіи она не меньше, а можетъ быть больше, чѣмъ въ «низахъ». Самымъ яркимъ проявленіемъ этой неподготовленности является отрицаніе коммунистами ея важности и необходимости. «Былъ-бы добрый коммунистъ, а на остальное наплевать» — это было принципомъ всей партіи въ полтора-два первыхъ года ея властвованія. Значительная часть партіи не отказалась отъ него и до сихъ поръ. Даже въ 1921 году вопросъ о спеціалистахъ продолжалъ волновать партію и даже въ ея «верхахъ». Необходимо ли и можно ли «спецамъ» давать права по организаціи, администрированію и веденію промышленныхъ предпріятій — этотъ вопросъ оставался нерѣшеннымъ общественнымъ мнѣніемъ партіи даже въ минувшемъ году.

Результаты этой неподготовленности часто были смѣшны по первому впечатлѣнію отъ нихъ, но въ своей совокупности они были ужасны. Было смѣшно, когда уѣздный комиссаръ продовольствія грозилъ крестьянину запретить *сѣять солодъ*; когда назначенный завѣдующимъ «совхоза» коммунистъ приказывалъ въ Тюменьскомъ уѣздѣ стричь овецъ въ концѣ октября, ибо респуб-

лика такъ нуждается въ шерсти; *) когда на посѣвъ раздавалось *пшено и поджаренные* подсолнухи; когда въ Московскую губернію въ качествѣ сѣмянного матеріала привозили кукурузу; когда комиссаръ земледѣлія Туркестанской республики обращалъ конные садовые опрыскиватели въ бочки ассенизаціоннаго обоза; когда начальникъ административнаго отдѣла въ Комиссаріатѣ Просвѣщенія (Невельсонъ) приказывалъ приведеннымъ солдатамъ «свернуть» въ одну комнату огромной цѣнности библіотеку, составленную изъ книгъ дворянскихъ усадебъ, и солдаты въ одинъ день уничтожили результаты годичной кропотливой работы комиссіи изъ лучшихъ библіографовъ Россіи по разбору и систематизаціи этихъ книгъ; смѣшно, когда инструкторъ казеннаго культурно-просвѣтительнаго учрежденія спрашиваетъ, какъ будетъ «балерина» въ мужскомъ родѣ, а завѣдующій важной частью губернскаго отдѣла здравоохраненія безапелляціонно разъясняетъ своему секретарю, что «кромѣ», — это значитъ «да» и если написано «выдать продукты всѣмъ кромѣ врачей», это значитъ, что врачамъ именно и надо выдать. Этотъ юмористическій списокъ можетъ увеличиться до размѣровъ огромнаго тома. Дѣлается, однако, вовсе не смѣшно, когда послѣ октябрьской стрижки отъ морозовъ околѣваетъ тысячеголовое стадо мериносовыхъ овецъ, когда тотъ же комиссаръ продовольствія, что грозилъ крестьянину запретить сѣять солодъ, приказываетъ въ одну кучу ссыпать картофель раннихъ и позднихъ сортовъ, или ссыпать въ одно помѣщеніе различные сорта пшеницы, рѣзко отличающіеся временемъ созрѣванія, когда крестьянамъ даются невсхожія сѣмена, когда фруктовые сады Туркестана остаются безъ защиты отъ вредителей, уничтожающихъ урожай, когда культурно-просвѣтительная работа вслѣдствіе полной безграмотности «начальства» становится невозможной, а врачи по той же причинѣ остаются безъ пайка. До смѣха становится очень далеко, когда читатель вспомнитъ ежегодное сгниваніе въ голодающей

---

*) Губернскій продовольственный комиссаръ Тюменьской губерніи (Индельбаумъ) поведеніе коммуниста — «совхозника» распространилъ на все населеніе губерніи: если крестьяне не выполнятъ шерстяной разверстки полностью, то они должны снова стричь овецъ. А шерсть собиралась поздней осенью и распоряженіе комиссара было отдано передъ самымъ наступленіемъ зимнихъ морозовъ.

Россіи милліоновъ пудовъ продовольствія, которое я отмѣчалъ въ главѣ «государство».

Факты неподготовленности принимаютъ совсѣмъ зловѣщую окраску, они становятся жуткими, когда мы вспомнимъ безсмысленную продовольственную политику центральной власти, въ результатѣ которой десятки милліоновъ людей теперь голодаютъ и изъ нихъ милліоны обречены на голодную смерть. А продовольственная политика не одинока: въ одномъ ряду съ ней стоитъ политика финансовая, рабочая, кооперативная, земельная, промышленная, школьная... Какую область общественной жизни можно назвать въ современной Россіи, которая бы не была политикой власти разгромлена, изгажена, приведена въ состояніе полнаго хаоса. Такихъ областей нѣтъ.

Я не думаю, конечно, разгромъ общественной жизни и народнаго хозяйства Родины объяснять только неподготовленностью партіи, взявшей власть въ свои руки. Нельзя, однако, и скинуть со счетовъ этотъ весьма важный факторъ.

Великую страну разрушили не только коммунисты, но и безграмотные неучи, не только *коммунистическая* политика, но и до послѣдней степени *невѣжественная* политика.

Разрушительное дѣйствіе невѣжественной власти было тѣмъ сильнѣе, что она проводила свою программу и вытекающую изъ нея политику послѣдовательно, прямолинейно, твердо. Ее не останавливали препятствія, не смущали жестокости, не пугали стоны и слезы населенія. Намѣтивъ свой путь, она не сходила съ него, пока не упиралась даже не въ стѣну: стѣну она пробивала артиллеріей, а въ пропасть. Только тогда, не раньше, она мѣняла свой курсъ. Такую твердую, жестко послѣдовательную политику власти дѣлали возможной и психическія свойства участниковъ ея, и общественныя условія, въ которыхъ жила и царствовала партія.

Процессы роста партіи и сложныя явленія приливовъ и отливовъ ея членовъ повиновались закону естественнаго отбора по психологическимъ признакамъ. Въ партію входили психологически разныя лица, но надолго оставались въ ней лишь люди опредѣленнаго психическаго склада. Дѣятельный членъ коммунистической партіи является не обычнымъ среднимъ русскимъ человѣкомъ. Онъ обладаетъ своими особенными чертами, дѣлаю-

щими изъ него своеобразный психическій типъ. Поговорите съ любымъ интеллигентнымъ и наблюдательнымъ жителемъ Россіи и почти каждый изъ нихъ отмѣтитъ вамъ въ качествѣ психическихъ чертъ дѣятельнаго коммуниста, — волевую складку характера, самоувѣренность, явственно-проступающую грубоватость или прямо грубость,весьма часто жесткость или даже жестокость. Коммунистъ неразвитъ до невѣжественности, онъ не знаетъ поэтому сложныхъ пріемовъ, не предвидитъ далекихъ слѣдствій, надолго разсчитывать онъ не умѣетъ. Но всѣ эти свойства, дѣлая умъ узкимъ, дѣлаютъ его и смѣлымъ. Этотъ умъ не рефлексируетъ, онъ не взвѣшиваетъ, не колеблется и потому коммунистъ почти всегда твердо идетъ напрямикъ, если надо — идетъ напроломъ. Психическія особенности сказываются даже въ его физическомъ обликѣ и люди, которые наблюдаютъ окружающихъ по внутренней потребности или по внѣшней необходимости, часто безошибочно опредѣляютъ коммуниста въ проходящей толпѣ.

Въ условіяхъ русской жизни четырехъ послѣднихъ лѣтъ, коммунистами могли становиться многіе, но остаться ими немногіе. Въ главѣ «государство» я уже указывалъ на современный отборъ лицъ, работающихъ на отвѣтственныхъ постахъ въ «чрезвычайкахъ». Сказанное по отношенію къ «чрезвычайщику» въ принципѣ приложимо и къ коммунисту вообще.

Уже три года партія окружена широкой и сильной ненавистью во всѣхъ слояхъ населенія. Чтобы идти въ нее, а тѣмъ болѣе длительно оставаться въ ней, надо имѣть достаточно независимый и сильный характеръ. Во всякомъ случаѣ, настолько независимый и сильный, чтобы имѣть психологическую возможность пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ окружающихъ, зачастую даже мнѣніемъ близкихъ людей. Такъ называемые эгоальтруистическіе мотивы должны быть ослаблены.

Надо имѣть, однако, характеръ, не только независимый, но и смѣлый, ибо кто изъ коммунистовъ не знаетъ опасности, которой онъ подвергаетъ себя, а часто и близкихъ, своимъ членствомъ въ партіи: возстанія, неизбѣжно влекущія гибель коммунистовъ, идутъ повсемѣстно и ни одинъ районъ не гарантированъ отъ нихъ. А кромѣ возстаній возможенъ и общероссійскій переворотъ, когда вмѣстѣ съ коммунистической властью полетятъ и коммунистическія головы. Въ 1921 году это сознаніе неизбѣжнаго и близ-

каго переворота сдѣлалось распространеннымъ убѣжденіемъ въ коммунистическихъ кругахъ (см. объ этомъ дальше).

Къ двумъ указаннымъ свойствамъ должна была прибавиться и жесткость или жестокость. Входя въ партію, каждый понималъ, что онъ беретъ на себя не только отвѣтственность за ту кровь, разруху и слезы, которыя несла политика партіи, но онъ будетъ вынужденъ принимать и личное участіе въ проведеніи политики. Слезы, стоны, можетъ быть и кровь, вызовутъ и его *личныя* дѣйствія. Ослабленными должны быть не только эго-альтрустическія переживанія, но и альтруистическія. У коммуниста должна быть не только сильная воля, но и забронированное сердце.

Всѣ эти черты, необходимыя для члена, только *участвующаго* въ партіи, дѣлаются еще необходимѣе и еще подчеркнутѣе для *дѣйствующаго* въ ней. Лица не обладающія ими были обречены или на пребываніе не у дѣлъ, или на невидныя мелкія должности.

Особенно требовалась волевая складка. На каждомъ шагу и въ каждой области дѣятельность коммунистической власти наталкивалась на столько препятствій, порождаемыхъ и отношеніемъ населенія, и работой служащихъ, и острой нехваткой всякаго рода матеріальныхъ предметовъ, что преодолѣть ихъ было подъ силу не каждому.

Вступленіе въ партію, пребываніе въ ней и въ особенности активныя дѣйствія въ ней шли подъ знакомъ отбора приспособленныхъ. Создавался особый психологическій типъ активнаго коммуниста.

Какими мотивами движется типичный коммунистъ въ своихъ дѣйствіяхъ? Назвать необходимо три: идейность, власть и экономическій интересъ, но не всѣ они одинаково распространены и, слѣдовательно, не всѣ одинаково типичны. Идейные люди существуютъ среди коммунистовъ. Нерѣдко это и лично честные люди, порой *глубоко* честные. Лично они не способны пойти ни на какое дѣйствіе, которое противорѣчитъ принятымъ нормамъ человѣческой нравственности. Я вспоминаю одного изъ такихъ. Онъ завѣдывалъ однимъ изъ отдѣловъ распредѣленія въ одномъ изъ комиссаріатовъ. Служба давала ему возможность неограниченнаго воровства и его подчиненные охулки на руку не клали: воровство шло безшабашное. А завѣдующій съ большой семьей жилъ въ маленькой квартиркѣ и довольствовался положеннымъ. Ему было *неловко* добиваться даже усиленныхъ легальныхъ выдачъ,

ибо почему онъ будетъ жить сыто, когда вся страна голодаетъ? Однажды онъ упалъ на службѣ въ глубокій обморокъ. Приглашенный врачъ констатировалъ сильнѣйшее истощеніе на почвѣ голода. Читатель, вѣроятно, уже встрѣчался съ такимъ типомъ коммуниста по чудесному очерку Донского «отъ Москвы до Берлина». *) Идейные люди среди коммунистовъ есть, но ихъ весьма немного. Многочисленными они не могутъ быть уже по тому одному, что уровень общаго развитія типическаго коммуниста весьма низокъ. Въ обычно узкій кругозоръ и конкретную мысль коммуниста не вмѣститься широкимъ и отвлеченнымъ идеямъ, лежащимъ въ основѣ коммунистической идеологіи.

Гораздо шире распространены два другихъ мотива — власть и экономическій интересъ. Положеніе коммунистической партіи, какъ правящей и притомъ правящей безъ контроля, безъ отвѣтственности и законовъ, даетъ почти неограниченную возможность почувствовать возбуждающій дурманъ власти и имѣть увеличенный доходъ, лучшее питаніе, одежду, удобную квартиру и т. д. Экономическіе интересы зачастую превращались въ жадную корысть и тогда начиналось хищное стяжаніе въ свою пользу съ просителей, изъ казны, со всего населенія. Представителями и носителями этого экономическаго мотива, перешедшаго въ неоглядную жадность къ «накопленію», на «верхахъ» коммунистической партіи являются: Зиновьевъ, Бончъ-Бруевичъ, Склянскій и пр. Подражатели въ серединѣ и низахъ партіи у нихъ безчисленны. Ихъ «тьма темъ».

Трудно сказать, какой изъ двухъ послѣднихъ мотивовъ распространеннѣй и чаще. Собственное наблюденіе, а главное, многочисленные разсказы другихъ говорятъ, что обычно они оба въ разныхъ пропорціяхъ сплавлены въ коммунистической душѣ. На лицевой сторонѣ сплава нерѣдко встрѣчается и тонкій слой идейной позолоты. Она почти всегда чувствуется въ *словахъ* и почти никогда въ *дѣйствіяхъ*.

Оба указанныхъ мотива достаточно сильны въ человѣческой душѣ, чтобы пришпоривать волю къ энергичнымъ и длительнымъ дѣйствіямъ — тѣмъ болѣе хорошую волю, для которой самый фактъ дѣйствія является стимулирующей силой. А хорошая воля у *дѣйствующихъ* коммунистовъ была.

---

*) Архивъ Русской Революціи. Выпускъ II.

Указанныя свойства коммунистической психики позволяютъ утверждать съ полной увѣренностью, что на добровольную сдачу власти, на ея ограниченіе, на раздѣлъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, коммунистическая партія не пойдетъ. Когда наступитъ часъ ея паденія, она не падетъ такъ безкровно и покорно, какъ пала царская власть. Коммунистическая власть будетъ *упорно* защищаться.

Для своей твердой и невѣжественной политики во всѣхъ областяхъ жизни, коммунистическая партія имѣла не только *приспособленныя*, но и *развязанныя* руки. Внѣшняя обстановка, въ которой протекала ея общественная дѣятельность не ставила ей никакихъ легальныхъ затрудненій. Отсутствовалъ независимый контроль, ни у кого не было никакихъ правъ, кромѣ права силы, отсутствовалъ судъ, въ жалкую ширму давно превратились совѣты, не существовала печать. Контролировать поэтому было некому, нарушать права нельзя (ибо они не существовали), отвѣчать не передъ кѣмъ, критиковать негдѣ. Для властвующаго и невѣжественнаго человѣка было гдѣ разгуляться. Безъ помѣхъ и риска отвѣтственности онъ могъ проводить любой планъ и любыми способами.

Нравственно-общественное вырожденіе партіи. Неограниченная власть и пользованіе ею безъ контроля и закона, а слѣдовательно и безъ отвѣтственности, для партіи не проходили даромъ. Обстановка, созданная ею самой, вызвала въ ней процессы нравственно-общественнаго перерожденія. Каждый членъ партіи вырождался въ общемъ обликѣ своей личности и въ общественныхъ дѣйствіяхъ. Вырожденіе захватывало его въ концѣ концовъ и какъ члена партіи.

Для вырожденія партіи и составляющихъ ее лицъ достаточно было уже одной очерченной обстановки: омутъ неограниченной власти и полной безотвѣтственности затягиваетъ и губитъ каждую власть и каждую, даже самую чистую, человѣческую душу. Для коммунистической партіи дѣйствіе обстановки, однако, усиливалось другими вліяніями. Сюда относится, во первыхъ, война, во вторыхъ, та моральная обстановка, въ которой жила партія.

Въ обстановкѣ войны долгое время были и дѣйствовали *большинство* активныхъ коммунистовъ, въ атмосферѣ, созданной фактомъ войны и ея запросами, жили *всѣ* коммунисты.

Военная жизнь и военныя дѣйствія на фронтѣ пріучили къ произволу и насилію, къ чувству безотвѣтственности, къ спокойствію передъ слезами и кровью. На войнѣ по отношенію къ врагу фактически все позволено. Тѣмъ болѣе въ гражданской войнѣ. Три года гражданской войны на безчисленныхъ фронтахъ не могли не оставить въ душѣ ея дѣятельныхъ участниковъ глубокихъ изъяновъ. Они вышли изъ нея болѣе грубыми и жестокими, съ большей привычкой къ насилію и безотвѣтственности, чѣмъ вошли въ нее.

Сходнымъ образомъ, хотя и менѣе сильно, война дѣйствовала и на коммунистовъ, властвовавшихъ въ тылу. Въ успѣхѣ войны они были заинтересованы глубоко. Пораженіе на военномъ фронтѣ для нихъ обозначало не только гибель коммунистическаго оазиса, что было бы не такъ уже важно, но и тяжелыя личныя послѣдствія. Побѣда врага несла рискъ ихъ физическому существованію, ихъ политической власти, ихъ матеріально-обезпеченной жизни. Слабые идейные стимулы сливались въ одно цѣлое съ безконечно болѣе сильными мотивами безопасности, власти и дохода. Коммунисты въ тылу для успѣха войны дѣйствовали не меньше, чѣмъ коммунисты на фронтѣ. Личная опасность нагнетала ихъ энергію, а неотложные интересы войны оправдывали въ ихъ сознаніи военные методы управленія населеніемъ, а слѣдовательно и любые пріемы воздѣйствія на него. Наконецъ, война была не только на фронтахъ, она шла и въ тылу — возстанія вспыхивали безпрерывно, заговоры зрѣли вездѣ. Обычное дѣйствіе войны на фронтѣ, распространилось и на тылъ, даже самый глубокій.

Психологія коммуниста оказалась милитаризованной. Къ милитаризаціи психики общепринятая соціалистическая идеологія и тактика предрасполагаетъ всѣхъ соціалистовъ. Представленіе о классовой борьбѣ, какъ основномъ нервѣ общественной жизни современности, попытки развить ее до предѣловъ міровой соціальной революціи — развѣ это не должно милитаризовать душу? Ненависть къ врагу, которую старались разжечь въ сердцахъ бойцовъ вожди всѣхъ временъ и битвъ, развѣ не разжигается теоріей и практикой классовой борьбы? Стоитъ вглядѣться въ соціалистическую рѣчь, въ кругъ наиболѣе привычныхъ для нее оборотовъ и словъ, стоитъ въ особенности вслушаться въ

митинговую рѣчь соціалиста оратора, въ соціалистическіе гимны, какъ милитаризація рѣчи, отражающая милитаризацію духа, станетъ очевидной...

Коммунистъ, который является крайне лѣвымъ крыломъ соціалистической армады, значеніе классовой борьбы въ своей идеологіи и тактикѣ довелъ до nex plus ultra. Она для него ключъ, который открываетъ дверь къ пониманію любой проблемы и къ рѣшенію любой задачи. Психика коммуниста была милитаризована вдвойнѣ.

Коммунистъ, однако, не только думалъ о войнѣ и звалъ къ ней, онъ и вызвалъ ее. Вызвавъ, онъ дѣятельно и долго участвовалъ въ ней, содѣйствуя побѣдѣ въ тылу и на фронтѣ. Въ теченіи трехъ лѣтъ война опредѣляла его помыслы, настроенія, дѣйствія. Коммунистъ былъ милитаризованъ втройнѣ.

Глубокое вліяніе войны на психику коммуниста отчетливо проявляется въ его рѣчи. Ее не надо дѣлать объектомъ спеціальнаго наблюденія, чтобы живо почувствовать ея «боевыя» особенности. Плакатъ, изданный Комиссаріатомъ здравоохраненія и говорящій о способахъ охраны отъ какой нибудь болѣзни, выставка какого нибудь культурно-просвѣтительнаго учрежденія, листовка агрономическаго поѣзда, экономическая газета, журналъ Комиссаріата Просвѣщенія и т. д. — вездѣ вамъ встрѣтятся въ безчисленномъ количествѣ слова и цѣлыя фразы военнаго обихода. Врачи тутъ будутъ «ударниками», борьба съ эпидеміей — «эпидемическимъ фронтомъ», типографскіе рабочіе — «штурмовой колонной», подъемъ продукціи какой либо фабрики — «прорывомъ вражескаго фронта», политическая книжка — «бомбой», язвительная статья — «пироксилиновой шашкой», рабочіе — «арміей труда», административное распоряженіе какого нибудь глубоко штатскаго учрежденія — «боевымъ приказомъ»; противъ распада народнаго хозяйства выставляется «могучая артиллерія труда», даже вошь-«сѣмашка» превращена въ «врага, который штурмуетъ твердыни октябрьской революціи».

Если политическая обстановка и война неминуемо вызывали общественное вырожденіе партіи въ ея гражданскихъ дѣйствіяхъ, то моральный духъ, царившій въ ней, оправдывалъ его. Всѣ акты поведенія, изъ которыхъ вырожденіе складывалось и въ которыхъ оно проявлялось, въ представленіяхъ партіи не были ни зазорными, ни преступными.

Какъ уже указывалось (въ главѣ «государство»), партія пришла къ власти съ теоріей всеопредѣляющаго значенія классовой борьбы. Философія, мораль, искусство, наука, формы политической жизни и т. д. — все это запечатлѣно интересами правящаго класса и поставлено на служеніе имъ. Новому классу, берущему власть, пользоваться тутъ нечѣмъ и незачѣмъ. Онъ долженъ создать свои образцы и нормы, свои научныя теоріи и политическія формы. По мнѣнію Ленина, «Берклей, Юмъ, Кантъ, Махъ, Пуанкаре и т. д., какъ вѣрные слуги буржуазіи, развивали ученія въ которыхъ нѣтъ здороваго человѣческаго пониманія, и они предназначены лишь для того, чтобы держать пролетаріатъ въ его рабствѣ». *)

Я не знаю случая, когда моральныя нормы и сдержки, выработанныя предшествующей эволюціей человѣчества, отвергались бы вождями большевизма теоретически, но онѣ и не утверждались ими. Тѣмъ самымъ и они подпали подъ общее огульное отрицаніе большевистской идеологіей «буржуазныхъ» духовныхъ цѣнностей. На практикѣ же, въ открытыхъ дѣйствіяхъ и публичныхъ заявленіяхъ самыхъ отвѣтственнѣйшихъ руководителей партіи эти моральныя нормы отвергались безпрерывно. Въ одной изъ своихъ брошюръ Ленинъ писалъ не обинуясь: «когда въ этомъ есть надобность, слѣдуетъ пускать въ ходъ хитрость, ловкость, конспиративные методы, умолчаніе правды»....

Если не было теоретическаго отрицанія нравственныхъ сдержекъ и нормъ, то *оправданіе пренебреженію* ими было всегда. Оправданіе дала сначала марксистская идея мессіонизма рабочаго класса, а потомъ вовсе не марксистская идея мессіонизма коммунистической партіи. Во имя блага всего человѣчества, во имя сверженія отвратительной буржуазіи и наступленія свѣтлаго царства соціализма — чего нельзя оправдать? Передъ лицомъ величайшей изъ міровыхъ задачъ всѣ пріемы дозволены, всѣ средства годны, если они ведутъ къ цѣли, если въ нихъ «есть надобность». Надобность чувствовалась всегда и потому съ самыхъ «верховъ» партіи безпрерывно выбрасывались самые безчестные, самые лживые лозунги. Власть коммунисты захватывали съ обѣщаніемъ «хлѣба, мира и земли» и съ обѣщаніемъ «честнаго созыва Учредительнаго Собранія»; горы дѣтскихъ трупиковъ въ

---

*) М. А. Алдановъ «Lenin und der Bolschewismus», S. 47.

своихъ дѣтскихъ домахъ-вертепахъ, они превращали въ трибуну, чтобы съ нея трубить на весь міръ о своихъ заслугахъ въ дѣлѣ государственнаго призрѣнія дѣтей; разгромъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія въ Россіи давалъ имъ основаніе объявить о «ликвидаціи безграмотности»; широкія, какъ море, крестьянскія возстанія они представляли, какъ возстанія «кулаковъ»; выступленіемъ Кронштадта по ихъ заявленію руководили генералы и реакціонеры; локаутъ въ какой либо странѣ въ ихъ газетахъ превращался въ «побѣдоносную атаку пролетаріата»; перекрасивъ вывѣски «чрезвычайки» на вывѣску «Государственнаго политическаго управленія», они возвѣщали о прекращеніи террора въ Россіи; гарантировавъ въ 1920 году неприкосновенность участникамъ кубанской арміи, они слѣдомъ же за ея разоруженіемъ арестовали офицеровъ и сослали въ Архангельскъ, чтобы тамъ разстрѣлять изъ пулеметовъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Не трудно понять послѣдствія, которыми очерченная политическая, психологическая и моральная обстановка должна была сказаться на психикѣ и дѣйствіяхъ членовъ коммунистической партіи. Нравственно-общественное вырожденіе было неизбѣжно. Тѣ особенности ихъ внутренняго облика, которыя позволяли имъ оставаться и дѣйствовать въ партіи, должны были усиливаться до геркулесовыхъ столбовъ, доходя до границы патологическаго или даже переваливая ее. «Посѣй поступокъ и получишь привычку, посѣй привычку и пожнешь характеръ». Поступки членами партіи сѣялись густо и изо дня въ день. Въ той благопріятной обстановкѣ, которая царила въ Россіи, привычки и характеры изъ нихъ вызрѣвали быстро. И что это были за привычки, что за характеры!

Неограниченная и безотвѣтственная власть порождала въ ея носителяхъ неприкрытое, нагло вылѣзающее на Божій свѣтъ, чувство своей исключительной роли необыкновенной важности. Появлялась надменность со своими постоянными спутниками — нетерпимостью и ощущеніемъ привилегированности. Невѣжественный маленькій человѣчекъ чувствовалъ себя, если не олимпійцемъ, то, по крайней мѣрѣ, сверхчеловѣкомъ. Съ простымъ смертнымъ онъ уже не говорилъ, а вѣщалъ; не просилъ, а требовалъ и приказывалъ, не совѣтовалъ, а снисходилъ до совѣта. Противорѣчіе для него становилось нестерпимымъ, критика непереносимой.

Отъ агронома старика, который ѣхалъ въ качествѣ уполномоченнаго Московскаго Комиссаріата Земледѣлія, послѣ его вагоннаго спора по религіознымъ вопросамъ съ мальчишкой коммунистомъ, былѣ потребованъ коммунистическій партійный билетъ. Агрономъ оказался не коммунистомъ. Мальчишка пересталъ разговаривать, а когда оба пріѣхали въ конечный пунктъ поѣздки — въ Ташкентъ, агрономъ былъ немедленно арестованъ ж. д. «чекой» и отправленъ въ тюрьму. Лишь по счастливой случайности споръ обошелся уполномоченному только въ три недѣли тюремнаго заключенія.

Арестомъ оканчиваются оппозиціонныя рѣчи почти каждаго оратора на уѣздныхъ и губернскихъ съѣздахъ совѣтовъ. Редакторъ «Правды» на съѣздѣ представителей коммунистической печати, объясняя ея нищенски-убогое содержаніе, между прочимъ указывалъ на невозможность помѣщать въ ней статьи и замѣтки, которыя расходятся со взглядами мѣстнаго партійнаго комитета или «губисполкома». Онъ приводилъ случай, когда запретъ подкрѣплялся угрозой разстрѣла и доходилъ до предписанія не упоминать въ газетѣ о повышеніи цѣны на воду изъ водоразборныхъ будокъ.

Въ заграничной прессѣ уже были приводимы случаи ареста портныхъ, когда они отказывались отъ заказовъ какого-либо коммуниста или не выполняли заказа въ срокъ,назначенный заказчикомъ. Опубликованные факты составляютъ только сотую, а можетъ быть, и тысячную долю тѣхъ, которые происходили въ Россіи.

Въ 1921 г. коммунистъ Кореневъ, членъ Всероссійскаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ былъ назначенъ послѣднимъ въ комиссію для выработки мѣръ по улучшенію положенія дѣтей въ совѣтской республикѣ. Кореневъ вызвалъ къ себѣ двухъ отвѣтственныхъ служащихъ Комиссаріата Просвѣщенія (одинъ былъ агрономъ, другой журналистъ) и приказалъ имъ выполнить совершенно невыполнимыя вещи. Когда служащіе Комиссаріата пытались мягко указать ему на несообразность требованій, Кореневъ побагровѣлъ, вышелъ изъ себя и началъ ругать ихъ по *матерному*. Самъ администраторъ происходилъ изъ рабочихъ.

Послѣдній случай не одинокъ, знаю подобные же по ряду городовъ (Вологда, Ярославль, Вятка), но онъ и не типиченъ: съ интеллигенціей представители власти все-таки сдерживались, но

что дѣлалось съ крестьянами, съ рабочими, съ рядовымъ необразованнымъ горожаниномъ! Ихъ били кулаками и револьверами, отправляли въ «чрезвычайку», въ Тюменьскомъ уѣздѣ выводили на фиктивный разстрѣлъ, чтобы «попугать». Пугали иногда до того, что люди теряли разсудокъ.

Нетерпимость изъ отношенiй къ некоммунистамъ переносилась внутрь партiи: здѣсь «старшiе» не хотѣли слышать возраженiй «младшихъ», комиссаръ — не комиссара, военный работникъ — гражданскаго и т. д. Во время знаменитаго спора о профессiональныхъ союзахъ (въ началѣ 1921 г.) спорящiе стороны хватались за оружiе. Въ арміяхъ (Крымской и Кавказской) дѣло доходило даже до разоруженія «троцкистами» воинскихъ частей, которыя были «ленинцами» и наоборотъ.

О размѣрахъ нетерпимости, даже внутри партіи, краснорѣчиво говоритъ требованiе «рабочей оппозиціи», выдвинутое во время тѣхъ-же страстныхъ споровъ о «профсоюзахъ». Она добивалась права «свободнаго выступленія во всѣхъ *партiйныхъ* собраніяхъ и *фракцiонныхъ* засѣданiяхъ совѣтскихъ органовъ *всѣхъ* теченiй партiи». Это-же требованiе черезъ годъ (въ мартѣ 1922 г.) снова было выдвинуто въ заявленiи 23 коммунистовъ Исполнительному Комитету Коммунистическаго Интернацiонала.

Не менѣе ярко выступаетъ и ощущенiе коммунистами своей привилегированности. Это чувство также проникаетъ всю толщу партiи — отъ «низовъ» до «верховъ». На «низу» рабочiе коммунисты, поселившiеся на землѣ земледѣльческой коммуной, требуютъ, чтобы при встрѣчахъ съ ними съ дороги обязательно сворачивалъ крестьянинъ, какъ раньше того-же требовалъ помѣщикъ и земскiй начальникъ. «Помѣщичьи у нихъ лошади, помѣщичьи и повадки» говорили крестьяне Самарской губернiи. А «наверху» видная коммунистка, живущая въ Кремлѣ, говорила извѣстному московскому доктору по дѣтскимъ болѣзнямъ, что послѣ запрещенiя частной врачебной практики, она все-таки будетъ вызывать его. «А если я не поѣду въ согласiи съ вашимъ декретомъ?» — «Силой привеземъ». — «Почему-же къ вашимъ дѣтямъ я долженъ ѣздить, а къ дѣтямъ другихъ не могу?» — «Ну,

---

*) Такой декретъ готовился и долженъ былъ выйти 1 мая 1921 года, но не вышелъ.

это *наши* дѣти», аргументировала дѣятельница по немедленному установленію на землѣ равенства и братства. Точно также въ 1920 году членъ Центральной Ревизіонной Комиссіи коммунистической партіи аргументировалъ своему родственнику, пораженному необыкновеннымъ богатствомъ его завтрака, изобиліе своего стола: «Это-же *мы* ѣдимъ». «А въ больницахъ умираютъ съ голоду», возразилъ родственникъ. «Ну, успокоилъ коммунистъ, въ больницахъ, гдѣ лежатъ коммунисты, не умираютъ». «А въ другихъ?» — «На то они и *другіе,* чтобы тамъ было хуже». «Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ фактомъ стоитъ и разсказъ «Совѣтская *муму*», *) въ которомъ Стекловъ посылаетъ солдатъ поймать и убить собаченку, любимицу дѣтей цѣлой колоніи, потому что она лаемъ мѣшаетъ ему спать по ночамъ.

Въ провинціи, по тому-же ощущенію своей привилегированности и съ тѣмъ-же оправданіемъ своей высокой міровой миссіей, коммунисты отбирали у населенія квартиры, обстановку, огороды (даже воздѣланные), сады, музыкальные инструменты. Какъ привилегированные, они не стояли ни въ какихъ очередяхъ, не несли общегражданскихъ натуральныхъ повинностей, пользовались правами преимущественнаго и усиленнаго снабженія и т. д.

Совершенно ничтожные людишки прямо на глазахъ выростали въ надменныхъ Юпитеровъ. Мягкіе, они черезъ годъ-два пребыванія въ партіи, поражали своимъ нечеловѣческимъ бездушіемъ. Крѣпко запомнился случай съ однимъ изъ такихъ коммунистовъ. Этотъ X., ставъ важной особой въ своемъ губернскомъ городѣ, не могъ остаться въ своей прежней небольшой квартирѣ. Началъ пріискивать подходящую и пріискалъ. Семья, которая жила въ этой квартирѣ, свыше 20 лѣтъ, по требованію жилищнаго отдѣла должна была выѣхать. Городъ былъ переполненъ и найти новую квартиру являлось дѣломъ абсолютно невозможнымъ. Глава семьи, старый и почтенный человѣкъ, узнавъ причину выселенія *на колѣняхъ* стоялъ передъ X., умоляя его отказаться отъ новой квартиры. Стояла поздняя осень, надвигалась зима. — «Войдите въ положеніе, товарищъ X», плакалъ несчастный хозяинъ, «ну, куда я дѣнусь со своей семьей. Вѣдь прямо на улицу

*) Еженедѣльникъ «Воля Россіи» № 6.

выбрасываете насъ». X. остался непреклоненъ. А я этого X. знаю уже 9 лѣтъ. Всегда былъ маленькій, мягкій, услужливый.

Второе направленіе, въ которомъ пошло вырожденіе коммунистовъ, — область ихъ «хозяйственной» дѣятельности. Богатства сами просились въ руки и коммунисты не устояли. Какъ ни развито нищетой воровство населенія въ современной Россіи, но честь быть первымъ тутъ принадлежитъ безспорно дѣятелямъ коммунистической партіи. Они не только берутъ взятки, «разбазариваютъ» національное имущество, спекулируютъ пищевыми припасами, привозимыми въ классныхъ вагонахъ спеціальнаго назначенія и въ обычныхъ теплушкахъ — нерѣдко подъ охраной вооруженныхъ солдатъ, но переходятъ на прямой грабежъ, отбирая у населенія цѣнные сервизы, картины, ковры. Въ деревняхъ и провинціальныхъ городахъ коммунисты пріобрѣтали дачи, дома, усадьбы, въ столичныхъ городахъ добытыя деньги переводятся, какъ правило, въ драгоцѣнные камни. Правая рука Троцкаго (по Военно-Революціонному Совѣту Республики) — Склянскій — пользуется въ Москвѣ репутаціей «перваго покупателя брилліантовъ». Особенная популярность въ Россіи принадлежитъ предсѣдателю III Интернаціонала — Зиновьеву. «Послѣднія Новости» недавно опубликовали, что «въ Ковно при досмотрѣ багажа Шпигельгласса были обнаружены драгоцѣнности на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Какъ оказалось, это скромныя сбереженія Зиновьева и его жены С. М. Лилиной». Невѣроятнымъ содержаніе этой замѣтки мнѣ не представляется. Самымъ богатымъ человѣкомъ Россіи считается бывшій управляющій дѣлами Совѣта Народныхъ Комиссаровъ — Бончъ-Бруевичъ. Дальше слѣдуютъ имена Бадаева, бывшаго Петроградскаго продовольственнаго комиссара, а теперь предсѣдателя правленія Московской потребит. коммуны, Стеклова — редактора «Извѣстій». Москва называетъ до двухъ десятковъ фамилій видныхъ коммунистовъ, усиленно грѣшащихъ противъ шестой заповѣди Моисея, но кромѣ пяти названныхъ, я теперь ихъ не помню.

Третій типъ процессовъ разложенія въ замѣтныхъ размѣрахъ проявился только послѣ польской войны — съ осени 1920 года. Онъ захватилъ область личнаго быта коммунистовъ. Свѣдѣнія, доходившія ко мнѣ зимой 1920-21 года, изобиловали сообщеніями объ усиленномъ пьянствѣ среди коммунистовъ, о картежной игрѣ, половомъ развратѣ. Періодъ разводовъ съ женами и броса-

нія прежнихъ семей *) къ этому времени уже прошелъ, но началась новая полоса — коммунисты усердно заводили любовницъ. Продажа спиртныхъ напитковъ тогда еще не была разрѣшена, но на мѣстахъ, во-первыхъ, существовали губернскіе «здравотдѣлы» (отдѣлы здравоохраненія), во вторыхъ, органы «Главспирта». Въ первыхъ получалось вино «для лечебныхъ цѣлей», во вторыхъ спиртъ «для техническихъ надобностей». Недостатка въ охмѣляющихъ напиткахъ не было и руководители жизнью уѣздовъ и губерній проводили за ними ночи напролетъ.

Это паденіе нравовъ въ личномъ быту захватило и московскіе «верхи». Въ Москвѣ, правда, издавна существовали нелегальные рестораны съ отдѣльными кабинетами и крѣпкими винами, у комиссаріатовъ имѣлись свои собственные поставщики винъ, подъ Москвой былъ загородный ресторанъ, въ который почти каждую субботу на автомобиляхъ отправлялась довольно значительная компанія коммунистовъ съ женщинами и съ предсѣдателемъ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства — Рыковымъ во главѣ, существовало нѣсколько салоновъ дамъ полусвѣта. До начала 1921 года пьянство среди интеллигентныхъ коммунистовъ Москвы особенно замѣтнымъ, однако, не было. Въ началѣ 1921 года оно рѣзко усилилось. По времени это совпало съ началомъ рабочихъ волненій и съ усиливавшимися разговорами среди коммунистовъ о томъ, что «ставка на соціальную революцію въ Европѣ бита», что «пора выходить изъ игры», что «положеніе власти въ Россіи безнадежно и ея гибель неизбѣжна». Думается, что это совпаденіе было не случайнымъ. Послѣ ликвидаціи военныхъ фронтовъ, жестокой топливной и продовольственной катастрофы начала 1921 года, послѣ широкихъ рабочихъ волненій того же періода, положеніе вдругъ всѣми коммунистами почувствовалось, какъ совершенно безвыходное. Упавшее настроеніе и ослабѣвшіе нервы усиленно запросили тогда искусственныхъ возбуждающихъ средствъ. Въ провинціи болѣе близко стоящей къ жизни, приближающійся крахъ былъ почувствованъ раньше, оттого коммунисты тамъ раньше принялись и за свой «пиръ во время чумы».

Отмѣчу, что зимній разгулъ 1920-21 года особенно широко об-

---

*) Среди коммунистовъ, выбившихся «въ люди» (на всякаго рода комиссарскіе посты) изъ крестьянъ и рабочихъ разводы съ прежними женами и бросаніе своихъ прежнихъ семей имѣли въ 1918 и 1919 годахъ чуть не поголовный характеръ.

наружился въ средѣ коммунистовъ, съ болѣе или менѣе ярко выраженными идейными мотивами въ психологіи. Лишенные этихъ мотивовъ разгуломъ занимались и прежде; здѣсь онъ и прежде ограничивался одними только физическими препятствіями — количествомъ добытыхъ напитковъ.

Ни въ чемъ, однако, общественное вырожденіе коммунистической партіи не выразилось съ такой отчетливостью и не приняло такихъ чудовищныхъ формъ, какъ въ методахъ ея управленія, въ пріемахъ административнаго воздѣйствія на населеніе. Отмѣченная уже выше нетерпимость коммунистовъ ко всякому противодѣйствію, милитаризованная психика и тѣ психическія особенности, по признаку которыхъ шелъ естественный отборъ среди населенія членовъ правящей партіи, — все это въ совокупности дало потрясающіе результаты. Не было ни одного пріема управленія и принужденія, къ которому бы не прибѣгали члены правящей партіи. По своимъ пріемамъ воздѣйствія на населеніе коммунистическая партія стоитъ въ одномъ ряду съ самыми изступленными и самыми извращенными извергами человѣчества. Ея дѣйствія были-бы замѣтны при чтеніи самыхъ кровавыхъ и страшныхъ страницъ исторіи человѣчества.

Кое какіе факты садическаго безумія палачей современной Россіи я уже приводилъ въ главѣ «государство». Дополню ихъ выдержкой изъ заявленія Центральнаго Бюро партіи с.-р. «Въ Керенскѣ палачи «чрезвычайки» пытаютъ температурой: жертву ввергаютъ въ раскаленную баню, оттуда голой выводятъ на снѣгъ; въ Воронежской губ., въ селѣ Алексѣевскомъ и др. жертва голой выводится зимой на улицу и обливается холодной водой, превращаясь въ ледяной столбъ; въ Поволжьѣ выдавливая у обнищалаго крестьянства «продразверстку», при 20-25 градусномъ морозѣ выставляли въ тюрьмахъ окна и сажали въ нихъ неисправныхъ плательщиковъ разверстки. Въ Армавирѣ примѣняются «смертные вѣнчики»: голова жертвы по лобной кости опоясывается ремнемъ, концы котораго имѣютъ желѣзные винты и гайку. Гайка завинчивается, сдавливаетъ ремнемъ голову, причиняя ужасныя физическія страданія; въ станицѣ Кавказской, Кубанской области, примѣняется спеціально сдѣланная желѣзная перчатка, надѣваемая на руку палача, съ небольшими гвоздями. При ударѣ жертва испытываетъ двойную боль и отъ удара и отъ гвоздей, оставляющихъ въ тѣлѣ неглубокія раны, быстро загниваю-

щія. Допросы женщинъ, не исключая и политическихъ, сопровождаются «чрезвычайщиками гнуснѣйшими предложеніями выбора -или-или: или быть разстрѣлянной, или сдѣлаться объектомъ похоти палачей».

Читатель скажетъ, что это единичные факты. Къ ужасу человѣчества, нѣтъ. Не единичные. Превращеніе людей въ ледяные столбы широко практиковалось въ Орловской губерніи при взысканіи чрезвычайнаго революціоннаго налога, въ Малоархангельскомъ уѣздѣ одного торговца (Юшкевича) коммунистическій отрядъ за невзносъ налога посадилъ на раскаленную чугунную плиту печки; въ 1920 г. крестьянъ Воронежской губерніи за неполное выполненіе «продразверстки», привязавъ веревкой подъ мышки, опускали въ глубокіе и темные колодцы и тамъ по многу разъ окунали въ воду, потомъ вытаскивали наверхъ и снова предъявляли обезумѣвшей отъ страха жертвѣ требованіе выполнить разверстку полностью. Въ губерніяхъ: Тамбовской, Тюменьской, Воронежской, въ Кубанской и Донской областяхъ неисправныхъ плательщиковъ крестьянъ выводили въ поле, заставляли рыть могилу, раздѣваться. Потомъ выстраивали, команда «пли», выстрѣлы; пули пролетали надъ головой. Это былъ фиктивный разстрѣлъ. Жертвы физически оставались цѣлы, но психически они сламывались отъ ужаса на всю жизнь. Такіе фиктивные разстрѣлы, примѣняемые какъ методъ дознанія правды, употреблялись даже въ Москвѣ (Московской «че-ка») въ зиму 1920-21 года.

А доподлинные разстрѣлы... гдѣ ихъ въ Россіи не было, гдѣ,въ какой губерніи они не исчисляются *тысячами*. Такихъ губерній нѣтъ въ Россіи. Въ рядѣ мѣстностей обреченные на разстрѣлъ были въ такихъ количествахъ, что винтовка и револьверъ являлись недостаточнымъ оружіемъ, чтобы выполнить физическую работу уничтоженія людей. На сцену появлялось изобрѣтеніе новѣйшей военной техники—пулеметы. Такъ было въ Архангельскѣ (1920 г.), в Крыму (1920 г.), подъ Петроградомъ (1919г.), въ Старомъ Осколѣ (1919 г.), въ Екатеринодарѣ (1920г.) и другихъ мѣстахъ,

Не слѣдуетъ думать, что разстрѣлы вызывались всегда или обычно преступленіями обреченныхъ. Разстрѣливали по подозрѣнію, разстрѣливали, «чтобы другимъ не повадно было», разстрѣ-

ливали за убѣжденія, за *возможную* опасность, въ Кіевѣ разстрѣливали изъ за золотыхъ зубовъ, въ Елисаветградѣ и Житомірѣ изъ за хорошей одежды.

Въ Тюменьской губерніи за фактъ неисполненія «продразверстки» сжигали цѣлыя деревни. Въ Иркутской, Якутской, Енисейской губерніяхъ неисправные плательщики налога приравнивались къ «бандитамъ», а это влекло конфискацію имущества, аресты родственниковъ, разстрѣлъ главы семьи. Сборъ зерна для государства въ станицахъ Кубанской области и въ селахъ Ставропольской губерніи зачастую начинался съ того, что пришедшій продовольственный отрядъ зажигалъ на удачу два-три двора и съ винтовками въ рукахъ запрещалъ тушить ихъ. Потомъ отрядъ собиралъ сходъ и на немъ комиссаръ отряда, всегда коммунистъ, угрожалъ сожженіемъ всей станицы или села, требовалъ выполненія зерновой повинности полностью... Когда населеніе, не будучи въ силахъ выносить продовольственной разверстки или издѣвательства коммунистовъ, прогоняло ихъ, тогда появлялась артиллерія и стрѣляла по деревнямъ зажигательными снарядами, причемъ всегда старались поджечь селеніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы населеніе не могло выбраться изъ кольца огня и дыма. Стоитъ почитать приказы по борьбѣ съ крестьянскимъ повстанческимъ движеніемъ, изданные въ губерніяхъ Тамбовской, Черноморской, Иркутской, Енисейской, на Кубани, Украйнѣ, чтобы помутилось въ глазахъ и навсегда была бы потрясена вѣра въ прогрессивное развитіе человѣческихъ нравовъ и морали.

Партійные руководящіе центры — уѣздные, губернскіе, центральный, широкіе круги коммунистической партіи о всѣхъ этихъ проявленіяхъ садическаго безумія знали, но никогда не протестовали: имъ эти дѣйствія казались нормальными и естественными, а если у кого-нибудь и заговаривала протестующая совѣсть, то она легко успокаивалась мыслью о великомъ подаркѣ, который коммунисты несутъ человѣчеству, о соціальной революціи — во имя ея вѣдь создавались всѣ эти ужасы, потрясающіе сердце.

А подъ аккомпаниментъ стоновъ и криковъ несчастнаго населенія, на фонѣ горящихъ деревень съ заживо сгорающими людьми шла пропаганда, въ которой фигурировала жестокость и мстительность буржуазіи, обѣщался соціалистическій рай, разсказыва-

лось о жестокомъ усмиренiи Парижской Коммуны и разрисовывались нелѣпыя картины будущей электрофикацiи страны.

Человѣческое сердце превращалось въ сплавъ изъ звѣриной жестокости, цинизма и лжи.

Сердце переставало отвѣчать нормальной человѣческой реакцiей на страшныя насилiя. Одному писателю въ Москвѣ дѣвушка 23-25 лѣтъ принесла свой дневникъ съ просьбой прочитать его и сказать, есть ли у нея художественный талантъ. Писатель прочиталъ и созвалъ друзей писателей, чтобы прочитать его вмѣстѣ. Дневникъ былъ написанъ не плохо. Но онъ былъ въ то же время наполненъ такимъ количествомъ драматическихъ эпизодовъ, говорилъ о такомъ вырожденiи сердца, что морально прямо оглушалъ слушателей чтенiя. Мой собесѣдникъ, разсказывавшiй мнѣ объ этомъ дневникѣ, три раза просилъ прiостановить чтенiе, чтобы опомниться и привести себя снова въ нормальное состоянiе.

Дневникъ былъ посвященъ исторiи любви дѣвушки къ одному коммунисту. Сама она тоже была коммунисткой. Любимый человѣкъ въ концѣ концовъ разочаровался въ коммунизмѣ и уѣхалъ шахтеромъ въ Донецкiй бассейнъ. Дѣвушка была внѣ себя отъ горя. Въ этомъ состоянiи, когда Божiй свѣтъ не милъ и не хочется жить, она попала въ компанiю работниковъ Особаго Отдѣла армiи (героиня работала въ культурно просвѣтительномъ отдѣлѣ той же армiи). *) Передаю дальше словами дневника. «Сегодня у насъ тридцать сказали мнѣ. А потомъ предложили — «Поѣдемъ?» — «Поѣдемъ»,твердо отвѣтила я. Скоро подали автомобиль и мы поѣхали. Вмѣстѣ съ другими попробовала и я. Изъ своего браунинга продырявила три затылка: два удачно, изъ третьяго брызнулъ мозгъ и замазалъ кофточку. Пришлось тутъ же замывать». И больше о разстрѣлѣ ничего. Дальше шли снова думы о миломъ, жалобы на каменную плиту, которая давитъ душу, о пустотѣ, о тоскѣ. «Потянуло опять въ Особый Отдѣлъ. Пришла. Поздоровалась съ предсѣдателемъ и сѣла. Посмотрѣлъ онъ на меня, посмотрѣлъ, подумалъ, а потомъ мягко такъ: — «Ну, что, сволочь несчастная, попробовала?» — «Попробовала» сказала я, догадавшись, что

*) Особый Отдѣлъ армiи — это военная «чрезвычайка».

спрашиваетъ о вчерашнемъ разстрѣлѣ. «Ну, приходи къ вечеру и сегодня; нынче десять». Съ тѣхъ поръ я почти каждый день принимала участіе въ разстрѣлахъ». Вотъ и все, что было написано въ большомъ и подробномъ дневникѣ о новомъ, такъ сказать, приватномъ занятіи дѣвушки.

Чудовище, исключительный случай, заявитъ читатель. Нѣтъ, авторъ дневника не одинокая фигура среди современныхъ палачей: по разсказамъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи я знаю до десятка случаевъ, когда женщины добровольно «дырявили затылки» и лбы. Къ числу нихъ принадлежитъ, напр., знаменитая жестокостью по сѣверу Россіи Ревекка Пластинина (она-же Майзель-Кедрова), разстрѣлявшая собственноручно свыше ста человѣкъ и ставшая женой другого палача Кедрова (не то врача, не то присяжнаго повѣреннаго). Видѣлъ я дѣвушку палача и самъ. Черезъ два-три дня она регулярно появлялась въ Центральной Тюремной больницѣ Москвы (въ 1919 г.) съ папиросой въ зубахъ, съ хлыстомъ въ рукѣ и револьверомъ безъ кобуры за поясомъ. Въ палаты, изъ которыхъ заключенные брались на разстрѣлъ, она всегда являлась сама. Когда больные, пораженные ужасомъ, медленно собирали свои вещи, прощались съ товарищами, или принимались плакать какимъ-то страшнымъ воемъ, она грубо кричала на нихъ, а иногда, какъ собакъ, била хлыстомъ. Кричала она и на служителей, когда тѣ медленно поднимали съ постели какого-нибудь тяжело больного и медленно укладывали его на носилки. Это была молоденькая женщина, повидимому еще дѣвушка, лѣтъ 20-22. Когда въ концѣ 1920 г. я разсказывалъ о ней своимъ сокамерникамъ во внутренней тюрьмѣ В. Ч. К., мои собесѣдники разсказали о двухъ другихъ женщинахъ палачахъ Москвы.

Въ Россіи мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать о Бакѣ, который за свою молодость и жестокость носилъ названіе «кроваваго мальчика». Сначала онъ подвизался въ Томскѣ, потомъ предсѣдателемъ губернской «чрезвычайки» былъ переведенъ въ Иркутскъ. Въ Туркестанѣ славился предсѣдатель исполнительнаго комитета совѣтовъ Мервскаго округа Гержотъ. Этотъ не только не считалъ нужнымъ скрывать своихъ дѣяній, но даже хвастался ими. Знакомясь съ новымъ коммунистомъ, онъ говорилъ—«Я Малюта Скуратовъ большевистской власти—Гержотъ». Вслѣдствіе его кровавой «работы» десятки тысячъ киргизовъ

оставили Россію и со своими стадами и кибитками перекочевали въ Китай.

Подобно Гержоту своихъ занятій не скрываютъ и другіе палачи современной Россіи. Зачѣмъ имъ скрывать: въ средѣ своихъ товарищей коммунистовъ они не только не вызываютъ отвращенія, но, наоборотъ, цѣнятся, какъ люди твердые и преданные дѣлу міровой соціальной революціи. Почему коммунисты будутъ относиться къ нимъ отрицательно: если палачи разстрѣливаютъ отдѣльныхъ лицъ, то партія въ цѣломъ дѣлаетъ то же самое en gros въ вызванной ею «священной» гражданской войнѣ, въ сжигаемыхъ деревняхъ, въ разрушаемыхъ городахъ, въ губерніяхъ, крестьянство которыхъ обрекается «отъемомъ» на голодную смерть.

Закончу характеристику нравственно-общественнаго вырожденія правящей Россіей партіи выдержками изъ описанія расправы съ рабочими Астрахани. Эту расправу часто вспоминаютъ въ Россіи. Оффиціальное сообщеніе объ ней говорило слѣдующее: «10 марта сего 1919 года въ 10 часовъ утра рабочіе заводовъ Вулканъ, Этна, Кавказъ и Меркурій по тревожному гудку прекратили работы и начали митингованіе. На требованіе представителей власти разойтись рабочіе отвѣтили отказомъ и продолжали митинговать. Тогда мы исполнили свой революціонный долгъ и примѣнили оружіе».

Какъ былъ исполненъ революціонный долгъ?

«Десятитысячный рабочій митингъ, обсуждавшій забастовочныя требованія, былъ оцѣпленъ. Лицомъ къ лицу съ собой рабочіе увидѣли вооруженныхъ винтовками матросовъ, гранатчиковъ и пулеметчиковъ. Въ отвѣтъ на отказъ разойтись былъ данъ залпъ изъ винтовокъ прямо въ густую толпу. Кое гдѣ стрѣляли почти въ упоръ. Кажется, завязались свалки, и поэтому-ли, или просто по какому-то истерически-злобному порыву былъ данъ знакъ и въ гущу людей полетѣли рвущіяся гранаты, а за ними заработали пулеметы.

Картина была невообразимая. Митингъ дрогнулъ, тысячи людей распластались по землѣ, прилегли и жутко затихли. За пулеметной трескотней не слышно было ни стоновъ раненыхъ, ни предсмертныхъ криковъ умирающихъ.

Но дальше терпѣть невозможно. И вотъ по толпѣ пробѣгаетъ словно электрическая искра. Толпа поднимается, срывается съ

мѣста и въ одномъ неудержимомъ порывѣ прорываетъ смертельный кордонъ «смирителей».

Рабочіе наводняютъ городъ, зашевелившійся словно встревоженный улей. Вездѣ, повсюду — одинъ сумасшедшій, паническій вопль: «Стрѣляютъ, стрѣляютъ». Зрѣетъ не менѣе безумный планъ «бѣжать изъ города». Бѣжать, куда глаза глядятъ, хотя кругомъ — степь, весенняя распутица, на Волгѣ ледоходъ, хотя отъ смерти можно бѣжать только на вѣрную смерть. Въ городѣ вокругъ одной церкви собирается снова многотысячная толпа. На этотъ разъ по ней открываютъ артиллерійскую стрѣльбу изъ «форпоста», куполъ церкви обрушивается — и толпа, превратившись въ безумное стадо, бѣжитъ, сама не зная куда.

Таковъ былъ первый актъ ужасной Астраханской трагедіи. Послѣ него — можетъ быть, сами въ ужасѣ отъ того, что надѣлали — ея герои *) посылаютъ въ центръ паническую телеграмму о «возстаніи», запрашивая инструкцій. Въ отвѣтъ лаконическая телеграмма за подписью предсѣдателя Реввоенсовѣта Л.Троцкаго. Всего два слова: «Расправиться безпощадно».

Тогда начался второй, еще болѣе ужасный актъ драмы. У «побѣдителей» были «плѣнные». Они были размѣщены въ городѣ по шести комендатурамъ и по баржамъ и пароходамъ на рѣкѣ.

И вотъ началось какое-то сплошное кровавое безуміе. Разстрѣливали въ подвалахъ комендатуръ, разстрѣливали на дворахъ, съ пароходовъ трупы спускали прямо въ Волгу. Кое гдѣ, жалѣя пуль, просто людей связывали по рукамъ и ногамъ, или привязывали камни на шею и сбрасывали съ бортовъ въ воду. Одинъ изъ рабочихъ, какимъ-то чудомъ спрятавшійся гдѣ-то около машины въ трюмѣ парохода «Гоголь» и спасшій свою жизнь, разсказывалъ, что съ одного этого парохода въ воду было сброшено около *ста восьмидесяти человѣкъ*.

Вся война и расправа была исключительно съ рабочимъ населеніемъ». **)

Методы управленія страной и тотъ психологическій типъ дѣя-

---

*) Коммунистъ Мѣхоношинъ, присланный изъ Москвы.

**) Описаніе Астраханской трагедіи взято мной изъ статьи В. Чернова «Кровавое дѣло». «Голосъ Россіи» 21.III. 1921.

тельнаго коммуниста, который требовался методами и складывался въ процессѣ ихъ примѣненія, оттолкнули отъ коммунистической партіи все нравственно здоровое въ Россіи и наоборотъ съ большой силой начали протягивать моральные отбросы. Несмотря на то, что входъ въ партію былъ открытъ всѣмъ и пребываніе въ ней давало огромныя политическія, правовыя и экономическія выгоды, партія вобрала въ себя меньше половины процента всего взрослаго населенія. Зато она вобрала, вѣроятно, десятки процентовъ моральныхъ босяковъ. Партія превратилась въ центръ отталкиванія для морально чистыхъ людей и въ центръ притяженія для морально-порочныхъ. Она сдѣлалась общественной клоакой,въ которую стекались и сползались соціальные отбросы. Отвратительнымъ запахомъ отбросовъ и ихъ свойствами быстро пропитывались и чистые люди, которыхъ судьба загоняла въ политическую клоаку. Здоровую человѣческую сущность сохранили лишь сотни, отъ силы тысячи членовъ.

Въ этой оцѣнкѣ нѣтъ преувеличенія врага партіи, ибо такуюже оцѣнку себѣ даетъ сама партія. Устами Ленина она утверждаетъ, что «на 10 человѣкъ порядочныхъ, въ партіи 90 негодяевъ»; статьями коммунистическихъ органовъ партія вопитъ о безчисленномъ количествѣ «примазавшихся» къ ней; распоряженіемъ своего Центральнаго Комитета ея члены подвергаются, то «перерегистраціи», то «чисткѣ». «Чистка во второй половинѣ 1921 года выбросила изъ партіи 22 проц. по оффиціальнымъ сводным ъ свѣдѣніямъ для 43 губерній. По отдѣльнымъ губерніямъ этотъ процентъ поднимается до 35 (Тверская губернія), а по отдѣльнымъ уѣздамъ до 48 проц. (Крестецкій уѣздъ Новгородской губерніи)». Проступки, легшіе въ основу этого массового изгнанія коммунистовъ, весьма разнообразны: злоупотребленіе властью, взяточничество, грубость, безчинство, пьянство, воровство, грабежи, уклоненіе отъ всѣхъ видовъ службы, спекуляція, дезертирство, карьеризмъ, состояніе въ царское время въ охранкѣ, въ секретной агентурѣ, въ корпусѣ жандармовъ, связь съ реакціей, шкурничество и т. д...

Но и среди оставшихся были произведены перечисленія въ «штрафные»: переводъ на низшія должности, изъ членовъ партіи въ кандидаты. Въ коммунистическіе формуляры занесено не мало... выговоровъ.

Огромное количество исключенныхъ падаетъ на совѣтскія и партійныя учрежденія». *)

«Чистка» партіи, выражаясь фигурально, захватила дѣйствія членовъ, подвѣдомственныя прежде мировому судьѣ, преступленія, разбиравшіяся окружными судами и судебными палатами, въ кругъ вниманія очищающихъ комиссій не вошли. Они и не могли войти, иначе пришлось-бы исключить всѣхъ. Преступники, обрекавшіе губерніи на голодную смерть, гноившіе продовольствіе, вызывавшіе содержаніемъ и формой своихъ дѣйствій возстанія, занимавшіеся сознательной провокаціей послѣднихъ, повинные въ истязаніяхъ заключенныхъ, въ безумныхъ разстрѣлахъ, — всѣ они остались на своихъ мѣстахъ. Остались и крупные воры, на которыхъ пальцемъ указываетъ вся Россія. Остались и мелкіе, если они не попались. Остались прямые грабители, обиравшіе и населеніе. А главное остался духъ нетерпимости, привилегированности, гордости своей міровой миссіей, осталась психологія невѣжественныхъ и звѣрски грубыхъ людей, пропитанныхъ духомъ кастовой исключительности и не чувствующихъ отвѣтственности передъ населеніемъ, закономъ, совѣстью. Коммунистическую партію очистить нельзя, какъ нельзя оздоровить лѣсъ, гніющій съ корня: его можно только вырубить.

Организаціонное разложеніе партіи. Нравственно общественное вырожденіе коммунистовъ захватило ихъ не только, какъ властвующихъ людей, но и какъ членовъ партіи. Процессы вырожденія съ лицъ перешли на организацію. Силы нравственно общественнаго вырожденія членовъ партіи явились и силами организаціоннаго разложенія самой партіи. Больше того, оба явленія были только двумя сторонами одного и того же процесса.

Неограниченная власть, соединенная съ безотвѣтственностью, вызвала у коммунистовъ нетерпимость и чувство своихъ преимущественныхъ правъ на матеріальныя, правовыя и политическія блага. Эти свойства развились въ практикѣ управленія населеніемъ. Но они не могли остаться и не остались только въ рамкахъ отношеній управляющихъ къ управляемымъ: ими были захвачены и взаимоотношенія управляющихъ. Процессъ распростране-

---

*) Воля Россіи № 2 (отъ 16.1.1922), стр. 18.

нія этихъ чувствъ съ населенія на партійныхъ сочленовъ облегчался и тѣмъ, что всѣ коммунисты, какъ члены одной партіи, какъ одинаковые носители правъ верховной власти, были равны между собою.

Нетерпимость въ острыхъ формахъ вошла во внутри партійныя отношенія; привилегированныя группы выдѣлились и въ нихъ появились «верхи» и «низы» партіи.

Въ основѣ послѣдней дифференціаціи партіи лежалъ различный объемъ *фактическихъ* правъ и фактической власти, которыми пользовались разныя группы ея членовъ. Партія съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ Людовикъ XIV могла сказать фразу последняго l'état c'est moi. Ея органы и дѣятели такъ сплелись съ органами и дѣятелями государства, что провести границу было невозможно. Механика государственнаго управленія требуетъ іерархіи правъ и обязанностей. Въ ней неизбѣжны органы и лица съ большими и меньшими правами, съ широкой и узкой властью. Іерархія государственной жизни сдѣлалась іерархіей и партійной жизни. Особенно четко произошло въ послѣдней разслоеніе между членами, формально управляющими и членами формально не управляющими. Типичнымъ представителемъ первой группы былъ коммунистъ — комиссаръ, а второй — членъ фабрично заводской или сельской коммунистической ячейки.

Партійные «верхи» и «низы» раздѣлялись между собой не только объемомъ фактической власти и отношеніемъ сверху внизъ первыхъ ко вторымъ, но и матеріальнымъ положеніемъ. Всѣ коммунисты, какъ правило, матеріально были обставлены лучше населенія, но внутри ихъ существовало огромное несходство. Формально управляющіе безконечно лучше снабжались, одѣвались, отапливались. Они жили въ лучшихъ квартирахъ, для нихъ были возможны всякія излишества, доступныя прежде только очень состоятельнымъ людямъ. Они имѣли автомобили, лошадей, вино. Они пьянствовали, развратничали, играли въ карты, устраивали загородные пикники и т. д.

Воровство во всѣхъ видахъ и грабежи населенія, являвшіеся типической чертой въ поведеніи коммунистовъ, являлись доступными тоже по преимуществу «верхамъ». «Низы» тутъ были гораздо чище и оттого гораздо бѣднѣе. Въ «верхахъ» подъ прикрытіемъ коммунистическихъ методовъ управленія страной въ огром-

номъ количествѣ и на глазахъ у всѣхъ создавались «совбуры» (совѣтская буржуазія), на «низахъ» ихъ не было.

Къ кровавой жестокости, съ которой правила партія, «низы» были также причастны, они выдѣляли продовольственные, карательные и реквизиціонные отряды, они, когда это требовалось, разстрѣливали своихъ же братьевъ по труду — рабочихъ, ходили съ продовольственными и политическими обысками и т. д. Въ общемъ итогѣ, однако, «низы» и здѣсь были чище: отъ фактическаго управленія они стояли дальше «верховъ» и меньше принимали въ немъ участія. Вину за тяжелыя послѣдствія, которыя вызвала невѣжественная и жестокая политика совѣтской власти, они были склонны снимать съ себя и приписывать «верхамъ».

Наконецъ, въ «низахъ», гдѣ мысли и чувства были меньше порабощены эмоціей власти и жаднымъ стяжаніемъ,осталось больше простора для идейныхъ интересовъ. Вѣра въ соціальную революцію и въ блага, которыя она должна принести съ собой человѣчеству, тамъ была свѣтлѣй; надежды на грядущую лучшую жизнь въ Россіи, какъ на слѣдствіе октябрьской революціи, тамъ были напряженнѣй; довѣрія къ искренности вождей партіи больше. Возмущеніе «верхами» тамъ часто диктовалось, поэтому, не только завистью къ нимъ, не только чувствомъ отпора имъ за самовластіе, задѣвавшее и «низы», за узурпацію общихъ правъ, но иногда и искренними чувствами невѣжественныхъ, но вѣрующихъ и идейныхъ людей.

Антагонизмъ между большими и малыми «верхами» — съ одной стороны и «низами» — съ другой, нарасталъ безпрерывно. Онъ дѣлался все острѣе. Все чаще прорывался. Однако, пока длилась война, онъ подавлялся чувствомъ общепартійной опасности, общимъ желаніемъ побѣды и общимъ напряженіемъ силъ для нея. Внѣшняя и общая опасность всегда объединяетъ. Пока она длится, она тушитъ вражду лицъ, небольшихъ группъ, большихъ классовъ, цѣлыхъ государствъ. Такъ тушила она ее между «верхами» и «низами». Для организаціоннаго разложенія партіи война создавала неблагопріятную обстановку и разложеніе шло крайне замедленнымъ темпомъ. Какъ морозъ,она задерживала гніеніе.

Дѣйствіе войны сказалось примиреннымъ отношеніемъ къ партіи въ цѣломъ, даже ея политическихъ противниковъ.

Вооруженными врагами коммунистической партіи съ 1919 го-

да стали генералы Деникинъ и Колчакъ. Для той части населенія, которая полагала, что генералы несутъ странѣ возвратъ къ старому, они были непріемлемы. Потому-то коммунистическая партія, возглавлявшая борьбу съ генералами должна была неизбѣжно сдѣлаться центромъ притяженія политически-активныхъ силъ страны. Послѣднія то прямо пошли въ нее, то вступили съ нею въ дружественный дѣловой контактъ,то ограничились прекращеніемъ борьбы, противъ нея. Поэтому-то въ 1919 г., когда генералы одерживали внѣшнія побѣды, притокъ въ партію новыхъ членовъ былъ гораздо больше, чѣмъ въ предшествующіе и послѣдующіе годы. Потому то тогда образовалась группа меньшинства партіи с. р., пошедшая на борьбу рука объ руку съ коммунистической партіей, а партія соціалистовъ революціонеровъ, постановивъ прекратить вооруженную борьбу съ совѣтской властью, рѣшила продолжать ее въ тылу войскъ Деникина и Колчака. Поэтому-же нѣсколько моихъ знакомыхъ въ дни, когда войска Деникина,взявъ Орелъ, двигались въ направленіи Тулы, вышли изъ анти-коммунистическихъ партій, къ которымъ они принадлежали, и вступили въ коммунистическую. (Въ началѣ 1921 г. они изъ послѣдней вышли).

Къ концу 1920 года фронты исчезли. Въ гражданской войнѣ, вызванной коммунистической партіей, она оказалась побѣдительницей. Не было армій Деникина, Колчака, ни Сѣвернаго и Крымскаго фронтовъ. Было заключено перемиріе, а потомъ и миръ, съ Польшей. Партія въ первый разъ получила возможность перейти на мирное положеніе и заняться мирной строительной работой. Часъ ея внѣшней побѣды оказался, однако, часомъ ея внутренняго пораженія. Процессы внутренняго разложенія пошли crescendo.

Четыре основныхъ обстоятельства содѣйствовали энергичному теченію процессовъ организаціоннаго распада: исчезновеніе фронтовъ, народо-хозяйственныя неудачи, битая ставка на соціальную революцію и «новый курсъ» экономической политики. Возбудителемъ этихъ процессовъ, ихъ движущей силой было нравственно общественное разложеніе партіи.

Исчезновеніе фронтовъ и непосредственной опасности гибели вызвало наружу всѣ притушенныя и придавленныя до той поры противорѣчія и расхожденія внутри партіи. Начались столкнове-

нія. Грубость, жестокость и нетерпимость коммунистовъ сдѣлали ихъ многочисленными, бурными, нерѣдко вооруженными. «Низы» не хотѣли больше мириться съ жестокой партійной дисциплиной, съ преимущественными правами «верховъ», съ ихъ лучшимъ матеріальнымъ положеніемъ; военные не хотѣли признавать штатскихъ, «троцкисты» — «ленинцевъ», молодые члены — старыхъ, всѣ вмѣстѣ проклинали партійный бюрократизмъ, непотизмъ, лакейство и всѣ вкладывали въ одни и тѣ-же слова разный смыслъ.

Намѣтившееся на «верхахъ» партіи расхожденіе въ мнѣніяхъ о роли профессіональныхъ союзовъ перешло въ комитеты, ячейки, докатилось до провинцій и перешло въ революцію. Страстность споровъ и напряженность столкновеній была такова, что, казалось, дѣло идетъ не о рѣшеніи небольшого вопроса, а о жизни и смерти спорящихъ. Сами коммунисты были поражены такой страстностью и недоумѣнно разводили руками. «Партія больна, партію треплетъ жестокая лихорадка», заявлялъ Ленинъ. Среди коммунистовъ все чаще и чаще начало раздаваться мнѣніе, что «безъ войны намъ не жить. Только война насъ и связывала, разложимся». Пріѣхавшій въ Москву комиссаръ побѣдоносной крымской арміи, разсказывая о разложеніи войскъ въ Крыму и на Кавказѣ, о враждѣ «троцкистовъ» и «ленинцевъ» въ ихъ столкновеніяхъ по вопросу о «профсоюзахъ», о разоруженіи одними воинскими частями другихъ, непрерывно повторялъ «безъ войны пропадемъ».

«Низы» въ провинціи воевали съ «верхами» уже въ 1920 году. Послѣ исчезновенія фронтовъ война закипѣла съ необыкновенной силой. Комиссары уѣзжали на автомобиляхъ въ какомъ-нибудь губернскомъ городѣ съ дамами и винами на пикникъ, а «низы» снаряжали грузовики, вооружались и ѣхали ловить съ поличнымъ пирующихъ товарищей. Комиссары воровали, пьянствовали, а «низы» слали въ Центральный Комитетъ доносы. Организаціонное Бюро Центральнаго Комитета, чтобы ослабить вражду, переводило особенно одіозныхъ для «низовъ» комиссаровъ въ другой городъ, а «низы» снаряжали въ Москву депутацію съ требованіемъ исключить комиссара изъ партіи и не давать ему «хода» по службѣ... Въ Москвѣ на той-же почвѣ борьбы двухъ партійныхъ слоевъ созрѣла идея образованія новой «рабоче-крестьянской коммунистической партіи» (Панютинцы), которая бы-

стро завоевала широкую популярность среди рабочихъ коммунистовъ Москвы.. (Руководители этого движенія были въ концѣ концовъ арестованы и движеніе заглохло). Въ коммунистической средѣ появились прокламаціи, выходящія помимо комитетовъ. Началось и шло, усиливаясь, бѣгство рабочихъ изъ партіи.

Неудачами на народо-хозяйственномъ «фронтѣ» полны всѣ годы царствованія коммунистической партіи, но раньше онѣ оправдывались фронтами и блокадой. Ликвидація послѣдняго Крымскаго фронта сопровождалась широковѣщательными обѣщаніями на страницахъ коммунистическихъ газетъ «народо-хозяйственныхъ побѣдъ», конца разрухи и т. д. Жестокій топливный, транспортный и продовольственный кризисы начала 1921 года показали всю лживость этихъ обѣщаній и всю тщетность надеждъ на оздоровленіе и подъемъ хозяйственной жизни.

Начались волненія рабочихъ.

Центральный Комитетъ попытался тогда снова возбудить надежды на соціальную революцію на Западѣ. Въ этихъ цѣляхъ шла беззастѣнчивая спекуляція на забастовкѣ англійскихъ горнорабочихъ. Затѣмъ была создана попытка вызвать коммунистическое возстаніе въ Германіи. Попытка кончилась крахомъ. Кончилась и забастовка въ Англіи. Всѣ — и «низы» и «верхи» — отчетливо почувствовали, что соціальной революціи въ близкомъ будущемъ не будетъ и коммунистическая Россія должна оставаться одинокимъ соціалистическимъ оазисомъ среди враждебнаго буржуазнаго міра.

Шли небывалыя по размѣрамъ крестьянскія возстанія. Отложился и Кронштадтъ. Центръ коммунистической партіи ясно почувствовалъ неизбѣжность пойти навстрѣчу «мелкобуржуазной» стихіи въ Россіи, а тѣмъ самымъ уменьшить несходство съ буржуазнымъ міромъ и во внѣ. Политическая власть партіи могла быть сохранена только цѣной экономическихъ уступокъ. Былъ объявленъ «новый курсъ экономической политики». Сначала неувѣренно и медленно, потомъ все быстрѣе и, наконецъ, на «всѣхъ парахъ» началась сдача коммунистическихъ позицій въ экономической политикѣ.

Надо было видѣть ошеломленныхъ и сбитыхъ съ толку идейныхъ коммунистовъ, пріѣзжавшихъ въ Москву изъ провинціи, чтобы установить насколько «всерьезъ и надолго» новая полити-

ка. Когда имъ твердо заявили, что она «всерьезъ и надолго», они ходили, какъ пришибленные. Такъ быстро «сжечь все, чему поклонялись и поклониться всему, что сжигали»! Изъ-за чего-же всѣ жертвы Россіи, кровь, нищета! Какъ можно было три года звать къ соціализму и дѣлать все для его немедленнаго введенія, чтобы потомъ вдругъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, отказаться отъ него! Какъ они будутъ выступать передъ рабочими, что говорить имъ!

Партія начала быстро расползаться. Уже къ концу 1920 года изъ нея вымело крестьянъ, послѣ февральско-мартовскихъ рабочихъ волненій началось бѣгство рабочихъ. Интеллигентные коммунисты Москвы настойчиво ставили передъ собой опредѣленную задачу — «хоть паршивенькимъ писцомъ, да заграницу». Наворовавшіеся комиссары уходили съ постовъ и выжидали моментъ, чтобы завести собственное «дѣло». Отвѣтственные партійные работники подъ всякими предлогами отказывались отъ партійныхъ порученій. Во время мобилизаціи коммунистовъ для вооруженной борьбы изъ отрядовъ всякими правдами и неправдами сбѣгало до половины состава, чего раньше никогда не бывало. Когда была объявлена партійная мобилизація для участія въ сборѣ «продналога», уклонилось столько коммунистовъ, что Центральный Комитетъ долженъ былъ опубликовать спеціальный, грозящій карами, циркуляръ.

Чувство неминуемаго и близящагося краха коммунистической власти было всеобще. «Держимся чудомъ» говорили отвѣтственнѣйшіе коммунисты. «Вся надежда на авось», заявилъ Ломовъ: «авось въ Англіи вспыхнетъ соціальная революція и мы получимъ машины и мануфактуру. Авось Америка дастъ значительный заемъ. Авось... Да мало-ли, что благопріятное не можетъ случиться, если есть вѣра въ «авось». «Все погибло», сказалъ Троцкій Суханову въ февралѣ 1921 г. «Надо начинать сызнова».

Острыя столкновенія шли въ Кремлевскихъ «верхахъ»: въ началѣ 1921 года, былъ арестованъ Троцкій, долженъ былъ уѣхать на отдыхъ Крестинскій, не у дѣлъ вдругъ оказался Цурюпа. Интеллигентные коммунисты гадали, кто кого арестуетъ и пока арестовъ не произошло, запасались фальшивыми документами, подыскивали запасныя комнаты и квартиры; усиленно воровали припасы со складовъ. Подготовка къ отсиживанію шла во всю.

«Пора выходить изъ игры», заявляли одни коммунисты. Другіе отвѣчали — «Надо держаться всѣми средствами. Потеряно еще не все: власть въ нашихъ рукахъ». «Надо бросить вызовъ всему міру и умереть со славой», говорили третьи. Безъ труда побѣдило среднее теченіе. «Уступать всѣмъ, во всемъ, вездѣ, всячески лавировать, но лишь-бы сохранить партію и власть».

Власть пока сохраняется, партія-же раскалывается и таетъ. Одновременно подтаиваетъ и власть.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

С. С. МАСЛОВЪ

РОССІЯ
ПОСЛѢ ЧЕТЫРЕХЪ ЛѢТЪ РЕВОЛЮЦІИ

Общія соціально-психическія перемѣны. — Интеллигенція. — Крестьянство. — Рабочіе. — Армія. — Учащіеся. — Коммунистическая партія.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
РУССКАЯ ПЕЧАТЬ
ПАРИЖЪ
1 9 2 2